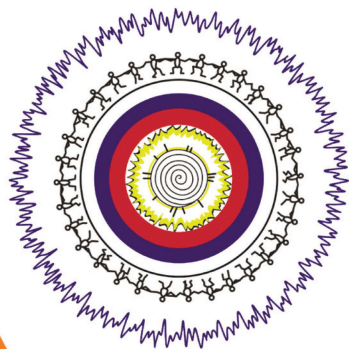

Ассоциация коренных
малочисленных народов Севера,
Сибири и Дальнего Востока
Российской Федерации

The Russian Association
of Indigenous Peoples of the North

ГОЛОС СЕВЕРА

THE VOICE
OF THE NORTH

АССОЦИАЦИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2022-2032 | МЕЖДУНАРОДНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

ГОЛОС СЕВЕРА

*Сборник произведений участников
Третьего литературного конкурса
«Голос Севера»*

Санкт-Петербург
2021

THE RUSSIAN ASSOCIATION
OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH

2022-2032 | INTERNATIONAL DECADE OF
Indigenous Languages

THE VOICE OF THE NORTH

*Anthology of works by participants
of the Third literary competition
“Voice of the North”*

St. Petersburg
2021

УДК 821
ББК 84(21)я43
Г61

Сборник издан при поддержке
ООО «Иркутская нефтяная компания»

ИРКУТСКАЯ
НЕФТЯНАЯ
КОМПАНИЯ

Ассоциация КМНСС и ДВ РФ благодарит за содействие
и помощь в издании сборника
и. о. генерального директора ФГБУ «Президентская библиотека
им. Б. Н. Ельцина» *П. Г. Терещенко*,
директора Санкт-Петербургского филиала
ОАО «Издательство „Просвещение“» *С. Ф. Зубова*
Перевод на английский – *Саймон Паттерсон*

Редакторы-составители:

*Вейсалова Нина Глебовна, Чернышова Светлана Леонидовна,
Бельды Екатерина Николаевна, Рачинская Марина Афанасьевна*

Голос Севера: сборник произведений участников Третьего
Г61 литературного конкурса «Голос Севера». / Общероссийская «Ассоциация
коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока
Российской Федерации»; ред.-сост. Вейсалова Нина Глебовна [и др.]. – СПб.,
2021. – 469 с.

ISBN 978-5-6045716-7-5

Настоящее издание является итогом Третьего литературного конкурса «Голос Севера». В сборнике представлены детские произведения и произведения начинающих писателей-северян, прошедшие конкурсный отбор в номинациях «Детское литературное творчество», «Проза» и «Поэзия» на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с переводом на русский и английский языки. Издание рекомендовано школьникам, родителям, учителям и преподавателям родного языка, литературы и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, а также читателям, интересующимся современным литературным творчеством северных этносов, его национально-культурным своеобразием, лексическим богатством языка.

Все тексты на родных языках публикуются в авторской редакции.

Некоторые творческие работы, не вошедшие в шорт-лист, а также отдельные литературные произведения из присланных на конкурс писателями-северянами, подготовлены к публикации в электронном приложении книги «Голос Севера».

УДК 821
ББК 84(21)я43

© АКМНСС и ДВ РФ, 2021
© Н. Г. Вейсалова, С. Л. Чернышова, Е. Н. Бельды,
М. А. Рачинская, составители, 2021
Все права защищены

ISBN 978-5-6045716-7-5

*The publication was issued with the support
of Irkutsk Oil Company LLC*

The RAIPON would like to thank for assistance
and help in publishing the anthology:

acting general director of the Presidential Library

P. G. Tereshchenko,

director of the St. Petersburg branch of Prosveshchenie Publishers

S. F. Zubov,

English translation – *Simon Patterson*

Editors and compilers:

*Nina Glebovna Veysalova, Svetlana Leonidovna Chernyshova,
Ekaterina Nikolaevna Beldy, Marina Afanasyevna Rachinskaya*

Voice of the North: anthology of works by participants of the Third literary competition “Voice of the North”. / The Russian Association of Indigenous Peoples of the North; edited by Veysalova, Nina Glebovna [et al.]. – St. Petersburg, 2021. – 469 p.

ISBN 978-5-6045716-7-5

The present publication is the result of the Third literary competition “Voice of the North”. The anthology contains works of both well-known and new northern writers, who passed the competition selection in the categories “Children’s literature” and “Prose” and “Poetry” in the languages of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation with a translation into Russian and English. The publication is recommended to school pupils, parents, teachers, and lecturers of the mother tongue, literature, and culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation, and also readers interested in the contemporary literary works of northern peoples, their national and cultural uniqueness and lexical wealth of language.

All texts in indigenous languages are published in the author’s edition.

ISBN 978-5-6045716-7-5

© RAIPON, 2021
© N. G. Veysalova, S. L. Chernyshova, E. N. Beldy,
M. A. Rachinskaya, editors and compilers, 2021
All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

О третьем литературном конкурсе «Голос Севера».....	18
About the third literary competition “Voice of the North”.....	22
Приветствие президента Ассоциации КМНСС и ДВ РФ Г. П. Ледкова.....	25
Opening statement by the President of the RAIPON G. P. Ledkov.....	28
Приветствие Вице-президента Ассоциации по вопросам образования и родных языков КМНСС и ДВ РФ Н. Г. Вейсаловой	31
Opening statement by the Vice-president of the RAIPON for Education and Native Languages N. G. Veysalova	34
Победители Третьего литературного конкурса «Голос Севера»	38
Winners of the third literary contest “Voice of the North”	41

ДЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

CHILDREN’S LITERATURE

Матюшкин Илья Сергеевич (<i>селькупский язык, тазовский диалект</i>) Орса сома кэйы – на мат тэттамы!	48
Матюшкин Илья Сергеевич Самый лучший рай – мой родной край!	50
Matyushkin, Ilya Sergeevich (<i>Selkup language, Taz dialect</i>) My native land is paradise!.....	52
Пяк Макар Анатольевич (<i>ненецкий язык, лесной диалект</i>) Катадей мят чел деэмня патмэй патальдь	54
Пяк Макар Анатольевич (<i>ненецкий язык, лесной диалект</i>) История семьи моей бабушки	57
Руак, Makar Anatolevich (<i>Nenets language, Forest dialect</i>) The story of my grandmother’s family	60
Пяк Михаил Сергеевич (<i>ненецкий язык, лесной диалект</i>) Мя’ай челды” дискай’ нешай’ Панхэн тунды”	63
Пяк Михаил Сергеевич (<i>ненецкий язык, лесной диалект</i>) Моя семья относится к древнему роду Панхи	67

<i>Pyak, Mikhail Sergeevich</i> (<i>Nenets language, Forest dialect</i>)	
My family belongs to the ancient Pankhi clan.....	71
<i>Сотникова Валерия Андреевна</i> (<i>вепсский язык</i>)	
Harav, Vikateh da Hangod-velled	75
<i>Сотникова Валерия Андреевна</i> (<i>вепсский язык</i>)	
Грабли, Коса и братья Вилы. Сказка	77
<i>Sotnikova, Valeria Andreevna</i> (<i>Vepsian language</i>)	
Rake, Scythe and the Pitchfork Brothers. <i>Fairy tale</i>	79
<i>Филкова Анна Станиславовна</i> (<i>телеутский язык</i>)	
Мееҕ сийныма	81
<i>Филкова Анна Станиславовна</i> (<i>телеутский язык</i>)	
Стихи для моей сестрёнки	83
<i>Filkova, Anna Stanislavovna</i> (<i>Teleut language</i>)	
Poems for my little sister.....	85
<i>Гайкова Любовь Николаевна</i> (<i>эвенкийский язык</i>)	
Сикквейн «Минҕи турэн»	87
Анҕун.....	–
<i>Гайкова Любовь Николаевна</i> (<i>эвенкийский язык</i>)	
Сикквейн «Мой язык»	88
Священный олень.....	–
<i>Gaikova, Lyubov Nikolaevna</i> (<i>Evenk language</i>)	
Cinquain “My Language”	89
The Sacred Reindeer.....	–
<i>Колесова Динара Витальевна</i> (<i>эвенкийский язык</i>)	
Минҕи аяври гирки Гудейкэн!	90
<i>Колесова Динара Витальевна</i> (<i>эвенкийский язык</i>)	
Мой верный друг – олень!.....	92
<i>Kolesova, Dinara Vitalevna</i> (<i>Evenk language</i>)	
My faithful friend is a reindeer!.....	94
<i>Николаева Любовь Анатольевна</i> (<i>эвенкийский язык</i>)	
Энин.....	96
Неҕнени	–
Орон – эвэнки ин.....	–
<i>Николаева Любовь Анатольевна</i> (<i>эвенкийский язык</i>)	
Мама	97

Весна.....	96
Олень – жизнь эвенка.....	–
Nikolaeva, Lyubov Anatolevna (Evenk language)	
Мама.....	98
Spring.....	–
The reindeer is the Evenk's life.....	–

ПРОЗА НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ PROSE IN NATIVE LANGUAGES

Болина Татьяна Васильевна (эвенкийский язык)	
Мусуми юктэло.....	102
Болина Татьяна Васильевна (эвенкийский язык)	
Возвращение к истокам.....	107
Bolina, Tatyana Vasilevna (Evenk language)	
Returning to the sources.....	114
Егерь Нина Михайловна (хантыйский язык, шурышкарский диалект)	
И хэйтл няврэм пора элты.....	121
Саран онтáп.....	124
Танька.....	125
Ворнá пошхие. <i>Татья ун аңкем элты хулдáм потáр</i>	126
Егерь Нина Михайловна (хантыйский язык, шурышкарский диалект)	
Один день из детства.....	127
Потан.....	130
Танька.....	131
Воронёнок. <i>По рассказам моей бабушки Татьяны</i>	132
Eger, Nina Mikhailovna (Khanty language, Shuryshkar dialect)	
One Day From Childhood.....	134
The Potan.....	137
Tanka.....	138
The Little Crow. <i>From stories told by my Grandma Tatyana</i>	139
Вануйто Елена Александровна (ненецкий язык)	
Нюдяне Сэрой'.....	141
Вануйто Елена Александровна (ненецкий язык)	
Нюдяне Сэрой.....	146
Vanuito, Elena Alexandrovna (Nenets language)	
Nudyane Seroi.....	151

Ковранто Эмилия Владимировна (корякский язык)	
Еҕин эльг'ата кайҕын гэнтынмэлин. <i>Лымҕыль</i>	156
Ковранто Эмилия Владимировна (корякский язык)	
Как жена обманула медведя. <i>Быль</i>	158
Kovranto, Emilia Vladimirovna (Koryak language)	
The tale of how a wife tricked a bear. <i>A True Story</i>	160
Бельды Наталья Семёновна (нанайский язык)	
Саксисал	162
Даня	163
Бельды Наталья Семёновна (нанайский язык)	
Сороки	166
Бабушка	167
Beldy, Natalya Semyonovna (Nanai language)	
Magpies	169
Grandma	170
Веретнова Галина Павловна (эвенкийский язык)	
Умнэ умҕэтылду. <i>Эвэды нимҕакан</i>	172
Веретнова Галина Павловна (эвенкийский язык)	
Однажды у чаек. <i>Эвенкийская сказка</i>	174
Veretnova, Galina Pavlovna (The Evenk language)	
Once upon a time among the seagulls. <i>An Evenk fairytale</i>	176
Казымкина Оксана Наумовна (ненецкий язык, лесной диалект)	
Выҕ велв". <i>Шотпялс</i>	178
Казымкина Оксана Наумовна (ненецкий язык, лесной диалект)	
Хозяева тундры. <i>Ненецкая сказка</i>	182
Kazymkina, Oksana Naumovna (Nenets language, Forest dialect)	
The Masters of the Tundra. <i>An Nenets fairytale</i>	186
Коробейникова Ирина Анатольевна (селькупский язык, нарымский диалект)	
Мат ондж аджүкат чат чэнчлаге	191
Коробейникова Ирина Анатольевна (селькупский язык, нарымский диалект)	
Про свою бабушку расскажу	195
Korobeinikova, Irina Anatolevna (Selkup language, Narym dialect)	
I'll tell you about my grandmother	199

Павлуткина Зоя Антоновна (селькупский язык, нарымский диалект)	
Мат квѣдждѣл хаг кыска	203
Павлуткина Зоя Антоновна (селькупский язык, нарымский диалект)	
Я красивая чёрная кошка	205
Pavlutkina, Zoia Anatolevna (Selkup language, Narym dialect)	
I am a beautiful black cat.....	207
Потанова Ирина Михайловна (телеутский язык)	
Мееҥ абамныҥ Каргин Михаил Алексеевичтыҥ эзеп салҥан јүрүми.....	209
Соҥон.....	210
Колхозко	210
Јуу	212
Потанова Ирина Михайловна (телеутский язык)	
Из воспоминаний моего отца Каргина Михаила Алексеевича	216
Дядя Соҥон	217
В колхозы	218
Война	220
Potanova, Irina Mikhailovna (Teleut language)	
From the recollections of my father Mikhail Alexeevich Kargin.....	224
Uncle Sogon.....	225
To the collective farms	226
The war.....	228
Прокина Татьяна Фёдоровна (селькупский язык, нарымский диалект)	
Тәнэгэдэл мажелқұп.....	233
Прокина Татьяна Фёдоровна (селькупский язык, нарымский диалект)	
Глупый охотник	234
Prokina, Tamara Fyodorovna (Selkup language, Narym dialect)	
The Stupid Hunter.....	235
Маргарита Пяк (ненецкий язык)	
Ной пивакоця.....	236
Маргарита Пяк (ненецкий язык)	
Валенки	242
Руак, Margarita Otkalevna (Nenets language)	
Fur Boots	248
Роганина Евгения Иннокентьевна (долганский язык)	
Ҳалиип.....	254

Роганина Евгения Иннокентьевна (долганский язык)	
Залив.....	261
Roganina, Evgenia Innokentevna (Dolgan language)	
The Gulf.....	268
Сапельникова Анна Михайловна (саамский язык)	
Тӕл Ӓка.....	275
Сапельникова Анна Михайловна (саамский язык)	
Медведица.....	276
Sapelnikova, Anna Mikhailovna (Sami language)	
The mother bear.....	277
Сомов Андрей Иванович (селькупский язык, нарымский диалект)	
Чаржӓ.....	278
Ӑдыт ӕжешпа.....	–
Ман кыба чвэч – Нярг кэт пӕргӕт.....	279
Квӕлдж.....	–
Мажӓгӕт.....	280
Кыбӕчӕ.....	281
Сомов Андрей Иванович (селькупский язык, нарымский диалект)	
Родня.....	282
Весна идӕт.....	–
Моя малая родина – Красный Яр.....	283
Рыбалка.....	–
В тайге.....	284
Мальчик.....	285
Somov, Andrei Ivanovich (Selkup language, Narym dialect)	
My Family.....	286
Spring is coming.....	–
My little Homeland – Krasny Yar.....	287
Fishing.....	–
In the taiga.....	288
The Boy.....	289
Сязи Антонина Егоровна (хантыйский язык, приуральский диалект)	
Тылащ хоща нявремнан. Ханты моньц.....	290
Тяхара.....	292
Сязи Антонина Егоровна (хантыйский язык, приуральский диалект)	
Дети на луне. Хантыйская сказка.....	294
Тяхара.....	296

Syazi, Antonina Egorovna (<i>Khanty language, Uralic dialect</i>)	
Children on the Moon. <i>The Khanty Fairytale</i>	298
Туакхара.....	300
Тридчикова Татьяна Николаевна (<i>хантыйский язык, шурыйшкарский диалект</i>)	
Тятытиты таха.....	302
Тридчикова Татьяна Николаевна (<i>хантыйский язык, шурыйшкарский диалект</i>)	
Качели	304
Tridchikova, Tatyana Nikolaevna (<i>Khanty language, Shuryshkar dialect</i>)	
The Swing.....	307
Яковлева Олеся Юрьевна (<i>эскимосский язык</i>)	
Упа ынкам милюк'утак'	310
Хуан'а рамкыка	311
Яковлева Олеся Юрьевна (<i>эскимосский язык</i>)	
Упа и милюкутак. <i>Эскимосская сказка</i>	315
Моя семья.....	317
Yakovleva, Olesya Yurevna (<i>Eskimo language</i>)	
Упа and milyuk'utak'. <i>An Eskimo story</i>	320
My family.....	322

ПОЭЗИЯ НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ POETRY IN NATIVE LANGUAGES

Баксарина Валентина Николаевна (<i>телеутский язык</i>)	
Қодыр эчки.....	328
Қой	329
Қуштар.....	—
Пуға.....	330
Түлкү.....	330
Алу қуш.....	331
Баксарина Валентина Николаевна (<i>телеутский язык</i>)	
Козёл.....	332
Овца.....	333
Куры.....	—
Бык	334
Лиса	—
Сова.....	335

<i>Baksarina, Valentina Nikolaevna (Teleut language)</i>	
The Goat.....	336
The Sheep.....	337
Chickens.....	–
The Bull.....	338
The Fox.....	–
The Owl.....	339
<i>Сязи Антонина Егоровна (хантыйский язык, приуральский диалект)</i>	
Тылащ ики. Ханты моньци.....	340
Ида вурты най.....	345
Луймас.....	346
<i>Сязи Антонина Егоровна (хантыйский язык, приуральский диалект)</i>	
Старый Тылащ ики. Старик-Луна. Хантыйская сказка.....	348
Вечернее красное солнце.....	353
Люймаз.....	354
<i>Syazi, Antonina Egorovna (Khanty language, Uralic dialect)</i>	
Old Tylashch iki. The Old Moon. The Khanty fairytale.....	356
The Red evening sun.....	361
Luimaz.....	362
<i>Шадрина Людмила Денисовна (селькупский язык, нарымский диалект)</i>	
Надэртэл Ёдлика минан.....	364
<i>Шадрина Людмила Денисовна (селькупский язык, нарымский диалект)</i>	
Деревушка моя родная.....	365
<i>Shadrina, Lyudmila Denisovna (Selkup language, Narym dialect)</i>	
My Little Village.....	366
<i>Сапельникова Анна Михайловна (саамский язык)</i>	
Пүдзэ пынней.....	367
Кāнџц.....	368
Нийта.....	–
Ѕнна.....	–
Тоасськ мыннэ вырэ аджя.....	369
<i>Сапельникова Анна Михайловна (саамский язык)</i>	
Оленеводу Великой Отечественной войны посвящается.....	370

Друзья.....	371
Девочка.....	—
Мама.....	—
Я так скучаю по тебе, отец.....	372
Sapelnikova, Anna Mikhailovna (Sami language)	
Dedicated to a Reindeer-breeder of the Great Patriotic War.....	373
Friends.....	374
The Little Girl.....	—
Мама.....	—
I miss so you, father.....	375
Веретнова Галина Павловна (эвенкийский язык)	
Гуннэ.....	376
Веретнова Галина Павловна (эвенкийский язык)	
Завет.....	377
Veretnova, Galina Pavlovna (Evenk language)	
The Commandment.....	378
Антонова Антонина Михайловна (вепский язык)	
Канъц саррнэв: «Тәһтэбпӧ мёр луз».....	379
Мушшьтэпӧ.....	380
Антонова Антонина Михайловна (вепский язык)	
Друзья твердят: «Хотим мы к морю».....	381
Помним.....	382
Antonova, Antonina Mikhailovna (Vepsian language)	
My friends say: “Let’s go to the seaside”.....	383
We remember.....	384
Арбачакова Любовь Никитовна (шорский язык)	
Цикл стихов.....	385
Арбачакова Любовь Никитовна (шорский язык)	
Цикл стихов.....	387
Arbachakova, Lyubov Nikitovna (Shor language)	
Cycle of poems.....	389
Арепьева Зоя Дебубтеевна (нганасанский язык)	
Луу.....	391
Хүнсэрэәдиэ койкә.....	—
Дизар.....	392
Сашокә.....	393
Арепьева Зоя Дебубтеевна (нганасанский язык)	
Парка.....	394

Старинный идол	394
Дизар	395
Сашок	396
<i>Арепуева, Zoя Debubteevna (Nganasan language)</i>	
The Parka	397
The Old Idol.....	–
Dizar	398
Sashok	399
<i>Берелтуева Дарья Муханаевна (эвенкийский язык, бургузинский диалект)</i>	
Унуканми.....	400
Алла-биракан.....	401
Меванмав курбудери Хамакай-дуннэв.....	–
<i>Берелтуева Дарья Муханаевна (эвенкийский язык, бургузинский диалект)</i>	
Солнышко, солнышко!.....	403
Речка Алла	404
Родной Самахай.....	405
<i>Bereltueva, Darya Mukhanaevna (Evenk language, Barguzin dialect)</i>	
Little sun, little sun!.....	407
The river Alla.....	408
Native Samakhai.....	409
<i>Жукова Ольга Юрьевна (вепский язык)</i>	
Sügüzen mujud.....	411
Midä tegi keväz’?.....	–
Mi om keza	412
Babukoihe.....	–
Baboin kädéd	–
<i>Жукова Ольга Юрьевна (вепский язык)</i>	
Краски осени.....	413
Заботы весны	–
Про лето	414
За грибами	–
Бабушкины руки	415
<i>Zhukova, Olga Yurevna (Vepsian language)</i>	
The Colors of Autumn	416
The Cares of Spring	–
About Summer	417
Mushroom Picking	–
Grandma’s Hands	–

Иженбина Наталья Платоновна (селькупский язык, иванкинский говор, среднеобский диалект) Қолпашевскай шөшқупый қольмы.....	418
Иженбина Наталья Платоновна (селькупский язык, иванкинский говор, среднеобский диалект) Песня колпашевских селькупов.....	419
Izhenbina, Natalya Platonovna (Selkup language, Ivakinsky dialect) Song of the Kolpashevo Selkups	420
Кожевникова Людмила Владимировна (селькупский язык, иванкинский говор, среднеобский диалект) Мат кыбанноҕыт Ҟолдовыт	421
Кожевникова Людмила Владимировна (селькупский язык, иванкинский диалект) Песня отца.....	423
Kozhevnikova, Lyudmila Vladimirovna (Selkup language, Ivakinsky dialect) The Song of My Father	424
Конева Екатерина Петровна (хантыйский язык, шурышкарский диалект) Сус пора.....	426
Конева Екатерина Петровна (хантыйский язык, шурышкарский диалект) Осенняя пора	427
Koneva, Ekaterina Petrovna (Khanty language, Shuryshkar dialect) Autumn	428
Лонгортов Никита Владимирович (хантыйский язык, шурышкарский диалект) Ма рут мувием	429
Лонгортов Никита Владимирович (хантыйский язык, шурышкарский диалект) Моя малая родина!	430
Longortov, Nikita Vladimirovich (Khanty language, Shuryshkar dialect) My Little Homeland!.....	431
Сэротэтто Илья Владимирович (ненецкий язык) Недарма.....	432
Сэротэтто Илья Владимирович (ненецкий язык) Аргиш	433

Serotetto, Iya Vladimirovich (<i>Nenets language</i>)	
Nyadarma	434
Тодышев Иван Николаевич (<i>телеутский язык</i>)	
Јас	435
Айылдаң ары эзен јадым	436
Күскү	437
Тодышев Иван Николаевич (<i>телеутский язык</i>)	
Весна пришла	438
Когда думаю о доме	439
Осень	440
Todyshev, Ivan Nikolaevich (<i>Teleut language</i>)	
Spring is here	441
When I think about my home	442
Autumn	443
Юнкер Пётр Петрович (<i>хантыйский язык, сургутский диалект</i>)	
Сәмам сәврәмәл, әлә мәта вәди ләңқәт	444
Їот пә вәди сәмхән илә пунчмин	445
Аңқитъәтема	446
Юнкер Пётр Петрович (<i>хантыйский язык, сургутский диалект</i>)	
Сердце стучит, как копыта оленьи	447
Покуда оленьи зеницы открыты	448
Прадеду	449
Yunker, Pyotr Petrovich (<i>Khanty language, Surgut dialect</i>)	
The heart beats like a reindeer's hoof	450
Wherever the reindeer's eyes are open	451
To my great-grandfather	452
Жюри Третьего литературного конкурса «Голос Севера» – 2021	454
Jury of the third Literary Competition “Voice of the North”	455
Языковые эксперты Третьего литературного конкурса «Голос Севера» – 2021	456
Language experts of the Third Writing Competition “Golos Severa” (Voice of the North) – 2021	458
Сведения об авторах и переводчиках	460
Information about Authors and Translators	465

О ТРЕТЬЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ «ГОЛОС СЕВЕРА»

Литературный творческий конкурс «Голос Севера» учреждён Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в 2017 году в целях поиска и выявления авторов, пишущих о жизни, быте, традициях и обычаях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Третий конкурс прошёл под эгидой Международного Десятилетия языков коренных народов мира (IDIL 2022-2032), провозглашённого Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций, чтобы привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению многих языков коренных народов и мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения, возрождения и продвижения. Целью Международного десятилетия является обеспечение права коренных народов на сохранение, возрождение и продвижение своих языков.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, являясь членом Постоянного Форума по вопросам коренных народов ООН, вошла в состав Управляющего комитета ЮНЕСКО по проведению Международного десятилетия языков коренных народов, а также в состав Национального оргкомитета нашей страны по подготовке и проведению Международного десятилетия языков коренных народов в Российской Федерации.

Литературный конкурс «Голос Севера» учреждён Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в 2017 году в целях поиска и выявления авторов, пишущих о жизни, быте, традициях и обычаях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

С 2017 года его участниками стали более 200 авторов из числа коренных малочисленных народов, среди них, как признанные писатели, так и начинающие авторы.

Проект Ассоциации «Голос Севера» отмечен двумя все-российскими наградами:

- 2018 год – лауреат Всероссийского конкурса актуальных национально-культурных проектов «Россия – этнический комфорт»;
- 2021 год – Всероссийская общественная премия за сохранение языкового многообразия Российской Федерации «Ключевое слово».

По итогам первого и второго конкурса были изданы в 2017 и в 2019 годах сборники работ финалистов, в которые вошли лучшие литературные произведения именитых авторов и молодых дебютантов, отобранные в шорт-лист конкурса. Настоящий сборник является итогом Третьего литературного конкурса «Голос Севера», который был объявлен Ассоциацией в 2021 году.

Впервые в Третьем литературном конкурсе объявлена новая номинация для творческих детей и молодёжи коренных народов «Детское литературное творчество на родных языках», целью которого являлась выявление, поддержка и развитие литературного потенциала талантливых детей и молодёжи Севера. Конкурс прошёл в 3-х номинациях: **«Проза на родном языке»**, **«Поэзия на родном языке»**, **«Детское литературное творчество на родном языке»**.

Главными задачами литературного конкурса «Голос Севера» являются:

- сохранение и развитие литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;
- содействие развитию творческого потенциала талантливых писателей, рассказывающих о жизни, быте, традиционных ценностях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;

- популяризация лучших произведений современных авторов, вносящих свой вклад в сохранение литературной самобытности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;
- сохранение и развитие родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;
- выявление и поддержка талантливой творческой молодёжи из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Приём творческих работ Третьего литературного конкурса «Голос Севера» осуществлялся в период с **1 июня 2021 года по 31 октября 2021 года**. На конкурс поступили произведения, написанные на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, с переводами на русский язык. Всего к Третьему литературному конкурсу «Голос Севера» было допущено 64 заявки, соответствовавшие условиям конкурса. Работы, выполненные с нарушениями Положения о конкурсе, жюри к рассмотрению не принимало.

Подведение итогов Конкурса, проходило с **1 ноября по 15 ноября 2021 года**. По результатам второго этапа конкурса был сформирован список финалистов (шорт-лист). Конкурсным жюри допущены к публикации в сборнике произведения 44 авторов с текстами на 21 языке (включая диалекты) коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: селькупском (тазовский, нарымский и среднеобский (иванкинский говор) диалекты), ненецком (литературный и лесной диалект), вепсском (латиница и кириллица), телеутском, эвенкийском (литературный и баргузинский диалект), хантыйском (шурьшкарский, приуральский, сургутский диалекты), корякском, нанайском, долганском, саамском, эскимосском, шорском, нганасанском, ульчском.

По результатам третьего этапа, который проходил в период **с 16 ноября по 30 ноября 2021 года**, были определены победители Третьего литературного конкурса «Голос Севера». Решением Оргкомитета конкурса и членами жюри принято решение – одно призовое место в каждой номинации с присуждением звания лауреата конкурса и вручением премии, а также звания дипломантов 1-й, 2-й и 3-й степеней.

Кроме того, по решению жюри к публикации рекомендованы некоторые творческие работы, не вошедшие в шорт-лист, а также отдельные литературные произведения из присланных на конкурс писателями-северянами.

Третье издание литературных произведений книги «Голос Севера» на языках КМНССДВ, с переводом на русский и английский языки издано Ассоциацией КМНСС и ДВ РФ при содействии АО «Издательство «Просвещение» и ООО «Алмаз-Граф». Издание книги профинансировано ООО «Иркутская нефтяная компания».

Литературный конкурс «Голос Севера» – это просветительское, педагогическое и литературное событие. Проект стал творческим пространством живого диалога, голосом Севера, наполненного открытостью, искренностью, пронзительной энергетикой Севера и, конечно, национальным колоритом людей, живущих на Севере.

Следующий, четвёртый конкурс будет объявлен Ассоциацией в 2023 году.

ABOUT THE THIRD LITERARY COMPETITION “VOICE OF THE NORTH”

The literary competition “Voice of the North” has been held by the Russian Association of Indigenous Peoples of the North since 2017 in order to identify authors who write about everyday life, traditions and customs of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. The third competition was held under the auspices of the International Decade of Indigenous Languages (IDIL 2022–2032) announced by the United Nations General Assembly to draw the world’s attention to the plight of many Indigenous languages and to mobilize stakeholders and resources to preserve, revitalize, and promote Indigenous languages.

The Russian Association of Indigenous peoples of the North, as a member of the UN Permanent Forum on Indigenous Issues, joined the UNESCO Steering Committee for the International Decade of Indigenous Languages and National Organizing Committee for the preparation and celebration of the International Decade of Indigenous Languages in the Russian Federation.

Since 2017, more than 200 Indigenous authors have participated in this competition, including both established writers and novice authors.

The Association’s project “Voice of the North” has been marked by two All-Russian awards:

- 2018 – winner of the All-Russian contest of topical national-cultural projects “Russia – Ethnic Comfort”;
- 2021 – the All-Russian public award for preservation of linguistic diversity of the Russian Federation, “Key Word”.

Based on the results of the first and second competitions, collections of works by finalists were published in 2017 and 2019, which included the best literary works of eminent authors and young debutants selected to the shortlist of the competition.

This collection is the result of the third Literary Competition “Voice of the North” which was announced by RAIPON in 2021.

For the first time in the Third Literary Competition a new nomination was announced for Indigenous children and youth, “Children’s Literary Creativity in Mother Tongues”, the purpose of which was to identify, support and develop the literary potential of talented children and youth of the North. The competition was held in 3 categories: “Prose in the mother tongue”, “Poetry in the mother tongue”, “Children’s literary creativity in the mother tongue”.

The main tasks of the literary competition “Voice of the North” are:

- to preserve and develop the literature of the Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation;
- to promote the development of the creative potential of talented writers who recount the life, customs and traditional values of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation;
- to popularize the finest works of modern authors who have contributed to preserving the literary uniqueness of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation;
- to preserve and develop the mother tongues of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation;
- to find and support talented creative youth from the Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.

Creative works of the Third literary competition “Voice of the North” were accepted from the period from 1st June to 31st October 2021. Works were sent to the competition written primarily in the languages of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, with translations into Russian. In total, 64 applications that complied

with the competition rules were accepted to the Third Literary Competition “Voice of the North”.

The jury formed a short list of the competition from 1st to 15th November 2021. In total, 44 authors’ works in 21 languages of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation (including dialects) were submitted to the competition: Selkup (Tazovsky, Narymsky and Middle Ob Ivankinsky dialect), Nenets (literary and forest dialect), Veps (Latin and Cyrillic), Teleut, Evenki (literary and Barguzin dialects), Khanty (Shuryshkar, Priural, Surgut dialects), Koryak, Nanai, Dolgan, Saami, Eskimo, Shor, Nganasan and Ulch.

Summing up the results of the Competition took place from 16th to 30th November 2021 and the winners of the third literary competition “Voice of the North” were determined. The jury and experts formed a shortlist, and in each category they established a prize for one overall winner who received the title of laureate and a prize award, and also prizewinners in 1st, 2nd and 3rd place.

By the decision of the jury, creative works that did not make it on to the shortlist were also published.

The third edition of the book “Voice of the North” in languages of Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation with translations into Russian and English was published by the Russian Association of Indigenous Peoples of the North with the assistance of Publishing house “Prosveshcheniye” and “Diamond-Graph”. The publication of the book was financed by LLC “Irkutsk Oil Company”.

The literary competition “Voice of the North” is an educational, pedagogical, and literary event. The project has become a creative space for lively dialogue, a voice of the North filled with openness, sincerity, the piercing energy of the North, and of course, the national spirit of the people who live in the North.

The Fourth competition will be announced by RAIPON in 2023.

Уважаемые друзья!

Поздравляю всех северян с выходом в свет итогов Третьего творческого литературного конкурса «Голос Севера». Символично, что наш литературный конкурс на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока дал старт в России Международному десятилетию языков коренных народов мира, которое было провозглашено Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций в период с 2022 по 2032 год.

От имени Ассоциации искренне благодарю за оказание поддержки проекта «Голос Севера» наших друзей и партнёров: Иркутскую нефтяную компанию, благодаря которой издана книга, Санкт-Петербургский филиал издательства «Просвещение», ООО «Алмаз-Граф» и Президентскую библиотеку имени Б. Н. Ельцина.

Более 30 лет Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации ведёт активную работу по поддержке и развитию языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, реализует образовательные и просветительские проекты по их сохранению. Совместно с органами государственной власти, с Федеральным агентством по делам национальностей Ассоциация активно участвует во всех федеральных и региональных событиях, посвящённых развитию и укреплению родных языков и культуры народов Севера. Без родного языка нет прошлого и нет будущего северных этносов. Родной язык хранит многовековые знания, идеи, верования и традиции, передаваемые из поколения в поколение коренных народов.

Литературный конкурс «Голос Севера», учреждённый Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в 2017 году, сегодня успешно развивается. Конкурс имеет свою историю и традиции. Результаты Конкурса показывают, что он востребован в регионах, его ждут и к нему готовятся. С каждым годом число конкурсантов увеличивается, и это радует.

Тематика представленных на третий конкурс произведений разнообразна: это и патриотическое отношение к своей малой Родине, и беспокойство дальнейшей судьбой своего народа, будущим родного языка, и исторические реалии своего народа и своего рода.

Члены жюри отметили, что в представленных на конкурс работах проявляется большая самобытность, наблюдательность, художественный вкус, любовь к родному языку, бережное отношение к сохранению вековых традиций и традиционных ценностей коренных малочисленных народов.

Отмечу, что Ассоциация придаёт большое значение развитию, просвещению и поддержке молодёжи, поэтому в Третьем литературном конкурсе «Голос Севера» была объявлена специальная номинация для творческих детей и молодёжи до 16 лет – «Детское литературное творчество на родных языках», целью которого были выявление, поддержка и развитие литературного потенциала талантливых детей и молодёжи Севера.

Мы гордимся, что просветительский проект Ассоциации «Голос Севера» отмечен уже двумя всероссийскими наградами: в 2018 году стал лауреатом I Всероссийского конкурса актуальных национально-культурных проектов «Россия – этнический комфорт», а в 2021 году ему присуждена Всероссийская общественная премия за сохранение языкового многообразия Российской Федерации «Ключевое слово». Несомненно, это укрепляет позиции нашего проекта по сохранению и развитию литературы народов Севера.

Дорогие друзья, я уверен, что Третья книга литературных произведений «Голос Севера» на языках коренных малочисленных народов Севера, с переводом на русский и английский языки, пополнит библиотеки северных регионов новыми именами и произведениями. Она будет иметь познавательный и краеведческий интерес для многих, сыграет педагогическую и просветительскую роль в воспитании нашей молодёжи, познакомит широкий круг читателей с миром северных людей, с голосом Севера!

*С уважением,
Григорий Ледков,
Сенатор РФ,
Президент Ассоциации коренных
малочисленных народов Севера, Сибири
и Дальнего Востока Российской Федерации*

Dear friends,

I congratulate all northerners on the release of the third literary competition “Voice of the North”. It is symbolic that our literary competition in the languages of the Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East launched in Russia the International Decade of Indigenous Languages announced by the United Nations General Assembly for the period from 2022 to 2032.

On behalf of the Association, I sincerely thank our friends and partners for their support of the “Voice of the North” project: the Irkutsk Oil Company for financial support, the St. Petersburg branch of Publishing House “Prosveshcheniye”, “Diamond-Graph” and the B. N. Yeltsin Presidential Library.

For over 30 years, the Russian Association of Indigenous Peoples of the North has worked on supporting, developing and preserving the languages and cultures of Indigenous peoples of the North. In cooperation with public authorities and the Federal Agency for Nationalities, the Association actively participates in all federal and regional events dedicated to the development and strengthening of native languages and the culture of peoples of the North. Without the mother tongue there is no past and no future for the Indigenous peoples. The mother tongue preserves centuries-old knowledge, ideas, beliefs and traditions passed down from generation to generation of Indigenous peoples.

The “Voice of the North” literary competition has been held by the Russian Association of Indigenous Peoples of the North from 2017 and is successfully developing today.

The competition has its own history and traditions. The results of the competition show that it is needed in the regions, it is expected and prepared for. The number of contestants increases every year, which is pleasing.

The subjects of the third competition are diverse: the patriotic attitude to the homeland and the concern for the further destiny of the people, the future of the native language, and the historical realities of the people and the family.

The jury noted that the works sent to the competition demonstrated great originality, observation, artistic taste, love of the mother tongue, and a caring attitude to the preservation of centuries-old traditions and traditional values of Indigenous peoples.

I would like to point out that the Association attaches great importance to development, education and support of youth, which is why a special nomination “Children’s literary creativity in the mother tongue” was announced for children and youth up to the age of 16 to find, support and develop literary potential of talented children and youth of the North.

We are proud that the educational project “Voice of the North” has already received two All-Russian awards: in 2018 it won the first All-Russian contest of topical national-cultural projects, “Russia – Ethnic Comfort”, and in 2021 it was awarded the All-Russian public prize for preservation of linguistic diversity of the Russian Federation, “Key Word”. Clearly, this strengthens the position of our project to preserve and develop the literature of Indigenous peoples.

Dear friends, I am sure that the third book of literary competition “Voice of the North” in the languages of the Indigenous peoples of the North, translated into Russian and English, will fill the libraries of northern regions with new names and works. Many people will find it interesting,

it will have pedagogical and educational value for our youth,
and it will acquaint a wide range of readers with the world
of northern people and with the voice of the North!

*Yours sincerely,
Grigory Ledkov,
Senator of the Russian Federation,
President of the Russian Association
of Indigenous Peoples of the North*

Дорогие друзья!

Перед Вами третья книга «Голоса Севера» на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ с переводом на русский и английский языки. Это результат уникального масштабного просветительского проекта Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Главная цель проекта – это поддержка, продвижение и укрепление потенциала родных языков коренных малочисленных народов многонациональной России посредством художественного слова. Родные языки коренных малочисленных народов являются культурной и исторической памятью народов, уникальной сокровищницей традиционных знаний, накопленных нашими предками. Пока мы говорим на родном языке, эта культурная память жива. Ведь бессмертие народа в его языке.

Одним из приоритетов в деятельности всероссийской ассоциации является работа по сохранению, развитию и продвижению родных языков коренных малочисленных народов России.

Наш литературный конкурс «Голос Севера» открывает новые литературные имена, в том числе и из числа молодых представителей малочисленных народов, продолжателей плеяды писателей северной литературы.

В условиях глобализации современного мира одним из важных условий формирования национального самосознания, сохранения самобытной культуры, укрепления родного языка наших народов является, несомненно, национальная

литература, ярко отражающая особенную ментальность, миропонимание, бытовые особенности коренных народов.

Сохранение языка и культуры в целом не может быть полноценным без возрождения одной из важных составляющих любой культуры – литературы. Мы понимаем, что литература народов Севера сегодня находится не в простых условиях, но не будем забывать, что именно литература является самым ярким показателем интеллектуального потенциала, общего духовного состояния, культурного развития любого народа и общества. Вот поэтому мы придаём особое значение нашему литературному конкурсу «Голос Севера».

Для выявления самобытных авторов из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, состоявшихся и начинающих писателей, способных при помощи художественного слова формулировать, фиксировать, хранить, обогащать и передавать во времени и пространстве основополагающие духовные традиционные ценности своего народа, Ассоциацией и был учреждён этот просветительский проект – литературный конкурс «Голос Севера» в 2017 году.

Наш конкурс – это творческий коллективный труд многих людей. Я благодарю каждого, кто внёс свой значимый вклад в наш литературный проект. Это члены конкурсного жюри, языковые эксперты, работающие над редактированием текстов на языках КМН и переводчики на английский язык, члены Санкт-Петербургского отделения нашей Ассоциации, художники и издательства – *благодаря всем Вам, третья книга «Голос Севера» вышла в свет и мы с Вами по праву можем гордиться этой масштабной совместной работой.*

Желаю нашему творческому проекту дальнейшего развития во благо укрепления потенциала носителей языков коренных малочисленных народов и продвижения

национальной северной литературы. «Голос Севера» – это наш общий вклад в Десятилетие действий по сохранению языков коренных народов!

*С уважением,
Нина Вейсалова,
Вице-президент Ассоциации
по вопросам образования и родных языков
КМНСС и ДВ РФ*

Dear friends,

This is the third book of “Voice of the North” in the languages of Indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation translated into Russian and English. It is the result of a unique large-scale educational project of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North. The main task of the project is to support, promote and strengthen the potential of mother tongues of Indigenous peoples of multi-ethnic Russia through artistic expression. The mother tongues of Indigenous peoples are the cultural and historical memory of peoples, a unique treasury of traditional knowledge accumulated by our ancestors. As long as we speak our mother tongue, this cultural memory is alive. After all, the immortality of a people is in their language.

One of the priorities of RAIPON is the preservation, development and promotion of the mother tongues of the Indigenous peoples of Russia.

Our “Voice of the North” literary competition reveals new literary names, including young representatives of Indigenous peoples, the successors of renowned writers of northern literature.

In the globalized world of today, one of the most important conditions for the formation of national identity, the preservation of distinctive culture and the strengthening of the mother tongue of our peoples is the national literature, which vividly reflects the specific mentality, understanding of the world and everyday practices of Indigenous peoples.

The preservation of language and culture in general cannot be complete without reviving one of the important

components of any culture: literature. We understand that the literature of the peoples of the North faces difficult conditions today, but let us not forget that literature is the brightest indicator of intellectual potential, spiritual state, and cultural development of any nation and society. That is why we attach special importance to our literary competition “Voice of the North”.

In order to identify original authors from among the Indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East who are able to formulate, record, store, enrich and transmit in time and space the fundamental spiritual traditional values of their people, the Association established this educational project – the literary competition “Voice of the North” in 2017.

This project is the creative and collective work of many people. I thank everyone who has made meaningful contributions to our literary project. These are the members of the competition jury, the language experts who edit texts in Indigenous languages, English translators, the members of the St. Petersburg branch of RAIPON, the artists and publishers. Thanks to all of you, the third book of “Voice of the North” has been published, and we all can be proud of this large-scale joint work.

I wish further development for our project in order to provide more opportunities for Indigenous language speakers and promote national northern literature. “Voice of the North” is our joint contribution to the Decade of Action for the Preservation of Indigenous Languages!

*Yours sincerely,
Nina Veysalova,
Vice-president of the RAIPON
for education and mother tongues*

*«У народов Севера есть одна непроходящая,
поистине судьбоносная сила,
идущая из глубины седых веков,
сберегающая и поддерживающая их
на долгом историческом пути.
Это родной материнский язык.
Сохраним родные языки –
сохраним наши народы»*

Андрей Васильевич Кривошапкин,
эвенский писатель,
народный писатель Республики Саха (Якутия),
член Союза писателей РФ,
председатель жюри конкурса «Голос Севера»

*“The peoples of the North have one eternal,
truly fateful force,
coming from the depths of the ‘grey’ centuries,
preserving and supporting them on their long
historical journey.
This is the mother tongue.
Let us preserve our native languages,
let us preserve our peoples”*

Andrey Vasilyevich Krivoshapkin,
Even writer,
people’s writer of the Republic of Sakha (Yakutia),
member of the Russian Writers’ Union,
chairman of the jury of the competition “Voice of the North”

**ПОБЕДИТЕЛИ
ТРЕТЬЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«ГОЛОС СЕВЕРА»**

• **Номинация**
«Детское литературное творчество»

Лауреат

Матюшкин Илья Сергеевич,

14 лет, селькупский язык, тазовский диалект,
рассказ «Самый лучший рай – мой родной край!»

Дипломант I степени

Пяк Макар Анатольевич,

16 лет, ненецкий язык, лесной диалект,
рассказ «История семьи моей бабушки»

Дипломант II степени

Пяк Михаил Сергеевич,

16 лет, ненецкий язык, лесной диалект,
рассказ «Моя семья относится к древнему роду Панхи»

Дипломанты III степени

Сотникова Валерия Андреевна,

13 лет, вепсский язык,
сказка «Грабли, Коса и братья Вилы»

Филкова Анна Станиславовна,

10 лет, телеутский язык,
Стихи для моей сестрёнки

• **Номинация**
«Проза на родных языках»

Лауреат

Болина Татьяна Васильевна,
эвенкийский язык,
рассказ «Возвращение к истокам»

Дипломант I степени

Егерь Нина Михайловна,
хантыйский язык (шурышкарский диалект),
цикл детских рассказов

Дипломант II степени

Вануйто Елена Александровна,
ненецкий язык,
рассказ «Нюдяне Сэрой»

Дипломант III степени

Ковранто Эмилия Владимировна,
корякский язык,
быль «Как женщина медведя перехитрила»

• **Номинация**
«Поэзия на родных языках»

Лауреат

Баксарина Валентина Николаевна,
телеутский язык,
басни о животных

Дипломант I степени

Сязи Антонина Егоровна,
хантыйский язык (приуральский диалект),
сказка в стихах «Старик-Луна»

Дипломант II степени

Шадрина Людмила Денисовна,
селькупский язык, нарымский диалект,
стихотворение «Деревушка моя родная».

Дипломанты III степени

Сапельникова Анна Михайловна,
саамский язык,
стихотворение «Оленеводу
Великой Отечественной войны посвящается...»

Веретнова Галина Павловна,
эвенкийский язык,
стихотворение «В Верхнем мире»

**WINNERS
OF THE THIRD LITERARY CONTEST
“VOICE OF THE NORTH”**

• *Category*
“Children’s literature”

Matyushkin, Ilya Sergeevich,
laureate, 14 years old, 8th grade Selkup language,
Taz dialect,
story «My native land is paradise!»

Pyak, Makar Anatolevich,
diploma of the I degree, 16 years old, 10th grade,
Nenets language, Forest dialect,
stori «The story of my grandmother’s family»

Pyak, Mikhail Sergeevich,
diploma of the II degree, 16 years old, 9th grade,
Nenets language, Forest dialect,
stori «My family belongs to the ancient Pankhi clan»

Sotnikova, Valeria Andreevna,
diploma of the III degree, 13 years old, 7th grade,
Vepsian language,
Fairytale «Rake, Scythe and the Pitchfork Brothers»

Filkova, Anna Stanislavovna,
diploma of the III degree, 10 years old, 4th grade,
Teleut language, Poems for my little sister

• *Category*
“Prose in native languages”

Bolina, Tatyana Vasilevna,
laureate, Evenk language,
story «Returning to the sources»

Eger, Nina Mikhailovna,
diploma of the I degree, Khanty language, Shuryshkar dialect,
story «One Day From Childhood»

Vanuito, Elena Alexandrovna,
diploma of the II degree, Nenets language,
story «Nyudyane Seroi»

Kovranto, Emilia Vladimirovna,
diploma of the III degree, Koryak language,
A True Story «The tale of how a wife tricked a bear»

• **Category**
“Poetry in native languages”

Baksarina, Valentina Nikolaevna,
laureate, Teleut language,
fables

Syazi, Antonina Egorovna, diploma of the I degree,
Khanty language, Uralic dialect,
The Khanty fairytale «Old Tylashch iki. The Old Moon»

Shadrina, Lyudmila Denisovna,
diploma of the II degree, Selkup language, Narym dialect,
poem «My Little Village»

Sapelnikova, Anna Mikhailovna,
diploma of the III degree,
Sami language,
poem «Dedicated to a Reindeer-breeder of the Great Patriotic
War...»

Veretnova, Galina Pavlovna,
diploma of the III degree, Evenk language,
poem «The Commandment»

ДЕТСКОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ТВОРЧЕСТВО

CHILDREN'S LITERATURE

Матюшкин Илья Сергеевич

*Лауреат, 14 лет,
селькупский язык,
тазовский диалект*

ОРСА СОМА КЭЙЫ – НА МАТ ТЭТТАМЫ!

Тап муқылтырый тэттоқын коччик курасымый копты әңа. Тэтты кун мат илак – мат чоты сома әңа: Рөттатқа қэрөтын, Ямало-Ненецкай автономнай округқын иппа.

Нәчча, ме Толькыт поры ноны шиттытон эй шитсар көт потқын түсөмын, тап әтыманы макка қәчісы. Мешімын тэттай сәққы ай Тосый қолты четысы ныны сайыкый кэйы. Рөттә кунтақын қэтты ноны әңа. Тэм ашша мэрқы қэтты, шитты тон эй көт чәңкытый тон қумын илөтын. Кэт Рөттәқын – намышак қурасымык әңа, муқылтырый пон чаптыса чолқымпөтын. Сәққы ноны няронты тантыканты, тэтты қэтыльчықа, митымол қищқан тэттын иқын. Рөттә мат чоты – кусаля січи ноны.

Кэт Рөттәқын қоңқың әңа, а қоңқың әнта, орсымый ай талыкый қумытқа әнтөтын. Тымты қумын уккыр қумый мөсса илөтын. Тэпын сома путыса әңөтын, то ташінты ашша чатәнтөтын, пәлтымпәнтөтын.

Тап әтымантөқын шөйқумын илөтын, тэпытын мықын иста ұры әңә – Қэлытчий челы, Өтәй челы, Ямал челы, Әтымантөқый челы. Нильчий сурытчий ай қэлытчий копты әңә – Нюний кикә, Поколька, Ширтат поры, Сырноқ. Қумын нымты руший пой мөтқын илөтын, өтәтып мэрөтын, поққытөтын, сурынөтын, истап утак шүтқөтын, қаңлып меккөтын.

Рөттә Тосый қолтоқын қанқын олта. Мэрқы чөй сәққы кынылпа. Арат қумын, қарәт топыр, маччит топыр ныны аксыл тақантыкөтын. Қәльтыранты: чөй апты апталнанты, ұңкылтымпанты куттар сурын коймытөтын.

Рөттән оққын шұмыколык әңә, тымты – тонымты инәтыт писыптә ұнта, тэпын сонтырнөтын. Тымты қумын кучатәм ашша чекапталтымпөтын, коччик машина чәңкөтын. Рөттәй қумын чаңай оттәй қаңлыса ныны буранса кораңөтын, омын олқа топыса қәльтырөтын.

Мат коччик тәнырпысам, қай мат чөты мат кыпа Родина? Рөттә мат чөты – шиттымтәлый кэйы, мат кыпа әптәтый, мат илыптә.

Матюшкин Илья Сергеевич

*Лауреат, 14 лет,
селькупский язык,
тазовский диалект*

САМЫЙ ЛУЧШИЙ РАЙ – МОЙ РОДНОЙ КРАЙ!

В мире есть много красивых замечательных мест. Но моя малая родина – самая лучшая. Она находится в Ямало-Ненецком автономном округе, называется – село Ратта.

Мы переехали сюда в 2020 году из села Толька, и я сразу полюбил это место. Нас встретила тайга, свежий воздух, богатые урожаем леса и река Таз. Село Ратта находится далеко от оживлённого города. Ратта – небольшое село, население около 290 человек. В Ратте зимой необыкновенно красиво, все деревья блестят инеем, а когда выходишь из леса в тундру, земля сияет, словно звёзды на ней. В дали видны следы животных, ровная дорога оленьих упряжек. Для меня Ратта – кусочек моего сердца.

Зимой в Ратте холодно, а если холодно, значит люди крепкие, сильные. Односельчане живут все одной семьёй, люди очень отзывчивые и добрые – никто не останется в беде.

В нашем селе живут селькупы, у них есть различные традиции и обряды – День рыбака, День оленевода, День Ямала, День села. Здесь есть такие стойбища, как Налимье, Поколька, Ширта, Сыронок. На стойбищах люди живут в избушках, разводят оленей, ловят рыбу, охотятся, шьют одежду, изготавливают нарты.

Село расположено на реке Таз. Здесь простираются величественные сосновые леса. Осенью все дружно собирают грибы, клюкву, бруснику. Сердце переполняет умиротворение, когда гуляешь по бору, вдыхаешь свежий сосновый аромат и слушаешь несмолкаемое жизнерадостное пение птиц.

В Ратте тихо и спокойно, лишь отовсюду раздаётся озорной смех детворы, которая предаётся разнообразным играм и забавам. В Ратте нет выхлопных газов, нет большого количества машин, нет суеты. Транспорт раттовцев – олени, снегоходы «Буран». Также люди много ходят пешком.

Я много думал, что значит для меня малая родина. Ратта для меня – второе дыхание, моё детство, мои цели, моя гордость.

Matyushkin, Ilya Sergeevich

*Laureate, 14 years old,
Selkup language,
Taz dialect*

MY NATIVE LAND IS PARADISE!

There are many beautiful and wonderful places in the world. But my little homeland is the best. It is in the Yamalo-Nenets autonomous region, and the village is called Ratta.

We moved here in 2020 from the village of Tolka, and I immediately fell in love with this place. We were greeted by the taiga, fresh air, forests with rich harvests and the River Taz. The village of Ratta is far from the bustling town. Ratta is small, with a population of around 290 people. Winter in Ratta is incredibly beautiful, all the trees shine with frost, and when you go out of the forest into the tundra, the earth shines as if there were stars on it. In the distance, you can see animal tracks, the even road of reindeer teams. For me, Ratta is like a piece of my heart.

Winter in Ratta is cold, if it's cold, this means the people are sturdy and strong. The villagers all live as one big family,

people are very understanding and kind – no one is left to fend for themselves.

Selkups live in our village, and they have various traditions and rituals – Fisherman’s Day, Reindeer Breeder’s Day, Yamal Day, Village Day. There are camps here such as Nalimye, Pokolka, Shirta and Syronok. In the camps, people live in huts, breed reindeer, catch fish, hunt, sew clothing and make sleds.

The village is located on the River Taz. Majestic pine forests stretch along the river. In the autumn everyone gathers mushrooms, cranberries and whortleberries. The heart fills with peace as you walk through the forest, breathe in the fresh pine aroma and hear the constant joyful singing of birds.

Things are quiet and calm in Ratta, you only hear the mischevious laughter of children playing various games and having fun. There are no exhaust fumes in Ratta, there are few cars and there is no bustle. For transportation, the people in Ratta ride reindeer, “Buran” snowmobiles, or simply walk.

I have thought a lot about what my little homeland means to me. For me, Ratta is my second wind, my childhood, my goals, my pride.

Пяк Макар Анатольевич

*Дипломант I степени, 16 лет,
ненецкий язык, лесной диалект*

КАТАДЕЙ МЯТ ЧЕЛҔ ДЕЭМНЯ ПАТМЀЙ ПАТАЛҔДЬ

Ненэй каймы” шел”. Чики вачатай мани нешахатай намтмэй Пяк Анатолий Альвовичхат. «Мань немядей Пякой Ухалямы Ылиҕаҕ не нюш, дилдимахананта” катаныхитата” намтмайта, купты шел палыҕотаҕ дельшкой». Понанта кулкали” тавсутана” деча” чуки дяхана ҕычимштомай. Нешадедюм’ Ылиҕа Пяк ныны ҕаймянта дельшкана ҕаймы” шел, нешамта няш камуломахатуҕ, мяктуҕ’ пуняҕ’ мюшимай Ко калтыхит. Чуки четаҕ’ деты калват’ көвхай выҕкна, Муравленкам’ нимича тадя каналкалимэт. Катлю калтыхит’ тэвсламытуҕ деча ҕиниша. Ылиҕа нешадюм’, кайканата” чупей нета” нелтомай. Нелчеэйхамаҕ’ пин’ канаштомыта калмялута” кану” пя” ниҕ’ мышчештомыта маа. Кукэхэна” чупей’ дякохоломай нета”, немяньч нялиҕ’ кадюхалимэхэҕ’ маай. Ылиҕа нема мамыа нюхунта: «Нашей мят тайван калмялут, тайна халвант видя мата! Талҕам кадишейхай».

Налахана” чупей тыч каймай. Ыыматана мядян’ җуп дядидяай томаи. Ылиҗа вялкмайта, нютлемеыта кан’ пян’. Тайна’ немядюм’ няҗта мамай: «Кайшидихий Выҗки-выҗкна Хаттхана не кайкай кыдипи, таняшейҗ кәхэй». Кан пяхана җоп дядидихина Ылиҗа немямта хонлапёши” тадя дяталкалимай. Ыамы дельшкана каймяхатчи немядюм’ нюхунта мамай: «Пуняҗ кай! Кәхэнт канхай җалка веша кәхәл кос! Вынил дехела! Ылиҗа пуняҗ каймай, җыди кәхута” поҗкат мел комыта”, тайна тамыта”. Чикехамахат тадя кәхэмч нянхалимэхэҗ. Калыта җалдехента налакоде-халтай ни выдю, пуна куше тэвнадяй.

Выҗки-вынт минтаханчи” пон пай нала, талям Хатт дётёхе тэвхалимэхэҗ. Хатт мамай: «Кунядиҗ кэвнач, тадяшейҗ нянана дилишейҗач”. Дипҗу нешаҗи” талям ваньше каймы” нетуҗ’ пилюштомытуҗ’, няҗтуҗ маньштомай: «Ыамым косыдяҗата”, чахана мэҗата”». Вянычи” хома, висамы нешаҗ җаймай, нимаи ман мань җай мяай чел нидя канэл. Тайна Ылиҗа немямта хонлапё мэмыта дядидюм вачумади, шича ходюм ватамай. Хаттхана дилиши Ылиҗа нэханта тэвхалимай, җамэхэ ты’увдета” җу’ җычимай мюшиманта җок.

Немямта хонлапё мэмыта дядидядюм куняҗэхэнанта шичам худюштомай, худюта” нямат’ җаштомай. Ылиҗа тэчамтамалимта пяхалемаи. Кукэхана Хатт Ылиҗан мамай: «Ыамэхэ ты’удет җокма’ җычимя, нехант’ җу тэвдян, калет кунякуҗа дилиман хапат җай дямтат ма».

Талям Ылиҗа чет халимай няхатата”. Хома шоньшахана Хаттхатта шита дилипчемы дямтахалимай Пяку”-Пюлант. Нилима нетта мэмай, тайна нита” таймэмай. Каса нюху-дета” – Водя, Алема тэхэна” мансламэхэҗ, не нита” – Дядяй (пайнлаваста), Ухоляма, Хылику кыдипё каймай, калитуҗ’ мяттуҗ’ паталмай, нитуҗ җука җаймай, нитуҗ’ нюуди” поҗкна хомана дилимай, нешай мят туудим’ чудипёмай.

Четы чики выңкай Җайвашата Ыдяляң Ньюпылюң нюң мэвши дяхана дётыдёта” җаймай – Пюлюкуң дяладяйхана. Пуна хампляңк дёл мяннэ каймай тыта” Ылиңа. Таңок ңэ кэптуң ңотнаң луса” канамайтуң, кэмчаки” лүши” дельшкана, кашемдёл тылим кадимай” ңоп мят чел дзей. Хатт ты” ңопчики канамай. Ылиңам шалмай тэтатанта деэмня. Мята чел лемкама выңим Хаңупы вымна нешаңи” нимчимайтуң, дяхамта Хаңупы дяхамана.

Четаң тамна выңкна Ылиңахат кадюмы” нюта” нюуди” мятутуң патды”, тэсамың, мятчелсамың Выңкиң няна, Пюлдяханантуң мюшиңа”. Немянта манумахаты: «Пуняң кай, кэхэл кос». Чета чики кэхэмтуң тамна кэхэң канхана падилятуң, хомана лэтпитуң, шиниңкуй ваньше каймы мятэхэтта Ылиңа нилидей тёвламы.

Пяк Макар Анатольевич

*Дипломант I степени, 16 лет,
ненецкий язык, лесной диалект*

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МОЕЙ БАБУШКИ

Эту историю я узнал от своего отца – Пяк Анатолия Альвовича: «Моя мать, Пяк Ухоляма, когда ещё была жива, рассказала о событиях, произошедших давно, в царские времена. Её отец, Пяк Ылинча, будучи ещё подростком, возвращался вместе со своими родителями, братьями и сёстрами с ярмарки, что находилась в Берёзово. Долго ехали на оленьих упряжках, аргиш был длинный, а нарты были наполнены разными товарами. По пути следования, в районе современного города Муравленко, вся семья заболела. Скорее всего, инфекцию привезли с ярмарки. Начали умирать братья, сёстры и отец. Остался в живых только Пяк Ылинча и его мать. Тогда была весна, май. Мать велела сыну выносить покойников из чума на улицу и класть их на нарты, чтобы можно было похоронить. Но так как все умерли, помощи не было, мать сказала, чтобы он эти трупы затаскивал обратно в чум. Затем мать скомандовала: «Ылинча! Отрежь верёвку, которая держит основные шесты на чуме!» Таким образом

они вдвоём похоронили всю семью вместе с родовым жилищем».

В это время был наст, а олени разбежались по тундре (наст – это заледеневшая снежная корка, которая образуется после короткой оттепели). К их счастью, пришла одна важенка, которую Ылинча заарканил и запряг в упряжку. Они тронулись с места на одном олене. Мать сидела на нарте, а Ылинча шёл рядом пешком. Пройдя несколько метров, она сказала сыну, чтобы он возвращался обратно и взял с собой из священной нарты родового идола-хранителя, изготовленного из металла. Парень побежал, легко нашёл его среди других «покровителей» и вернулся с ним. Мать с сыном попросили помощи у своего идола, молились о том, чтобы не было оттепели. Женщина решила, что им предстоит поехать к её младшей сестре, которая была замужем за Пяк Хатт. В пути было сложно, но они добрались до стойбища родственников, всю дорогу был наст, который помог им дойти до цели.

Хатт был добрым человеком, он и приютил их. Увидев женщину и ребёнка в беде, он произнес: «Куда же вы пойдёте? Оставайтесь с нами». Хотя в те времена к таким людям, чьего чума или стойбища коснулась страшная болезнь, относились недружелюбно, их боялись и гнали подальше. Так и говорили: «Зачем вы сюда приехали? Держитесь подальше от нас!» А Хатт оказался хорошим, отзывчивым человеком, он проявил милосердие и нравственность.

Та важенка, на которой вез Ылинча свою мать, отелилась и принесла в тот год двух самок-оленят. Стали потихоньку возвращаться их родовые олени, телились не только важенки, но и молодые самки. Ылинча жил у Хатт до тех пор, пока не повзрослел. Однажды между ними произошёл мужской разговор. Хатт сказал ему: «Ылинча, ты стал самостоятельным, если хочешь, можешь жить отдельно от нас со своей матерью и оленями». Ылинча и Хатт расстались дружелюбно

и всегда поддерживали между собой добрые и родственные отношения. Молодой человек, полный сил и энергии, перекасал с Вынга-Пуровской в Пяко-Пуровскую тундру, на то место, где в данный момент находится стойбище Виктора Нюпылювича Айваседо. Ылинча женился, родились в семье дети. Сыновья Ылинчи – Водя, Алема – занимались оленеводством, дочери – Дядяай, Ухоляма, Хылику – вышли замуж, стали хорошими хозяйками, многодетными мамами, счастливыми бабушками, хранительницами семейного очага. Во времена Советской власти у Ылинчи и Хатт уже были большие стада оленей, за что они были раскулачены, репрессированы, как и другие ненцы. Власть оставила только по девяти головам на семью.

Несмотря на сложности, которые встречались в семье бабушки, жизнь рода продолжается. До сих пор живут в лесотундре потомки Ылинчи и кочуют с чумом, оленями по Пуровскому району. Бережно хранят в священной нарте семейную реликвию, своего родового идола-покровителя, который когда-то, по наказу матери, забрал из заброшенного чума мой прадед – Пяк Ылинча, отец моей бабушки. Тундру, где Ылинча похоронил всю свою родню, ненцы называют «Ханупы вың», а речку «Ханупы дяха» (в переводе с ненецкого языка на русский язык означает «Гнилая или гиблая тундра», «Гиблая река»).

Примечание:

1. В русском языке нет некоторых ненецких букв и звуков, к примеру, ң в слове Ылиңа, поэтому я написал Ылинча.
2. Стиль рассказчика сохранён.

Pyak, Makar Anatolevich

*I degree diploma holder, 16 years old,
Nenets language, Forest dialect*

THE STORY OF MY GRANDMOTHER'S FAMILY

I learned this story from my father – Anatoly Alvovich Pyak: “My mother Ukholyama Pyak, when she was still alive, told me about events that had taken place long ago, during Tsarist times”. Her father Ylincha Pyak, when he was a teenager, was returning home with his parents, brothers and sisters from the market in Berezovo. They travelled for a long time by reindeer-drawn sleds, in a long line, and the sleds were filled with various goods. During the journey, the whole family fell ill, around the present-day town of Muravlenko. They probably picked up an infection at the market. The brothers, sisters and father died. Only Ylincha Pyak and his mother survived. It was spring, in the month of May. The mother told her son to take the dead out the tent and place them on sleds, so they could be buried. But as everyone had died, there was no help, and the mother told him to take these corpses back into the tent. Then she ordered him: “Ylincha! Cut the rope that holds the main tentpoles”!

Thus, they buried the entire family along with their dwelling”.

At that time, there was a frost, and the reindeer ran off into the tundra. Fortunately for them, one female reindeer came along, and Ylincha lassoed and harnessed her. They set off in a sled drawn by one reindeer. The mother sat on the sled, and Ylincha walked alongside. After they had gone a few meters, she told her son to go back and take the clan’s protective idol made of metal from the sacred sled. The boy went back and easily found it among other “protectors” and returned with it. The mother and son requested aid from their idol, and prayed that there would not be a thaw. The mother decided that they should go to her younger sister, who was married to Khatt Pyak. It was a difficult journey, but they reached the camp of their relatives, there was a frost the whole way which helped them to reach their goal.

Khatt was a kind man, and he gave them shelter. Seeing the woman and child in trouble, he said: “Where are you going? Stay with us”. Although in those times, people whose tents or camps had been hit by disease were treated with hostility, they were feared and sent away. People would say: “Why have you come here! Keep away from us!” But Khatt proved to be a good, understanding person, and he displayed charity and rectitude.

The female reindeer on which Ylincha had brought his mother became pregnant and gave birth to two reindeer calves that year. Their family reindeer slowly began to return to them, and younger female reindeer as well as older ones had calves. Ylincha lived with Khatt until he had grown up, and they had a man-to-man discussion. Khatt said to him: “Ylincha, you’ve become independent, if you wish, you can live apart from us with your mother and reindeer”. Ylincha and Khatt parted on good terms, and always maintained good family relations. The young man, full of strength and energy, moved

from the Vynga-Purovsky to the Pyako-Purovsky tundra, to the place where the camp of Viktor Nyupylyuvich Aivasedo is now located. Ylincha married, and had seven children. Ylincha's sons Vodya and Alema became reindeer breeders, and his daughters Dyadyaai, Ukholyama and Khylinku married, became good housewives, had many children, and then happy grandmothers, the protectors of the family hearth. During the Soviet period, Ylincha and Khatt had large herds of reindeer, and for this reason they were dispossessed as kulaks and repressed, along with other Nenets. The regime only allowed families to have 90 reindeer.

Despite the difficulties that my grandmother's family faced, the life of the clan continues. The descendants of Ylincha still live in the forest tundra, and lead a nomadic existence with their tents and reindeer in the Purovsky region. They keep the family relic in the sacred sled, the protective idol of their clan, which my great-grandfather, Ylincha, my grandmother's father, once took from the abandoned tent at his mother's request. The Nenets call the tundra where Ylincha buried his entire family "Khanup vyn", and the river "Khanupy dyakha". In the Nenets language, this means "Deadly tundra" and "Deadly River".

Пяк Михаил Сергеевич

*Дипломант II степени, 16 лет,
ненецкий язык, лесной диалект*

МЯ'АЙ ЧЕЛЫ" ДИСКАЙ' НЕШАЙ' ПАНХЭН ТУНЛЫ"

Шаңкмян нешаң хэмта кунят талпмам' чедимямата тала. Чуки паталхана ҕысый дил вачатам'. Мани нимди Михаил, веллади Пяк. Мя'ай челы" дискай Панхэн тунлы". Пяк ҕайши мятуна чел мыдю": пимши", хомана ҕайвамам чедими", шиниңкуй дискай дилтуң дэтлымпи". Маня" Пюл дяхана дилеҕама", Вынкиң няна тына" падиляма", кали-таштума". Нилий ним' Леонид Игрумович, мятуң челхана няхал касама ҕаймай, пыта дельтуң. Пили ҕалкатуң Альва Игрумович, нючадэтуң Няням' нимимай. Нилиди хайнол-маң дельшкана, нуп денал кашэм'дюл чет'дю" няхамты похона дялям' манымай.

Нилий неша Игрум ҕалка нюмта Альвам няш хайму" нятапешь шаңкмян ҕайватам' мэш мансламэхэң. Ңука кали", намши", ҕочи" миштомай планыхитуң. Тайна чикитүң хаймыхи" ҕайтапташтомытуң, мел маня" кэмчаки

лушина” нэхэлмаң мэт, Победаң мел тэвмаң мэт. Нешади” җашки” тамна нючаңэш нятакош чепяшту”. Мат’ похонатоң’ нилинади” манле тэхэна” калитуң җайталештомай”, җалка нетуң няш ты” паделштомай”, калиташтомай”. Талям’ пытоң” чупейнантуң школахана нимай тохолку”. Мат’- дянкня похонанта нилий Леонид’ Игрумович’ җалка ыдынта няңы” «Верхне-Пуровский» нимита совхозхана ты” паделш манслаш чепьмэхэң. Четаң пон няңна” вачаштуч, куше җашки җаймяхананч мансламамчъ, кимям нясумамч. Хома мыч”, вайма мыч” вачаштухуң. Мансдячи җалкамана ше’эм- май. Ненымана таңычохона вайма җэштомай, недянки- хина”, дячапётахана”, халёхана” мансланана ништомай җа. Хылаң җотнаң чешчета” хомана тань дельшкана минмай”.

Мань нилий җалмахатата катай – неңэй Вэллайм’ Ека- терина Ачакеевнам’ мэмай. Нельче’эй нючъ – мань нешай Сергей, налаң ты” вачутама дилихина дялям’ манымай, җуп дёнал кашем’дюл мат’дю” мат’ты похона. Немяхайта, нешахайта нюмчи мат’ похонанта шининкуй нешай шел нилихийта” катахайта” няң мимэч. Четаң нешай маньшту: «Мани катахадёй”, нилихадёй няна дилимади, җалкамана вихиняди хома, шаңкмян мансдян шиди тохолоңаншь». Пыта ватаханата” четаң талям’ шаңкмян выңкай җайва- там’ чедимяңа. Нешади мат’ каса”, няхал ни” кайката. Чупей ыдынай, нешай кайка”, пушетуң, нитуң тадымэ, выңкна дилиңа”, ненэй мятутуң, тытуң тадя”. Мань апахадёй’ нешай ни кайкахаң Чиклам ними Котали манле кыдипихиң. Җуп- чики выңкна дилиңахаң, нич тадымэ, калеч мяту” паталпи- хиң, тумчъ чудипихиң. Кукэхэнанч вачуманч мяканч мячи- дельш тоштухуң.

Вың няна маня” мяна чел” хомана дилима” нены- мана нешан җайватахат пеле. Шаңкмян’ мансдям’ каса- маңэ нянанта чедимяш тала, пыта мята чел” җамлымпи, лэтлымпи, пон’ мят кэвхай, нипта ше’эмна мансдыхана

җайвашту. Пыта пон нелняна миньшту, җутунташту. Кулкали нумкна – чешчахана, дячапётахана, катхана, халёхана мята чел” мэт пюлши мансдашту. Нешай школахана ниш тохолку, катахайта” нилихийта” нимэч мис, пычи” манштомэхэң: «Школахана тохолкома җамэн тада». Нешай тонлакомам’, патнамам’ дехэлаңа. Чикехана җотнаң картама’ ниш’ мэс дям’ каматымпи, чу’уна шаңкмян халаку” нуту”, муну” чедимяңа. Нельшут кулка нум’ җаймям’ каматашту, калита ватамта тоңкта мэңа, тайна луса ватамана тохомай. Мань нешай хомана мель, кан’ мема нянанта налка мансдя ниңа, куптахалт ништута падел, таймана нямта мелиңа. Мят җут шелтаны, тыньшам мэльмана паңкалты, поңкам’ кухулт ниш’ мы челины. Пыта хомана шиниңкуй нешади” мансди” тохоламыта, шаңкмян шел хомана вихиня тасдым-пита, каматымпита.

Чикиң камна нешай хомана шутпялсу, ванлат”, колсу”, шиниңкуй кынсу чедими. Җалка җаймянта де’эмня кайканата”, нита” няңта хынильш хомана диле”. Җамыли җамэхэна пыта ши’та кондашту”. Маня” мяна чел” җалка нена”, хомана чедимянитун найвачетуң, шиниңкуй нилидехэтатуң намтмэтуң вачитуң читыдяң җалтана” нашкэхэ” тэвлаштутуң”. Мань нилий кэхэнта кан тадя, чикиң де’эмня җукам’ нит вачат, кивы, намыли куше кайны. Чики кан кэвны неңы ни тайван’, чемнанта ни дятэлт. Дянтапана” кэхэң каным’ нилий ваташтута, шелта шехэлэмна дятынлаштута, чупей мятуна” дянтамахатана мансхальшту. Надаң тальша шелма тадя, чики канма касташтума”, тайна җай пуняң челта мышчехедя кулаштума”. Мани хомана хыңильштут. Чики шелдым’ маня” няхалңэ – мань, нешай, нилий шенашипей, дянапомна мештума”.

Пон’ нилий, нешай ватаха” дюншилештут, шоньшаханай таньше мэма дельше хома. Леонид Игрумович, Сергей Леонидович пычи” шиди” шаңкмян’ шелт тохолымпихиң,

няңай маньштухуң. Талям' мани калезн' даяй чедимям',
выңкай нешаң дилым' хомана каматымпим. «Каса ңашкэ
дямта нита каден, не ңашкехэма кыдипё ваконта дяха" кэн-
нив», талям' нешади няңай мунушту. Маня" Панхи ңайши
шиниңкуй нилинана", катанана" дилым' тамна минлеңама".
Четаң кулкали" шел" тадя": ты", каля", халаку" чидюма",
выңкна нятата диңкума, дяна шедю вома. Мань вихиняй
выңкай дил талә. Чу"уна дилина" нешантуң дил ня'ампи",
кальтуң ватамтуң мэшту", дискай шелу" лэтлымпи". Маня"
нешаңэ подюна" понкнана хома ңайты", чекехэна мыдю-
мана ненэй дилма" няампётҗама".

Пяк Михаил Сергеевич

*Дипломант II степени, 16 лет,
ненецкий язык, лесной диалект*

МОЯ СЕМЬЯ ОТНОСИТСЯ К ДРЕВНЕМУ РОДУ ПАНХИ

Каждый человек должен знать о своём происхождении. Я расскажу вам о своём роде. Мы живём в Пуровском районе, занимаемся разведением оленей в Вынгапуровской тундре и выловом рыбы. Меня зовут Михаил, моя фамилия Пяк. Мы являемся представителями древнего рода Панхи. Семьи моих родственников большие, крепкие, а люди – надёжные, отзывчивые, трудолюбивые, они продолжают вести кочевой образ жизни, так же, как в былые времена их предки. В семье моего деда по отцовской линии было трое братьев, самым старшим был Альва Игрумович, средним – Леонид Игрумович, а младшего звали Няма Игрумович. Мой прадед, Игрум Пяк, вместе со своим старшим сыном трудился на разных работах. Они выполняли план по сдаче рыбы, мяса, ягод. Во время Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) сданную продукцию отправляли на фронт, для того, чтобы приблизить День Победы.

Дед Леонид родился в военное время, в 1943 году. Дети ненцев рано начинают помогать своим родителям. С шестилетнего возраста он и его братья уже умели управлять оленьей упряжкой, помогали взрослым пасти оленей и проверять рыболовные снасти. Когда им исполнилось по девять-десять лет, они могли под присмотром взрослых изготовить себе нарты. Дед и его братья росли вместе с родителями в тундре, поэтому они в школе не учились. Когда Леониду Игрумовичу исполнилось шестнадцать лет, он со своим братом устроился работать оленеводом в совхоз «Верхне-Пуровский». Они часто рассказывают нам об ушедших далёких временах, когда ещё сами были молодыми, о людях, с кем пришлось им работать и повстречаться. О своей работе они вспоминают хорошие моменты, не забывая и о сложностях профессии оленевода. Труднее всего было в летний период, когда беспокоят изнурительный гнус, невыносимая жара и проливные дожди. А зимы в то время были чрезвычайно суровыми, люди целыми днями находились под открытым небом, за короткий световой день многое надо успеть сделать, всё это – своеобразный экзамен для молодого оленевода. Леонид Игрумович считает, что оленеводство – не только занятие или работа, но и образ жизни коренных народов Севера.

Когда мой дед повзрослел, он женился на Екатерине Ачакеевне – девушке из рода Вэлло. Весной, в месяц отёла оленей, в 1966 году в семье новобрачных родился первенец, назвали его Сергей. Это мой папа. Как только ему исполнилось шесть лет, как положено по обычаю лесных ненцев, родители отдали его на воспитание дедушке и бабушке. Отец мой говорит: «Я благодарен тому, что они меня окружили любовью, заботой и привили трудолюбие». Он считает, что именно дедушка и бабушка научили его всему тому, что так необходимо и важно для человека, ведущего кочевой образ жизни. В семье моего отца шесть братьев и три сестры. Все мои дяди женились, поставили на родовом стойбище

жилище – чум и продолжили кочевать со своими семьями и оленями. Мои тётки, то есть младшие сёстры моего отца – Чиклам и Котали, замужем, выбрали тундровую жизнь, живут в чумах. Они – многодетные мамы, мастерицы, хранительницы семейного очага. Только старшая из сестёр – Юлия – живёт и работает в городе. Иногда мои тётки приезжают в гости на родовое стойбище, туда, где они выросли, где всё для них родное и близкое.

В нашей семье в тундровой жизни многое зависит от моего отца. Он должен всё знать и уметь в кочевых условиях. Мужчина является главой семьи, кормильцем, защитником, прокладывает тропу по бездорожью. Он работает в любую погоду, несмотря на жару и стужу, в зной и вьюгу, в дождь или снег. Мой папа не учился в школе (так же, как и его отец – моему деду – постигать азы грамоты не довелось). Прадед и прабабушка считали учёбу бесполезным делом. Мой папа, Сергей Леонидович, не умеет ни читать, ни писать, но зато прекрасно знает в лесотундре следы зверей, различает голоса птиц, ориентируется на местности без всякой карты, умеет предсказывать погоду по приметам северных народов, в совершенстве владеет родным ненецким языком, лесным диалектом, выучил разговорный русский язык. Мой отец – настоящий мастер, может с лёгкостью изготовить нарты, шесты для чума, умело сплести аркан, сети. Он отлично овладел традиционными профессиями своих предков, любое дело выполняет умеючи и вдумчиво.

Кроме этого, мой отец – знаток устного народного творчества: сказок, легенд и исполнитель старинных песен. Он является примером для своих братьев и детей. При любых жизненных ситуациях родственники идут к нему за советом. В нашей семье у старшего поколения есть хорошая традиция – передача знаний, обычаев рода Панхи детям и внукам. У моего деда имеется нарта с ритуальными принадлежностями, но я о ней не буду много писать, не принято.

К данной нарте нельзя подходить представителям женского пола, и обходить её вокруг тоже нельзя. Когда мы каслаем в поисках богатых пастбищ для оленей, то нашу ритуальную нарту возит с собой дедушка, но только по другой дороге, не по следу аргиша, и то после того, как всё стойбище перекочет на новое место. Весной принято сушить её содержимое, проводить своеобразный обряд, который важен и понятен только нам, мужчинам, затем складывать обратно, укрывать сверху от грызунов и осадков, и нарту крепко обвязывать верёвками, она должна стоять носом к востоку. Этот ритуал проходит тихо, спокойно, непринуждённо для мужской половины нашего рода Панхи – деда, сына и внука. Я не только с интересом наблюдаю за этим процессом, но и участвую в нём.

Слушаю наставления своего отца и деда, мне нравится выполнять их наказы, они добрые, справедливые, человеческие. С благодарностью отношусь к своему деду Леониду Игрумовичу и отцу Сергею Леонидовичу за то, что они привили мне любовь к малой родине, научили меня многому, что должен уметь мужчина в семье. «Мальчик не должен оставлять свою землю, то есть места, где он родился и вырос. А девочка выйдет замуж и на родину к мужу переедет, она станет хозяйкой другого чума», – так мне говорит мой отец. В настоящее время появились новые проблемы: оленей, рыбы, дичи и зверя стало мало в лесотундре, истощаются запасы ягеля, портится экология.

Мужчины рода Панхи продолжают вести традиционный образ жизни, они сохраняют родной язык и неписанные законы предков. Я считаю, что в настоящее время жизнь в кочевых условиях Севера остаётся актуальной. Поэтому, мы, подрастающее поколение рода Панхи, должны с уважением относиться к старшим, быть дружными, отзывчивыми, и тогда обязательно продолжим семейную династию оленеводов, рыбаков, охотников, которую издревле вели наши прадеды.

Pyak, Mikhail Sergeevich

*Diploma holder of the II degree, 16 years old,
Nenets language, Forest dialect*

MY FAMILY BELONGS TO THE ANCIENT PANKHI CLAN

Every person should know about their origin. I would like to tell you about my clan. We live in the Purovsky region, and breed deer and catch fish in the Vyngapurovsky tundra. My name is Mikhail Pyak. We are members of the ancient Pyankhi clan. The families of my relatives are large and strong, and the people are trustworthy, understanding and hard-working, they continue to lead a nomadic lifestyle just as their ancestors did in the old times. There were three brothers in the family of my paternal grandfather – the oldest was Alva Igrumovich, then Leonid Igrumovich, and the youngest was Nyama Igrumovich. My great-grandfather Igrum Pyak did various jobs with his eldest son. They fulfilled the plan for providing fish, meat and berries. During the Great Patriotic War of 1941–1945, this produce was sent to the frontline to bring Victory Day closer.

My grandfather Leonid was born during wartime in 1943. The children of the Nenets begin to help their parents at an early age. From the age of six, he and his brothers, already capable of controlling a team of reindeer, helped the adults to graze the reindeer and check the fishing tackle. When they turned nine or ten, they could make sleds with their parents' supervision. Grandpa and his brothers grew up with their parents in the tundra, so they did not go to school. When Leonid Igrumovich turned 16, he and his brothers found work as reindeer breeders at the "Upper Purovsky" collective farm. They often tell us about those long-vanished times, when they were still young, and about the people they worked with and met. They recall the good moments in their jobs, without forgetting about the difficulties of the reindeer-breeding profession. It was hardest of all in the summer, with the terrible swarms of gnats, the intolerable heat and the torrential rain. The winters were bleak, people spent all day outside, and they had to get a lot of things done during the brief hours of sunlight – all these things were a trial for a young reindeer breeder. Leonid Igrumovich believes that reindeer breeding is not just an activity or a profession, but a way of life for the indigenous peoples of the North.

When my grandfather grew up, he married Ekaterina Achakeevna, from the Vello clan. In the spring of 1966, in the month of reindeer calving, their first son was born, and they named him Sergei. He is my father. As soon as he turned six, according to the traditions of the forest Nenets, his parents sent him to be brought up by his paternal grandparents. My father says: "I am grateful that they surrounded me with love and attention, and instilled a work ethic". He believes that his grandparents taught him everything that a person needs who leads a nomadic way of life. My father has six brothers and three sisters. All of my uncles married, and made their homes

in their native region, continuing to lead a nomadic way of life with their families and reindeer. My aunts, i.e. the younger sisters of my father, Chiklam and Kotali,k are married, and chose the life of the tundra, living in tents. They are mothers of many children, handywomen and protectors of the family hearth. Only the eldest sister Yulia lives and works in the town. Sometimes my aunts come to their native region, where they grew up, where everything is near and dear to them.

In our family, a great deal in the life of the tundra depends on my father. He has to know everything about nomadic conditions. The man is the head of the family, the breadwinner and protector, who lays a path in the wilderness. He works in any kind of weather, despite heat or cold, under the scorching sun or in a snowstorm, in rain or snow. My father did not go to school. (Both he and his father never learnt to read or write). My great-grandparents thought studying was useless. My father Sergei cannot read or write, but he knows the tracks of beasts in the forest tundra, distinguishes the calls of birds, finds his way without any maps, and can predict the weather based on the signs of the northern peoples. He speaks the forest dialect of his native Nenets language perfectly, and has learn to speak Russian. My father is a true craftsman, who can easily make sleds, tent poles, and weave lassos and nooses. He has mastered the traditional professions of his ancestors wonderfully, and does everything skillfully and with care.

What's more, my father is an expert on verbal folk culture: tales and legends, and he sings old songs. He sets an example for his brothers and children. In any life situations, his relatives go to him for advice. In our family, the older generation has a good tradition – to hand down knowledge and traditions of the Pankhi clan to children and grandchildren. My grandfather has a sled with ritual items, but I won't write much about it, as this is not done. Women are not allowed to go near

this sled, and it is also forbidden to walk around it. When we set off in search of rich pastures for the reindeer, grandfather takes the ritual sled with him, but by a different road, not following the other sleds, and also after the camp has moved to a new place. In the spring, it's customary to dry its contents and hold a kind of rite, which only we men understand. We then put the items back, covering them from rodents and rain, and ties ropes firmly around the sled, making sure that it faces east. This ritual takes place quietly and calmly for the male half of our Pankhi clan – the grandfather, son and grandson. I not only watch this process with interest, but I also take part in it.

I listen to the instructions of my father and grandfather, I like to carry out their orders, they are kind, just and humane. I am grateful to my grandfather Leonid and my father Sergei for inspiring me to love my little homeland, and for teaching me many things that a man should do in the family. “A boy must not leave his land, i.e. the place where he was born and grew up. But a girl gets married and goes to where her husband lives, she becomes the mistress of another tent,” – this is what my father told me. Now new problems have appeared – few reindeer, fish, game and animals are left in the forest tundra, the supplies of reindeer moss are running out, and the ecology is worsening.

The men of the Pankhi clan continue to lead a traditional way of life, they preserve their native and the unwritten laws of the ancestors. I believe that today, life in the nomadic conditions of the North remains relevant. So we, the growing generation of the Pankhi clan, must treat the elders with respect, we must be friendly and understanding, and then we will continue the family dynasty of the reindeer breeders, fishermen and hunters of our forefathers.

Сотникова Валерия Андреевна

*Дипломант III степени, 13 лет,
вепский язык*

HARAV, VIKATEH DA HANGOD-VELLED

Tuli keza. A sid' jo tuli heinku. Küläs vepsläižil nece om heinäntegon aig.

Ühten päivän oli jo hämär. Uks' sarajaha oli avoin. Sarajas haižui veresel, vaiše nittud da kuivatud heinäl. I sigäpäi kului mitte-se hil'l' pagin...

Sarajas eliba Harav, Vikateh da Hangod-velled. Hö oliba pääbunikoin heinäntegol. Kaikuččen päivän, konz oli hüvä sä, hö kaik ühtes radoiba pöudoil homendesespäi ehthasai. Jäl'ges жүgedad päiväd hö rigehtiba kodihe lebaidamhas... No äkkid hö zavodiba ridelta, ken enamba radab heinäntegol.

Ezmäi sanub Harav:

– Minä kogonaižen päivän haravoičen heinäd, keradan heinääd satoihe... Minuta hein muga i venuiži nitul...

Ei ehtnu lopta paginad Harav, a sid' jo nenakaz Hang-noremb vel'l' tartui paginaha:

– Minä mugažo tehen äjan radod. Heinäd keradan da kandišen satoihe.

– A ken minuta zavodib kegoid loda? – ližazi Hang-vanhemb vel'l'.

A Vikateh seižui čogas vaiknašti i kundli, ken midä sanub. Lopuks hän sanub-ki:

– Kaik tö sanut oikti. Kaik tö olet hüväd radnikad. Äjan radod teget. Spravdas ei sa heinäntegol teita. A nügüd' kundelkat mindai da meletagat. Kut tö zavodit haravoita, kerata heinäd da satoihe panda, kegon loda, ku hein ei ole nittud? Ei linne heinäntegod meita. Mö kaik olem tarbhaižed. Meile pidab olda ühtes!

Siš aigaspäi Harav, Vikateh da Hangod-velled eliba kožmuses, ni kerdad ei olend paginad, ken om tärktemb da tarbhaižemb! Vaiše rates ühtes linneb hüvä satuz.

Pöudol võib nähta čomid surid kegoid. Kacuba Harav, Vikateh da Hangod-velled ičeze radho i heiden hengal om hüvä.

Ei muite rahvahas sanutas: mi ühtele jüged om, ka ühtes kebnemb da veslemb.

Сотникова Валерия Андреевна

*Дипломант III степени, 13 лет,
вепский язык*

ГРАБЛИ, КОСА И БРАТЬЯ ВИЛЫ

Сказка

Наступил июль – лета красного середина. В деревне у вепсов это – сенокосная пора.

Вечерело. Скрипнула на ветру приоткрытая дверь сарая. Пахнуло свежим скошенным, высушенным сеном. Из глубины сеновала доносился тихий приглушённый разговор...

В сарае жили Грабли, Коса и братья Вилы. Все они были главными помощниками на сенокосе. В хорошую сухую погоду дружной семьёй трудились на поле с утра до вечера. После тяжёлого рабочего дня спешили домой, на повети отдохнуть... Но вдруг среди них разгорелся спор о том, кто больше выполняет работы на луговом покосе.

Первые сказали Грабли:

– Мы весь день сгребаем сено, переворачиваем, собираем его в копны. Без нас сено до сих пор бы на пожне веялось...

Не успели закончить, как в разговор вмешался упрямый младший брат Вилы, замахал короткой рукояткой:

– Я тоже без дела не сижу, собираю, ношу сено в копны! Уклад мой самый надёжный.

– А кто без меня метать стога будет? У моей охапки – верх! – осадил младшего старший высокорослый брат – трёхрогие Вилы.

А Коса стояла молча в углу и слушала, кто чем бахвалится. Наконец, звякнул и её голосок:

– Все вы правы, все вы хорошие работники. Много трудитесь. Без вас на сенокосе не обойтись. А теперь и меня послушайте. Как вы будете сгребать и переворачивать сено, носить его в копны, стога ставить, если сено не будет скошено? Да и без вас косьба – не в прок... Все мы важны и неделимы в крестьянском деле. Держаться нам нужно вместе!

С тех пор Грабли, Коса и братья Вилы жили в согласии, помогали друг другу, и никогда не было разговора меж ними о том, кто кого главнее да значимее. В дружной артели – и работа спорится!

На полях стоят красавцы стога. Смотрят на них Грабли, Коса и братья Вилы – любят свою работу. А на душе – легко и звонко! Не зря люди говорят: что одному сделать трудно, вместе – легче и веселее.

Sotnikova, Valeria Andreevna

*Diploma of the III degree, 13 years old,
Vepsian language*

RAKE, SCYTHER AND THE PITCHFORK BROTHERS

Fairytale

July began – the red middle of summer. In the countryside where the Veps live, this is the time of hay mowing.

Evening fell. The open door of the barn squeaked in the wind. There was a smell of fresh, mown, dried hay. Out of the back of the barn a quiet, muted conversation could be heard...

In the barn lived Rake, Scythe and Pitchfork. They were all the main assistants in hay mowing. In good, dry weather, as a friendly family, they worked in the field from morning to evening. After a hard day's work, they hurried home to the awning to rest... But suddenly they began arguing about who did the most work in mowing the meadow

Rake said:

“I spend all day raking hay, turning it over, gathering it into sheafs. Without me the hay would still be lying on the meadow...”

Before he could finish, his stubborn younger brother butted in, waving his short handle:

“I don’t sit around doing nothing, I gather the hay and carry it into the sheafs! My contribution is the most reliable.”

“But who’s going to throw the haystack? I lift the bundle up!” said his older and taller brother, the three-pronged Pitchfork.

But Scythe stood silently in the corner, listening to them boasting. Finally his voice also came ringing out:

“You’re all correct, you’re all good workers. You work hard. You’re essential in mowing the hay. But now listen to me. How are you going to rake up and turn the hay, to carry it into sheafs, to put in a stack, if the hay hasn’t been cut? And without you the hay won’t last... We’re all important and inseparable in farming. We need to keep together!”

Ever since then, Rake, Scythe and Brother Pitchfork have lived in harmony, helping each other, and they have never quarreled again about who is the most important. In a friendly team, the work will go smoothly!

The fine haystacks stand in the field. Rake, Scythe and the Pitchfork brothers look at them, admiring their work. And they feel light and happy in their hearts! People rightly say: things that are hard to do on your own are easier and more fun together.

Филкова Анна Станиславовна

*Дипломант III степени, 10 лет,
телеутский язык*

МЕЕҢ СИЙНЫМА

Айу

Айу – майрық айағаш,
Сениң тоның јымжағаш.
Қара көзиң тоғлоғош,
Қуйрығажың кинчегеш.
Паза түрче ойнозоң,
Писке найы сен ползоң!

Саңысқан

Сен, саңысқан, шайраба,
Сылбыр эрмек апарба.
Аңарып сени көрјам,
Қарылдап, аңдып турјам.

Кызынка

Пистиң кызынка
Җымжақ аяқтау.
Улу ағылду,
Торқодый тонду.

Түлкү

Түлкү, түлкү, найычақ!
Җерин өңду алдычақ.
Мекелчиги алты қап,
Җеретниги јети қап.

Көбөлөк

Көбөлөк учат сас сайын,
Сааданып қонот көл сайын.
Сағыш санарға меңдебес,
Ойноп ло учуп, иштебес.

Малычақ

Менде малычақ пар пол јат,
Мен аамынаң ойноп јам.
Малду чаапсам – једышкер,
Өңрөпазам – турғусқар.

Җужлақ

Җужлақ эртен сарнап јат,
Пистиң сатта јаңлан јат.
Җужлақ үнин танып јақ,
Эрте туруп тыңдап јақ.

Филкова Анна Станиславовна

*Дипломант III степени, 10 лет,
телеутский язык*

СТИХИ ДЛЯ МОЕЙ СЕСТРЁНКИ

Мишка

Мишка косолапый
В мягкой шубке меховой.
Глазки смоляные,
Круглый хвостик небольшой.
Поиграй чуть-чуть со мной,
Мой дружочек дорогой!

Сорока

Ты, сорока, не шути,
Стрекотать ты прекрати.
Наблюдаю за тобой,
Затаившись за сосной.

Кошка

У нашей кошки
Мягкие лапки.
Кроткий нрав и
Шёлковая шубка.

Лиса

В рыжей шубке лиса –
Леса нашего краса!
Обманщица хитра –
Это знай себе, сестра!

Бабочка

Бабочка-красавица кружится,
Играючи на лужи садится.
Не спеша беззаботно летает,
Целый день в воздухе порхает.

Лошадка

Вот лошадка удалая,
У ней грива завитая.
Поиграю, оседлаю:
– Ну, скачи, скачи, родная!

Соловей

Рано, рано поутру
Соловей поёт в саду.
Нежный голос нам знаком,
Его слушает весь дом.

Filkova, Anna Stanislavovna

*Diploma of the III degree, 10 years old,
Teleut language*

POEMS FOR MY LITTLE SISTER

The Teddy Bear

Here's a bandy-legged bear
In a soft fur coat
With eyes as black as tar
And a little round tail
Play with me a while
My dear little friend!

The magpie

Don't joke with me, you magpie
Stop your chattering
I'm watching what you're doing
Hiding behind a pine tree.

The cat

Our little cat
Has soft paws
A gentle nature
And a silken coat.

The Fox

A fox in a red coat –
The beauty of the forest!
She's a cunning deceiver –
You should know it, sister!

The butterfly

The beautiful butterfly flutters
And lands playfully on the puddles.
It flies without a care
Soaring all day in the air.

The horse

Here's a dashing horse,
With a curly mane.
I jump on to his back:
Off you gallop, my dear!

The Nightingale

Early in the morning
The nightingale sings in the garden
We know his gentle voice
The whole house can hear it.

Гайкова Любовь Николаевна

12 лет, эвенкийский язык

СИККВЕЙН «МИНҢИ ТУРЭН»

Турэн.

Эвэды, аятку.

Долдывдяран, дысутчэрэн, сокоривдяран.

Би мэнми турэнми аявдем, алагудям.

Кэргэн.

АНҢУН

Минҗи энинми урэду хэгдылдечэн. Амтылин этэчим-нит колхозту «Ленин-Октон» хавалдячатын. Тэли кэтэ ороп бичэтын. Бичэн урэду нуңардутын багдама орон. Тар орон – анңун бичэн. Кэтэкун орондук – умукэнун бивки анңун. Анунма аят карайдячатын.

Оронун тар анңун эңкин сурурэ. Эрэгэр амака дагадун бидеңкин. Нульгидеми-дэ амака дагадун хуктыдеңкин.

Горокунма индечэн багдарин орон, сагданакса бурэн. Тадук горокунма таргачин орон этэн балдыра.

Гайкова Любовь Николаевна

12 лет, эвенкийский язык

СИККВЕЙН «МОЙ ЯЗЫК»

Язык.

Эвенкийский, лучший.

Слышится, защищает, пропадает.

Семья.

СВЯЩЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Моя мама росла в тайге. Её родители работали оленеводами в колхозе «Ленинский путь». В те времена было много оленей. Был у них в тайге белый олень. Этот олень был священным. Из множества оленей такой бывает только один. Этого оленя очень берегли.

С другими оленями этот олень не уходил на пастбище. Всё время был рядом с дедушкой. А когда кочевали, бежал рядом с дедушкой.

Долго жил белый олень, от старости умер. Потом долго такой олень не родится.

Gaikova, Lyubov Nikolaevna

12 years old, Evenk language

CINQUAIN “MY LANGUAGE”

Language
Evenk, the very best.
It resounds, protects, and vanishes.
I love my language and study it.
Family.

THE SACRED REINDEER

My mother grew up in the taiga. Her parents worked as reindeer breeders at the “Lenin’s Path” collective farm. There were many reindeer back then. They had a white reindeer in the taiga. This reindeer was sacred. Among many other reindeer, there can only be one like this. People took special care of it.

This reindeer did not go to graze with the rest. It was always by my grandfather’s side. When they moved to another place, it ran next to my grandfather.

The white reindeer lived a long life, and died of old age. A reindeer like this will not be born again for a long time.

Колесова Динара Витальевна

13 лет, эвенкийский язык

МИНҢИ АЯВРИ ГИРКИ ГУДЕЙКЭН!

Би Иеҥнэду эвэды кэргэнду балдычав. Ая гэрбичи «Иеҥнэ», эвэдыт – «Латарэ иел». Мутҥи бикит дэхинҥу бира Иеҥнэ гэрбичи дяпкадун илитчаран, урэ хэргидэдун «Адяри Хунат» («Спящая красавица»). Билир эду ороp иелвэр нодаҥкитын.

Минҥи тэгэлви, би сагдыгу тэкэндук «Бута» бигилбун, лучадыт «Охотник» («Бэюмимни»). Эр тэкэн дёкилдыдяран. Олихин интын тэгэлҥи ороннун тые уилдывки. Бутуннулду орон бигин, минду нян аяври, сотку орон бигин.

Эгдэндүлэ би эхэкэдулэви адыракан ҥэнэктэдеҥкив. Эхэкэм энтылгэчин нян этэечимни, бултамни. Гиркиви би умнэе ичэҥнэм, Гудейкэн гэрбидем.

Бутуннул ородук минҥи гиркив гетакта, имакун. Нуҥан хуҥтулдук коҥнорин, хэгдыкун. Гудейкэн сагды орон, бутуннүвэ тэрэдери.

Окин-мал би эгдэндули, урэлдули оронди ҥэнэдем, мундулэ эдын эдынивки. Би Гудейкэннун сэвдепчут эдынмэ давдыдяравун.

Анҥанитыкин Иеҥнэду хуктывун бивки – оороди гукчанивкил. Би нян тар хуктывунду угучакит гукчандем. Миннун минҥи тэҥнэ оронми, аяври гиркив Гудейкэн. Нуҥан гукчандави мэдэвки. Би буттуннүвэ гиркидуви тэдедем, Гудейкэн савку орон. Бу мэrvэр кехандерэвун.

Кэтэдыл гунивил, орон – универсальнэй бэйңэ. Би нуңарнунтын дёкилдыям. Минңи Гудейкэн, орон – нуңан сониң, гиркивил, нуңандун би бутуннувэ тэдедем.

Гудейкэн – минңи аяври гиркивил. Нуңан тыкин миннун, тэгэлнунми. Би бэел гунэвэтын дялдадем: «Орон ачин, эвенки ачин!».

Колесова Динара Витальевна

13 лет, эвенкийский язык

МОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ – ОЛЕНЬ!

Я родилась в эвенкийской семье в посёлке с красивым названием «Иенгра – Иэҥнэ», что в переводе с эвенкийского языка – «Ветвистые рога». Иенгра расположена на левом берегу одноименной реки, у подножия горы «Спящая красавица». В этом месте раньше олени сбрасывали рога.

Мои родственники и я – представители древнейшего рода «Бута», что в переводе с эвенкийского языка означает «Охотник». Название точно соответствует представителям рода. Поэтому жизнь моих родных тесно связана с универсальным животным – оленем. Как и у всех, у меня есть такой надёжный, ласковый олень.

К сожалению, я редко бываю у дедушки, потомственного оленевода и охотника, и нечасто вижу с другом, которого я назвала «Красавчик».

Среди других оленей нашего стада мой олень, как мне кажется, отличается ловкостью, быстротой. Он выделяется из всех своей тёмной окраской и крупным размером. Красавчик, несмотря на старость, самый выносливый олень.

Когда я на нём еду по горам замечательной тайги, навстречу нам несётся ветер. Мы с Красавчиком весело его преодолеваем.

Каждый год у нас в селе Иенгра проходит праздник «День оленевода». Соревнования на оленях – это часть праздника. Я обязательно участвую в этих соревнованиях,

верхом на олене. И, конечно же, мой верный друг, мой любимый Красавчик. Уже во время старта олень понимает свою ответственность. Я полностью доверяю ему, его опыту. Мы стараемся не подвести друг друга.

Многие считают, что олень – универсальное животное, и я с этим согласна. Мой Красавчик не просто олень-транспорт, он и герой, и друг, которому я полностью доверяю.

Красавчик – моё любимое и уважаемое животное. Он всегда рядом со мной и моими сородичами. Поэтому я не могу не согласиться с мудростью: «Нет оленя, нет эвенка»!

Kolesova, Dinara Vitalevna

13 years old, Evenk language

MY FAITHFUL FRIEND IS A REINDEER!

I was born into an Evenk family in a village with the beautiful name of “Iengra – Ien,ne”, which means “branched antlers” in the Evenk language. Iengra is located on the left bank of a river of the same name, at the foothills of a mountain known as “Sleeping Beauty”. This used to be a place where reindeer shed their antlers.

My relatives and I are members of the ancient “Buta” clan, which means “Hunter” in Evenk. The name is quite appropriate for us. So the lives of my relatives are closely linked with the universal animal – the reindeer. Like everyone, I have my own trustworthy, gentle reindeer.

Unfortunately, I rarely visit my grandfather, a hereditary reindeer breeder and hunter, and I do not often see my friend, who I call “Beauty”.

Among the other reindeer in our herd, my reindeer stands out for his grace and swiftness, I believe. He can be distinguished from all the rest by his dark coloring and large size. Beauty, despite his age, is the hardiest reindeer of all.

When I ride on him through the mountains of the wonderful taiga, the wind comes rushing to meet us. Beauty and I happily overcome it.

Every year in our village of Iengra, we celebrate “Reindeer Breeders’ Day” with reindeer races. And on this day, I ride

on my reindeer's back. Of course, on my faithful friend, my beloved Beauty. At the starting line my reindeer realizes his responsibility. I completely trust him and his experience. We try not to let each other down.

Many people believe that reindeer are universal animals, and I agree with this. My Beauty is not just a reindeer for transport, he is a hero, a friend whom I trust fully.

Beauty is my favorite animal, for whom I feel great respect. He is always next to me and my fellow villagers. So I have to agree with the saying: "There's no Evenk without a reindeer!"

Николаева Любовь Анатольевна

12 лет, эвенкийский язык

ЭНИН

Энинив аямама,
Нэрипчу, дучама...

Дылачат нэридерэн,
Мэргэндук дысутчэрэн.

НЕҢНЕНИ

Неңнени эмэдерэн,
Дылача хэкудерэн.
Иманнал ундерэ,
Чипичал ахадерэ.

Эңнэкэр балдыдяра,
Лэрукэр дэгилдерэ.
Диктэкэр балдыдяра,
Меванми урудерэн.

ОРОН – ЭВЭНКИ ИН

Би эвенки бихим. Эвенкил урэду бидерэ, орово этэетчэрэ. Кэтэ ороп стадоду, этэечимнил упкатва сарэ. Ороп эккил умунгэчир бирэ, упкат умтутоно, дэрэт, майнигит. Орово гэрбидерэ анңаничит – эңнэкэн, чонокучан, иктанэ, суру, гильгэ. Тадук он дялупкидяра – учак, бретчик, оегос.

Этэечимнил орово аят карайдяра, одёдеро. Нульгидерэ эвенкил, тарит оронду оңкоцит бидедэн. Нэлкинирэкин нямилва эңнэкэрнун аят карайдяра. Упкат ин эвенкини оронун ухипча. «Орон ачин – эвенки ачин» гундерэ, тар тэдемэ, ороно ачин этэн эвенки индерэ. Эвэды турэн, ин – упкат сокордөңон.

Николаева Любовь Анатольевна

12 лет, эвенкийский язык

МАМА

Моя мама самая лучшая,
Светлая, чистая...

Как солнце всё освещает
От печали защищает.

ВЕСНА

Весна приходит,
Солнце ярче светит.
Снега тают,
Птички поют.

Оленята рождаются,
Бабочки летают.
Ягодки зацветают,
Сердце радуют.

ОЛЕНЬ – ЖИЗНЬ ЭВЕНКА

Я – эвенкийка. Эвенки живут в тайге, пасут оленей. Много оленей в стаде, но пастухи их всех знают. Олени по внешним признакам (морда, рост) не все одинаковые. Оленей называют по возрасту – оленёнок, годовалый олень, трёхгодовалый олень, олень-производитель трёх-четырёхлетний, пятигодовалый олень. По использованию в хозяйстве – верховой, первый в упряжке олень (зимой), ведомый в упряжке олень.

Пастухи хорошо за оленями смотрят, берегут. Часто кочуют для того, чтобы у оленей было много корма. Весной пастухи внимательно следят за важенками и оленятами. Вся жизнь эвенков связана с оленем.

«Нет оленя – нет эвенка» говорят, это действительно так, без оленя не сможет эвенк жить. Эвенкийский язык, жизнь – всё исчезнет.

Nikolaeva, Lyubov Anatolevna

12 years old, Evenk language

MAMA

My Mama is the very best
Light and pure...

Like the sun she shines
And protects from sorrow.

SPRING

Spring comes,
The sun shines brighter.
The snows melt,
The birds sing.

The reindeer calves are born,
Butterflies fly.
Berries blossom,
The heart delights.

THE REINDEER IS THE EVENK'S LIFE

I am an Evenk. The Evenks live in the taiga and graze reindeer. There are many reindeer in the herd, and the shepherds know them all. Reindeer are not all the same, they have different faces and sizes. They are named by their age – a reindeer calf, a year-old reindeer, a three-year-old reindeer, a three-or-four-year-old breeder reindeer, a five-year-old reindeer. And for their use in the herd – for riding, reindeer that lead the team (in winter), and reindeer that are led in the team.

Shepherds look after the reindeer well, and protect them. They often move camp so that the reindeer have plenty of food. In spring, the shepherds take special care of the female reindeer and their young. The entire life of the Evenks is connected to the reindeer. “Without a reindeer, there’s no Evenk”, people say, and this is quite true, without a reindeer an Evenk could not live. The Evenk language and life would disappear.

ПРОЗА
НА РОДНЫХ
ЯЗЫКАХ

PROSE
IN NATIVE
LANGUAGES

Болина Татьяна Васильевна

Лауреат, эвенкийский язык

МУСУМИ ЮКТЭЛО

Ни-кэ би? Нонон би – тунгуска бихим, хутэ Бугады. Минңи аямама куҕакады анҕанил, элэкэсиптыл алагумнил, амтылив – элэн минэ дюлэпты хавалэ җэнэбдесон.

Куҕакады анҕанил бикитту Хантайскай Амутту җэнэсон. Аяпчукакэн дундэ. Минңи хулукукон балдыдяк амтылва-эвэнкилвэ бивкэнчэн. Дундэ, анты лусалду, латышилду, нем-цалду, полякилду ургэпчу анҕанилду индекит оса.

Он-кэ эр дундэвэ отондэ аяврэ. Хэгдымэмэ чулбама амут, муроли аяпчул дюгани-да хиңилгэсил яңил Путоранил. Дён-чадым, он нулгидесов эбэконун. Яңилды биракар, му нуҕар-дутын хемурипчу, алапчу. Ңокэ, хонёдул бу гиркиконнунми Хэвэкивэ исэңкивун. Мол, эңэси бэе җалэлди отон кувлэрэ. Игэликтэ, диктэ, химиктэ, диксиҗо. Бу аявуҕкив аял сиҕа-мал чулбамал чуктылва. Дэңиктэлвэ нямиду тавуктаңкивун, алапчува укумнивэ мунду будон.

Он хагдыл эвэнкил дундэви одёңкитын, конёдеңки-тын, хулганиҕкитын. Мутпэ, куҕакарвэ, алагувуҕкитын. Амуттыки, биралтыки эвэнкил монеталва нодаҕкитын.

Эре аяври дундэтки, нуңан-кэ хинэ улидерэн. «Дундэви, иду индендэ, аяпкэл, одёкэл», – эвэнкил гуниңкитын. Эре бихин монңиви амтылван иргивун.

Гундерэ, дундэ аяпчу иду-до, меванми алтама бивми, аяя эхалви, тэдэми гэлон – толи нуңан бэлэден. Куңакады анңанилду, ин аял бэелвэ бурэн, минду кутуси бэлэрэн исэми таргасил илэлвэ, нуңардутын алагувсав, минңи амтылив нуңардутын алагувсатын. Минңи элэкэсипты алагумнил, алагумнил-эвэнкил, аял тэдёл дялисил бисотын. Мунду, куңакарду, мевардув оморэ гэлон бэлэми бээлду. Ая дёнкит оморэ. Алагумнил эсэл школарикта, куңакарикта хавалми, нуңартын бэлэңкитын колхозту, дюлэгу хаваду бисотын. Бу аявуңкивун, он нуңартын муннун эвэдыт турсиңкитын. Бу нуңарватын он Хэвэкивэ аявуңкивун, эре ая воспитанияду бээвэ. Таргасиктэ алагумни куңаканмэ алагувдян. Бу алагумнилду дяриңкивун.

Окин куңакарвэ интернаттула гаңкитын, эвэды олоңкор Яроцкай Киристын, аңадякан бисон, няма анңанива инисон, гуниңкин: «Эро урупчу илэлду. Эвэнки-кэ хавадяңаңит инден».

Индери интернатылду, городи амтылдук, иду лусадырикта турсиңкитын, куңакар омңоро монңиви туронми, монңилви тэрэрдук этыргэрэ. Этэрэ монңилви обычаялва, культурава, туронмэ харэ. Эре эсэ умнот ора. Дюр-илан поколенияду. Омңоми монңиви культурави, итылва, туронмэ, эторэ эр инду инэ, будерэв.

Хома ая, национальной хокунма хэрэвми. Луса-кэ хокатчаран лусады бидои, француз хокатчаран француз бидои. Тарит-тэ, юрак хокатчаңин юрак бидои, эвэнки – эвэнки бидои, чукча – чукчат бидои, толи нуңан гэллоден монңиви туронми, улгурви, итылва.

Хавав алагумни эвэды туронмэ Таймырской колледжаду минду кэтэе, он алагумниду хавадув бурэн. Би аятмар

алагумнилнун хавалдясав: Сотниковай И. П., тадук Борисовай Н. К., эрил тэдёл, аял, хэгдыл алагумнил, тэго, юрак, алагувуңкитын минэ, бэлэңкитын. Тунңа этносил, тунңа алагумнил монңиви туронми. Би гэрбиңкив нуңарватын «Минңи юктэ». Эр турорду кэтэ турор. Тагивдяс? Тар дюр ахал хуңту дундэло хурусол. Омонмурэн дён, мевандув бидерэн.

Эвэды туронмэ алагувсатын лусал, азербайджанил, остякил, хакаскал, тэготкор, хадаи хуңту туронмэ. Умукор алагувсатын тарит хавка, хуңтул хамудясатын улгурилва эвэнкил. Таргасир студенталнун би хавалми аявуңкив. Бу нуңарнун нимңакарвэ эвэдыт оңкивун, куңакарду исэпкониңкивун. Эр – урун алагумниду! Аяяр балдыдыра.

Нуңартын оторэ эвэды туронмэ алагувда, хуңту туронмэ харэ, нуңартын хунту народнун аят инилдерэ, итылван, инмон аявулдыра.

Дыгин няма алагумнит хавалми, тар аңанилдук дюрдян аңанива алагумнит эвэды туронмэ, би тылим, эсэ аявми дундэви, монңилви илэлвэ, утэлэпты монңиви культуравэ, сопричагностил интыки монңиви илэлвэ, алагумни эвэды туронмэ отондэ ора. Алагумни монңиви туронмэ патриотын одяңаңи бигин. Би Россияңи асин, монңиви народпи асин – дялиду эсэ инэ. Алагумни Бугаду «балдывдыран аяе, дялисие, бинңэе». Алагумни монңиви туронмэ «балдывдыран аяе, дялисие, бинңэе», алагувдыви куңакарвэ тыхиса аңанитки улгурилва монңиви народпа, туронмэ одёдёрэн, тарит одёдёрэн народпа. Хулукукор-до народыл умукоду культураду хэгды Россияңи.

Кэтэ хокориврэн материальной и нематериальной кутураду. Эхи-до тырганитыкинду, хурудерэ хагдыл, хадерил традиционной культурава, нуңарнунтын итыл амтылва хурудерэ.

Он-кэ би исэм алагумни хававэн? Халивми куңаканмэ, хуңту нацияви улгурилви монңиви народпи, хуңтут итылва,

туги-гу гиркивэ алагувум, нуңан туронмэ тар народпа халден. Куңакады анҗанилдув дундэдувун лусал, прибалтийцал, немцал алагувсатын, турсиңкитын эвэдыт, аявуңкитын эвэнкилвэ.

Алагувумнив хоктолив хурурэкин, минэ алагумнит дюгэлдыден, туги-гу, алагумни хавадув дялданэ бихин.

Эхи ургэпчу одёнми монҗиви туронми, культурави. Куңакарвэ монҗиви туронди хулукукорди алагувка. Эва-кэ гунми, поезд хурусо. Эхи-кэ бикитгул «Турорды умук», «турорды уриkit» хавалдыра, туги-гу, эсэ элэн хокоривра, мусудяран турон. «Дюкэ хурурэн, господа!»

Таймырду ургэпчу эвэды туроннун. Эвэнкил ахукан омонмурэ, няма-дюрняма. Калитмар, эсэл туронми харэ. Эру статистикан. Тарит хомамат туронми балдывradяңи, одёдёңи.

Орор асир ода, эвэды-кэ турон хуңтутмэр. Орон эвэнкилду – элэн, он хуңтулду-до бээлду Северва. Тарит туролдут кэтэ оролды, бэютылды турор. Хадерил туронмэ умукэчэрдуливи таңдяндэ.

Тадук куңакарвэ интернатылду хуңтут алагувсатын. Мутту амакал, эбэкол, амтыл алагувсатын куңҗкарвэ. Монҗиви инми, хавави, итылви алагувсатын. Бэе, индери мохаду, хойду, хавамни одяңин. Антытыкир народыл авгарая, дялисия илмакталва алагувдаи никэдерэ. Народнаил алагумнил монҗиви улгурилва бэргэ амтылватын улгусоңкитын. Ургэпчу ин аявэ бэркэвэ бээвэ балдывки бисон.

Интернатылнун амтыл алагувумнил хокоривра. Эхи-кэ эбэкор эсэл куңакакардувар долболтоно икорэ, эсэл нимҗакарвэ улгусонэ, амакартын эсэл омолгикорвэ алагувда, он дявусами бэрвэ, баками бэюнмэ, олдомими, эсэл алагувда, он бэе хойду, мохаду инден. Бу-кэ куңакарвэ алагувдяңав, эгиду бугаду он инми.

Хагдыл хурудерэ, дукумнил улгурилду амаскипты ин амтылватын, нуңартын итыл дукупча. Тарит куңакар

улгурилва севернай дукумнилван хадатын, алагумнил нуңарватын алагувутын.

Харэ илмактал гэрбилвэ дукумнилва, поэтылва, эвэнкилвэ Алитетпа Немтушкинма, Николай Оёгирва, Галина Кэптукэвэ, тэго Огдо Аксёнаваңи, юракпэ Любовь Ненянгави? Эсэв харэ.

Таңчавун улгурвэ, «Чива инми» А. Немтушкинма. К. Е. Гаюльский – аятмэр оромни, философңи, дяли, хаман, гундерэн: «Илмактал эвэнкил эсэл харэ, балдыдатын мутңи Дулин бугаду, няңня бивкэ. Дундэ тадук няңня – мутңил хэгдыл амтылвун, ахи-кэ – эни Дундэду...» Хот би аявуңнам улгурилва, стихилва, «Хамэлкил – ороды хендун» тар эвэдывэ дукумни. Нуңанңин улгурин – энциклопедиян исоды инин, дюлэн эвэнкилвэ.

Хотку, он урок монңиви туронми олдян. Би дялдадем, нуңан эсэ классической алагувун, улгургэси эбэконун, амаканун, амтылнун. Тэгэтчэрэ дюду, нимңаканмэ долсатчара, саттыдыра эвэды дептылонун. Омакталва эвэды турорвэ халдерэ. Тадук классической, эвидерил алагувул одяра. Антытыкир хавал. Хомамат ая хулукукорнун куңакарнун эвидяри улгусонми. Хавкавэ орими, толгокие, бэрвэ опкисивэ, олана, тэтые улдывкивэ, омая оми, эре аятмар.

Би нян эвэды туронмэ дёним, эвэнкил-кэ Таймырду асир одяра. Юракилду, тэголду, хамэилду, нуңартын хот туронсинми, культурави дявусалда, таргасир урокил нуңардутын опка. Би дялдадем, «Нэнэдерил эвунки яңил», хэриверэ. Эвэнкил гундерэ: «Ая дялиси, һоним хоктово һэнэпки».

Би тэдёдем, эвэды турон эвэнкилду, индерил Таймырду, одян. Отон хокоривра. Бу – бугал илэл, Буга монңиви гадян. Илмактал юктэли мусудяра. «Элэн муруктэви мусупки».

Болина Татьяна Васильевна

Лауреат, эвенкийский язык

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Кем я себя ощущаю? Прежде всего, я – тунгуска, дитя своего народа. Моё беззаботное детство, мои первые учителя, мои родители – всё невольно вело меня к моей будущей профессии.

Детство моё прошло в посёлке Хантайское Озеро. Удивительное место. Моя маленькая родина, которая приютила моих предков – эвенков. Земля, которая стала родной для русских, латышей, немцев, поляков и других народов в лихие времена.

Невозможно не влюбиться в эту землю. Огромное чистое озеро, обрамлённое красивыми снежными вершинами гор Путорана. Помню поездки к бабушке. Горные речки, вода в них ледяная, сладкая. Скалы, в расщелинах которых нам с подружкой чудились лики мадонны, бога. Деревья, которые не обхватит руками даже богатырь. Заросли красной смородины, малинки, голубики, брусники, черники. Мы любовались нежными жёлтыми и синими колокольчиками.

Собирали грибы для важеньки, чтобы она дала нам густое вкусное оленьё молоко.

Как берегли старые люди землю, поклонялись ей, благодарили за дары природы! Этому они учили нас, детей. В озёра и реки эвенки бросали монеты, привязывали к ветвям деревьев лоскутки материи и хвосты пушных зверей. Это любовь и уважение к земле, которая кормит тебя. «Землю, где живёшь – люби, береги», – говорили эвенки.

А ведь это и есть народное воспитание, которого лишены сегодня наши дети.

Говорят, земля прекрасна всюду, нужно только иметь пылкое сердце, зоркие глаза и доброе желание – тогда и она улыбнётся. Только перед равнодушными она нема. Детство подарило мне удивительных людей, которых мне посчастливилось видеть, учиться у них. И мои родители в своё время были их учениками. Наши первые учителя, педагоги-сородичи, незаметно несли миссию учителя, посеяв в душе каждого из нас ростки добра и желания помогать людям. Оставили добрую память о себе. Учителя занимались не только школой и детьми, но и помогали колхозу, участвовали во всех мероприятиях посёлка. Удивительно по-доброму относились к старикам. Были заводилами во всём. А главное, они разговаривали на нашем родном языке, были близки нам. Мы боготворили их, а это очень важно для воспитания человека. Только такой учитель увлечёт ребёнка знаниями. Мы стремились во всём подражать учителям: и в одежде, и в поведении.

Когда детей забирали в интернаты, эвенкийская сказительница Кристина Ивановна Яроцкая, сирота с детства, прожившая 100 лет, говорила: «Это – гибель для народа. Эвенк должен трудиться, только так он выживет».

Воспитываясь в интернатах, вдали от родителей, где превалировал только русский язык, дети забыли свой язык,

а с тем и культуру своего народа, отдалились от своих корней. Они стали равнодушны к своим обычаям, традициям. Это произошло не сразу. Через 2–3 поколения. Поколение, забывшее свою культуру, обычаи, заповеди, язык, не сможет выстоять, выдержать трудности в этой жизни, и исчезнет народ.

Важно разбудить национальную гордость. Ведь гордится русский тем, что он русский, француз – тем, что он француз. Так пусть гордится ненец, что он – ненец, эвенк – что он эвенк, чукча – что он чукча, и тогда каждый захочет знать историю и культуру своего народа, выучить язык.

Работа преподавателя родного (эвенкийского) языка в Таймырском колледже мне много дала для профессионального роста. Я работала рядом с прекрасными опытными педагогами – Ириной Павловной Сотниковой, Ниной Куприяновной Борисовой. Эти настоящие, с большой буквы преподаватели родных языков, долганка и энка, помогали мне, учили меня. В колледже было пять преподавателей родных языков, пять этносов. Я называла их «Мои родники». Эти слова имеют много значений. Попробуйте, угадайте. Ирины Павловны и Нины Куприяновны уже нет, ушли в «мир иной». Но осталась память, и она хранит их в моей благодарной душе.

В моей группе учились русские, азербайджанки, кето, хакаски, даже долганки, которые знали свой язык, но захотели знать и другой. Одни учились потому, что надо, но были и другие, которым была интересна история моего народа, следовательно, и язык. Такие студентки мне интересны. Мы с ними ставили сказку на эвенкийском языке, показывали постановку детям. Это ли не радость для учителя! Знать, посеяла добрые ростки.

Пусть не будут они специалистами языка, но, изучая язык народа, с которым рядом проживают, они учатся

толерантному отношению к людям другой национальности, знакомятся с духовной и материальной культурой народа, начинают понимать этот народ.

Проработав учителем свыше сорока лет, из них около 20 – преподавателем родного языка, я пришла к выводу, что без любви к своей земле, к своим сородичам, к древней культуре своего народа, чувства сопричастности к делам своих сородичей не может быть преподавателя родного языка. Миссия педагога в современном мире – «сеять разумное, доброе, вечное». Преподаватель родного языка приобщает детей к тысячелетней культуре своего народа, сохраняя язык, то есть сохраняет свой народ. А каждый, даже маленький народ, составляет единую культуру великой России.

В развитии культуры произошёл разрыв культурной преемственности и связи поколений, утрачены огромные культурные пласты, связанные с материальной и нематериальной культурой. До сих пор с каждым днём, уносящим жизни старейших знатоков традиционной культуры, утрачиваются знания и культурное наследие коренных народов Сибири.

В чём я вижу смысл своей педагогической деятельности? Если я заинтересую ребёнка, взрослого, человека другой национальности культурой и древней историей своего народа, научу уважать также и культуру другого этноса, то это значит, что я воспитала толерантного человека, который захочет знать и свой язык, и язык рядом живущего этноса. Ведь во времена моего детства в нашем посёлке русские, украинцы, прибалты, немцы учили, понимали мой родной язык и разговаривали на нём, любили мой народ.

Если моя бывшая студентка пойдёт по моим стопам, заменит меня в профессии, значит, есть смысл в моей педагогической деятельности.

К сожалению, сейчас много сложностей в сохранении родного языка и культуры. Я считаю, что поздно

мы спохватились, поздно взяли за родные языки. Ещё в 80-е годы я говорила, что детей учить родному языку надо с детсадовского возраста. Да что об этом говорить, казалось, поезд ушёл... Но теперь-то создаются в посёлках «языковые гнёзда», «языковые стойбища», значит, не всё потеряно, идёт возрождение. «Лёд тронулся!»

Особенно сложно с эвенкийским языком на Таймыре. Осталось здесь эвенков не больше 200 человек, да и то большинство из них – не знают родной язык. Печальная статистика. Она подчёркивает особую важность возрождения и сохранения языка этноса на нашей территории.

Не стало оленеводства, а ведь словарный состав эвенкийского языка своеобразен. Основным видом хозяйственной деятельности эвенков, как и других народов Севера, является оленеводство и охота, поэтому лексика их языка изобилует оленеводческой и охотничьей терминологией. Носителей языка можно сосчитать по пальцам.

У северных народов была своя система воспитания, которая основывалась на многовековом опыте, передаваемом из поколения в поколение. Народные воспитательные традиции сильны логикой действия, дела, деятельности, результатами воздействия на психику воспитуемых и готовыми мыслями, отобранными и отшлифованными в течение тысячелетий. Человек, живущий в этих условиях, должен быть, прежде всего, тружеником. Каждый народ стремился воспитывать умное и здоровое поколение, достойную смену. Народные педагоги стремились вызвать у подрастающего поколения интерес к своей истории, уважение к героизму предков. Суровая школа жизни воспитывала высокие моральные качества: благородство, щедрость души, самоотверженность.

С появлением интернатов у нас было утеряно народное воспитание. Ведь бабушки не пели своим внукам

колыбельные, не рассказывали им сказки на ночь, дедушки не учили их держать лук, красться за хитрым зверем, добывать рыбу, не учили, как стать человеком, тружеником, как выжить в суровых условиях тундры, тайги.

А мы, несомненно, должны научить детей не только выживать, но и жить в современном сложном мире.

Чем заполнить этот пробел?

Уходит в мир иной старшее поколение, но в рассказах писателей сохранилось героическое прошлое народа, его обычаи, заповеди. Поэтому важно знакомить детей с произведениями наших северных писателей, а тем, кто собирается учить, воспитывать в северных школах маленьких аборигенов – знать наследие писателей обязательно. Воспитывать на их произведениях наше молодое поколение, которое уже оторвалось от своих корней, но не может приспособиться к другой, отличной от их родной, культуре.

Знает ли широкий круг читателей имена северных писателей и поэтов, эвенков Алитета Немтушкина, Николая Оёгира, Галины Кэптукэ, долганки Огдо Аксёновой, ненки Любови Ненянг? Сомневаюсь.

Вспомним рассказ, если конечно вы читали, «Нить жизни» Алитета Немтушкина. К.Е. Гаюльский – лучший оленевод, философ, мыслитель и шаман, размышляет: «Молодые эвенки не знают и не понимают, что для того, чтобы родиться на нашей Срединной земле, нужно и небо. Земля и небо – наши главные родители, а родившая тебя женщина – это мать на Земле...».

Как же я люблю рассказы, стихи из сборника Алитета Немтушкина «Метки на оленьем ухе». Его произведения – энциклопедия образа жизни, характера, будущего эвенков.

Важно ещё, как будет строиться урок родного языка. Мне кажется, он должен быть не классическим уроком, а подобным разговором с бабушкой, дедом, отцом, мамой. Вот сидят

они в своём чуме, слушают сказку, пьют чай с национальными деликатесами и попутно узнают новые слова, термины. Затем и классический урок будет нужен, и игровой. Сочетание различных видов деятельности. Особенно в младших классах. А если ещё и пригласить мастера или мастерицу, умеющих сделать санки, лук, сшить национальную одежду, постряпать эвенкийскую ома (лепёшку), то это чудесно.

Это уже из области фантастики, но что-то из этого возможно. Опять же, я имею в виду урок эвенкийского языка, так как исчезает эвенкийский народ на Таймыре. У ненцев, долган, да и у нганасан, которые серьёзно взялись за сохранение своего языка и культуры, такие уроки вполне возможны. Но я надеюсь, что проснётся и народ, «идуший попере́к хребтов».

Я надеюсь, что возродится язык моего народа, живущего на Таймыре. Надежда умирает последней.

Мы – люди природы, а природа возьмёт своё. Молодое поколение вернётся к своим истокам. Всё возвращается на круги своя.

Bolina, Tatyana Vasilevna

Laureate, Evenk language

RETURNING TO THE SOURCES

Who do I feel myself to be? Above all, I am a Tungus woman, a child of my people. My carefree childhood, my first teachers, my parents – they all involuntarily led me to my future profession.

I spent my childhood in the village of Khantai Lake. It's an amazing place. It is my little homeland, which sheltered my ancestors, the Evenki. A land which became a homeland for Russians, Latvians, Germans and Poles in difficult times, and for other peoples too.

It's impossible not to fall in love with this land. An enormous pure lake, surrounded by the beautiful snowy peaks of the Putorana mountains. I remember visits to my grandma. Mountain lakes, the water in them was icy and sweet. Cliffs in the crevices of which my friend and I imagined the faces of the Madonna, of God. Trees which not even a hero could wrap his arms around. Red currant, raspberries, blueberries, cowberries and bilberries grew everywhere. We admired

the tender yellow and blue bells. We gathered mushrooms for our reindeer, so that she would give us thick, delicious milk.

How the old people protected their land, worshipped it, thanked it for the gifts of nature! They taught this to us children.... The Evenki threw coins into the lakes and rivers, they tied pieces of material to the trees and the tails of furry animals. This is love and respect for the land which feeds you. “Love and protect the land where you live,” the Evenki said.

And this is the folk upbringing that our children lack.

They say that the land is beautiful everywhere, you only need to have a fiery heart, sharp eyes and kind wishes – and then it will smile to you. It is only mute to the indifferent. Childhood gave me incredible people who helped me to see and to learn from them, and my parents were their pupils. My first teachers, educators from my homeland, unnoticeably carried out the mission of teachers, planting sprouts of kindness in the souls of each of us, and the desire to help people. They left good memories of themselves. Our teachers not only worked with the school and the children, but also helped the collective farm, and took part in all the village events. They were incredibly well-disposed towards the old people. They were enthusiasts in everything they did. Most importantly, they spoke our native language and were close to us. We worshipped them, and this is very important for a person’s upbringing. Only a teacher like this can interest a child in knowledge. We strove to imitate our teachers in everything: in clothing and in behavior.

When the children were taken to boarding schools, the Evenki storyteller Kristina Ivanovna Yarotskaya, an orphan who lived to the age of 100, said: “This is a disaster for the people. Evenks must work, only in this way can they survive.”

Educated at boarding schools, far from their parents, where Russian predominated, children forget their language, and

with it the culture of their people, and were removed from their roots. Worst of all, they became indifferent to their own culture, customs and language. This did not take place immediately, but after 2-3 generations. A generation that has forgotten its culture, traditions, commandments and language cannot endure in this life, and the people will disappear.

It's important to inspire national pride. Russians are proud of being Russians, and the French are proud of being French. So let the Nenets be proud of being Nenets, the Evenk proud of being Evenk, the Chukchi proud of being Chukchi, and then they will want to know the history and culture of their people, and know their language.

Working as a teacher of the native (Evenk) language at "Taymyr College" gave me a great deal for my professional growth. I worked alongside wonderful, experienced educators: Irina Sotnikova, Nina Borisova. They were true teachers of their native languages, Dolgan and Enets, and they helped and taught me. There were five ethnicities and five teachers of native languages. I called them "My springs". These words have many meanings. Maybe you can try and guess what they are? Irina and Nina are no longer with us, they have passed away into "another world". But their memory remains, and it is preserved in my grateful soul.

My group had Russian, Azerbaijani, Ket, Khakass and even Dolgan students, who knew their own language, but also wanted to learn a new one. Some studied because they had to, but some were interested in the history of my people, and therefore of the language. I found these students interesting. We performed a fairytale in Evenk for the children. What more could a teacher desire? This knowledge sowed seeds of goodwill.

Even if these students were not language specialists, by studying the language of the people they live alongside, they learn a tolerant attitude to people of any ethnicity, learn

the spiritual and material culture of the people, and begin to understand them.

After working as a teacher for over 40 years, and for around 20 as a teacher of my native language, I came to the conclusion that without love for your land, for your people, for the ancient culture of your people, a feeling of involvement in your people's affairs, you cannot teach your native language. The mission of the educator in the modern world is to "spread what is reasonable, good, and eternal". A teacher of the native language "spreads what is reasonable, good and eternal", by telling children about the thousand-year culture of their people, preserving the language, and thus preserving the people. And each people, even if their numbers are not large, make up the common culture of great Russia.

In the development of culture, a rift has taken place in cultural continuity and the links between generations, and enormous cultural layers of material and non-material culture are lost. Every day that takes away the oldest experts of traditional culture from us, the knowledge and cultural heritage of the native peoples of Siberia are lost.

How do I see the meaning of my work as an educator? I aim to interest children and adults, from different ethnic groups. In my people, its culture and ancient history, and teach them to respect a different culture. I try to teach people tolerance, and inspire them to learn my native language. During my childhood, Russians, Ukrainians, Balts and Germans studied in our village, and they understood and spoke my native language, and loved my people.

If a former student follows in my footsteps and replaces me in the profession, then my work as an educator has meaning.

Unfortunately, today there are many difficulties in preserving the native language and culture. I believe that we left things too late in the study of native languages.

In the 1980s, I said that children needed to study their native language from kindergarten age. But this seemed pointless, the opportunity seemed to be lost... But now “language nests”, “language pastures” are being created in villages., so not all is lost, a revival is underway. “The ice has broken, gentlemen!”

The situation with the Evenk language on the Taymyr Peninsula is especially difficult. Not more than 200 Evenk are left here, and most of them do not know the language. These are sad statistics. They show how important it is to revive and preserve the language of the ethnic group on our territory.

Deer-breeding has vanished, and the vocabulary of the Evenk language is quite specific. The main form of farming for the Evenk, like other peoples of Siberia, is deer-breeding and hunting, so the vocabulary of their language is abundant with deer-breeding and hunting terminology. Native speakers can be counted on the fingers of one hand.

The northern people had their own system of education, based on many centuries of experience. The educational traditions are strong in logic of action, and they are the results of ready thoughts selected and polished over millennia, which have influenced the minds of children. A person living in these conditions should above all be hard-working. Every people tries to bring up a smart and healthy generation that is worthy of the one it replaces. Educators tried to give the growing generation an interest in its own history, in the heroism of ancestors. The harsh school of life instilled high moral qualities: nobility, generosity of spirit and self-sacrifice.

When boarding schools appeared, national education was lost. Grandmothers no longer sang lullabies to their grandchildren, or told them bedtime stories, grandfathers did not teach them to hold a bow, to hunt cunning beasts, to catch fish, or teach them how to become hard-working people,

and how to survive in the harsh conditions of the tundra and the taiga.

But we must teach our children not only to survive, but to live in the modern, complex world.

How can we fill this gap?

The older generation is passing away, but in writers' stories the heroic past of the people is preserved, its customs and precepts. So it is important to inform children about the works of our northern writers, and people who plan to teach and educate young indigenous people in northern schools must know the heritage of these writers. Our younger generation should be brought up on their works, as they are severed from their roots, but cannot adapt to another culture that differs from their own.

Do many readers know the names of northern writers and poets, the Evenks Alitet Nemtushkin, Nikolai Oyogir, Galina Keptuke, the Dolgan Ogdo Aksyonova and the Nenets Lyubov Nenyang? I doubt it.

Let's recall one story, if you've read it, of course, "The Thread of Life" by Alitet Nemtushkin. K. E. Gayulsky, a fine deer-breeder, philosopher, thinker and shaman, reflects: "Young Evenks do not know and understand that to be born in our Middle Earth, you also need the sky. The land and the sky are our main parents, and the woman who gives birth to you is the mother on Earth..."

I love the stories and poems from the collection by Alitet Nemtushkin, "Marks on the Reindeer's Ear". His works are an encyclopedia of the way of life, character and future of the Evenks.

It is also important how lessons in the native language are organized. I believe that they should not be classical lessons, but like a conversation with your grandmother, grandfather, father or mother. They sit in their tent, lessons to a story, drink

tea with national delicacies and learn new words and terms. Both a classic lesson and a playing lesson will be necessary, with a combination of different types of activities, especially in junior classes. And if you invite someone who knows the language or a person who can make a sled, a bow, sew a national costume or bake an Evenk oma (bread), that will be wonderful.

This is all a bit unlikely, but some of it is possible. Again, I mean lessons of the Evenk language, as the Evenk people are vanishing on the Taymyr Peninsula. The Nenets, Dolgan and Nganasan, who have taken serious measures to preserve their language and culture, may quite possibly give these lessons. But I hope that the people will also awake, in defiance of the obstacles they face.

I hope that the language of my people living on the Taymyr Peninsula will revive. Hope is the last to die.

We are people of nature, and nature will gain the upper hand. The younger generation will return to its roots. Everything will fall back into place.

Егеръ Нина Михайловна

*Дипломант I степени,
хантыйский язык (шурышкарский диалект)*

И ХАТЛҢ НЯВРЭМ ПОРА ЭЛТЫ

Алҕаһсахат. Куртыевҕан шитам, матты, хоятат холна олҕат. Хорам хашапат лыпийн няврэмат олҕат вантлҕат. Арсыр ольпаң сарапанаң уна ювам имет ветрайлҕал ҕша вуйман, сэмҕан лув мислал каншлҕат, матэт пелҕаит элты хотат элты ҕнта хувҕан хаш юхат кутҕан ханемалҕат. Пусҕаҕлы мис пусты шеҕк лавҕарт.

Нянь верты хот элты эплҕаң нянь эпҕл авҕс. Щит нянь верты ими ун кирпаш кур элты лҕпат нянят ким талҕал. Ванан энамты катра нохҕр юхата ши нянь эпҕл мет олҕа хоял. Нянь верты хот студентатҕан (стройотряд элты) халащ пуҕаҕлҕан омацца.

Ма хашап лыпийн олҕам, ай сохҕл хотҕан, маты мис хот пуҕаҕлҕан верса. Палҕэма хоял, хоты мисийҕк ветра пуҕла хойман, лув арел ариял: чищ-чущ, чищ-чущ. Маша ун аҕкем Болотнойка мисэв пилҕан пойкаҕа потарҕал. Щиты муҕ мисэв аилса. Муя мисэв Болотнойкаян аялса, муҕ ҕнт уйтсув.

Ши мис аңкев колхоз элты вуйдыис. Мосаң, тув лотан сэма питмал. Муң мисэв мисийнқан ялпкевават няврэмат йинштәлтаса. Мисийнқ вой, творог, дым мисийнқ муң сам ант вохты унты лэсув. Тәм удмевән ши лэтот эпәл лутам отат элты ант хуллэв.

Опем пә апшием лув хашапат лыпийн холна олдат. Муя муң камән, сохәл хотән, олдув? Муң хотэв шеңк аие ус, карвать кашин хоята понты таха ант тайсув. Луңән кур тайты ай хотән олты руваң. Ши пораин куртаң няврэмат камән олдат: хой хашапән мис хотат элты, хой сохәл хотатән, хой хот лоңлатән-навышкаятән*.

Аңкев мис пусты нэңат пилән ун хопән мисат тайты луң хара матсат. Щита колхоз мисат тайсат. Мис пусты нэңат ловалман тохи яңхсат, ванта, катерат ай послат хуват яңхты ант веритсат.

Ма нох вердылам. Хашап элты ким навармалам, сохәл хот овал пуншэмалэм пә Асэв пелка нык хухалмалам, ун аңкем мис пусты кутән певалматы. Ай удмев пораин муңэв йиңқән улты отатән палтаптасаюв, ант певалты кеша.

Еша певалман, питара ёхатлам, перемётэм вантлэм. Карлуңк элты верам няшия майты хоим хулые нох вулэм пә луң курэв хоша хухалман лувел тулэм. Щита ун аңкемән кур әлман ул. Ма тувәм хулыем ун хулат пилән, мятэт опем перна ащелән, дядя Саша Коневән, туса, пута хоил. Дядя Сашаев яң няврэм таяс, пә муңев, ащилы няврэмат, ищи вана тайсалды.

Ун аңкев ястәл, хой хатәл хуват муй верты питәл: хой лув пиләлән торән хара мәнәл, хой елән хащәл. Ма ши пелә хуллантты каш ант тайсам. Ма уйтлэм: торән хара ма мәнләм. Ун аңкем ма пеләем пойкащман ястәл, матты ки ма таклэм лув торән харән нэмалты верты ант верытәл: торән

* **Навышкаят** – чердаки.

сэварты а́нт верыта́л, ныпа то́рән ака́тты, хо́лђап вантты, са́прая ю́хат сэварты пӓ́ йи́ңк туты.

Ма кутла́п э́вия усэм, Ка́тя – опи́ем, То́ма – а́пши́ем. Ка́тя хот лы́пи рупа́та верты хайды́са, То́маев а́ие. Шци́шӓ́н ма то́рӓ́н хара шу́шман ма́нэм шалитма́н, потартсэм: нэм-хоятӓ́н ма́нэм а́нт шалитла́, пе́лңая́тӓ́н ша́х порда́ям. Ун а́ңкев му́траи́ң имия́ ус. Л́ув ма пе́ла́ем а́нт лья́ватӓ́с, ма е́лпемӓ́н шу́шӓ́с, а́т йи́ңкӓ́т то́рнат э́лты и́ллы сэ́ңкӓ́с, ме́т ма а́нт мо́рсая́м, пӓ́ ру́щ яса́ңӓ́н са́ран шци́рӓ́н а́рияс. Му́я л́ув ру́щ яса́ңӓ́н а́рияс ру́щ яса́ң а́нт уй́тма́н. Са́ран яса́ңӓ́н л́ув шимӓ́л ар а́рияс. Ме́т мо́сман ми́н «Кы́к дру́г» тайса́мӓ́н. «Кы́к дру́г» – шци́т ка́т л́ухӓ́с. Ху́н ми́н шци́ ар ун а́ңкем пи́лӓ́н а́риса́мӓ́н, Ла́зар ун а́щем э́лтэ́в ну́масса́мӓ́н, ма́ты ун ля́ль э́лты а́нт ё́хтӓ́с пӓ́ Се́ман ун а́щем э́лты, ма́ты Та́тья ун а́ңкем пи́лӓ́н Вы́имго́ртӓ́н уста́н.

То́рӓ́н ве́рман хӓ́тлэ́в со́ра ха́щӓ́с. Ё́хи ма́нты ю́шев ва́на-ша́к ма́тты ки́ ус. Ма́ кина́я тэ́рматы́сам, ни́ял шце́с ке́ман. Ун а́ңкем ми́сэв ка́ншты ве́р тая́с, ме́т му́ңева́ лӓ́нт ка́ва́ртты пӓ́ му́ңев ла́патты. А́й поро́ин му́й л́этот ус, и́са я́м.

Кина́ ю́пийн ня́врэ́мат клуб хо́ща «Ка́закат пӓ́ разбо́йни-ка́та», ха́нема́ман, «Ла́птая́», «Сэ́ңка-хуха́лма, ка́щен ка́тлы́» пӓ́ па ё́нтапса́ита ё́нтсу́в. Хо́ин ута́лтаса́ев шци́ ё́нтапса́ята ё́нтты? Му́ңева́ ё́нтты ка́ш ус. Ха́хса му́ң а́нт та́лсу́в, ву́на ма́шья́ин а́нт йи́ншсу́в, хо́ты туха́л ня́врэ́мат ин ве́рла́т. Му́ң а́матма́н э́намсу́в.

Шци́ты хӓ́тла́т ма́тса́т-ха́щса́т. Му́ң э́намсу́в. А́ңки́лу́в-а́щилу́в а́нто́ма йи́сат. Ту́п э́нма́м поро́аев хӓ́тла́т сэ́млув е́щя́лт ин до́йла́т...

САРАН ОНТАП

Нэ апщиема хулъм хятъл холна ѓнтом ус. Марья ун аҗкем машьяйн саран онтап аҗкев карвать пуҗалән тахарсалы пә ахолта ким этәс.

Ёлән шитам, хошәм, туп хот шуҗян щос лятыис.

Ай кухня лыпийн алам кирпащ кӯр элты ай тӯт ныла. Щилта ям эпәл авәс. Холна саран хӯл эпәлән, маты тюпаҗ ун аҗкем тӯп солытты хошәс.

Катиев ун лараш элты ел воштасәм пә ишни элты ким вантты питсам. Щита нәмәлты ям вантты ѓнтом ус. Хәнты хот, хота катра порайн Яләп Кевавәт клуб ус, ин велши питәм лоньщ элты питыя ныса. Секля ими, катра сахәл нох луматман, тэрамаман юх хота лоҗемас, каткем сорәм хӯл ёшәлән каталман ким этмәс пә ёхи лоҗәс. Пә щи, па нәмхойт ѓнтом.

Ма ун лараш элты ил охалсам пә онтап пела вана-масам. Муя лув тәта тахартса? Тәм карлуҗк элты катра уккел элты минэма тятътиты лот верыдыса. Катя опе́м пилән ям хува тятътидысман.

Аҗкем карватя хуҗхман, онтпем ма хошаем талты питсәм. Лыпийн, ун аҗкем шалә ёварман, нэ апщиев оләс. Ма каркама онтап лыпия навармасам. Питы катра лаҗкап, матыин онтап элты ёнтман ус, ѓнт тохнәс. Онтапән олман, ма тыел-тохел нәхалтыты питсам. Карлуҗкәт элты ховиты келәм лыпаща йис пә онтапем айлта хот-хара ил эсласәс. Апшием нох ѓнт па верләс. Ма, хув ѓнт нумасман, онтапем карвать илпия лукемасәм.

Хун аҗкем ёхи лоҗәс па онтапәл лойты тахайн ѓнт шиядаслы, ун палтапән ёхәтса, тӯп ма ин унты нумләм, хоты ма папием хуват варәс юх яма наврәс.

ТАНЬКА

Камән ёлӑх ус. Ворҗаит ищи ахолта ханемасӑт. Маша ун аҗкем холты пела ким этман, манэм ёлӑн омасты партӑс. Ёлӑн омасты манэм шук ус. Хут тӑлпи няврэмие хун ун ларащ элты муй улӑс элты ай саран хот лыпийн ӑл омасты веритӑл?

Я, амуй Танька пилнэҗем ин верӑл?

Ма сора ов пела навармасам, лулӑн Тома апцем ӑтӑт шиялӑс, пӑ ма пилэмӑн ӑт юварлӑс, патлам лэпҗева этмасам пӑ щи – ма ким ликамсам!

Муҗ хотэв кератман пушас ӑнтом ус. Кирко-Васька бригадирэв ястӑс хотэв пуҗӑлӑн пушас ӑнт верты. Хотэв, ванта, клуб хоҗа ванӑн лоис. Клуб – щит Ялӑп Кевавӑт волӑҗ хот. Щишӑн ловӑҗ ухлӑт, хоятӑт муҗ хотэв лэпҗӑл пуҗӑлӑн яҗхсӑт: сыстам, сорам.

Коневӑт хотэл клуб ещӑлт лоис. Танька ишнийн ӑнт ныса. Туп лув апцилӑл ким вантсӑт.

Пушас саин Танька ернасӑл пеламтӑс. Я! Тӑта щи ма пилнэҗем! Пуцка хоҗа навармасам, хота ернасӑл рапцемӑс. Щита, бензин пуцкаит кутӑн, Танькаем тут ратые лэҗатӑл. Танька ащел, саран ясӑҗӑн – Элисан дядь, хул велты хоята ус, бензин ар лутылыис.

Пусӑҗ эпӑл авты питӑс. Пилнэҗемӑн тувам нохӑр юх лэпсӑт тутӑн нёлытты питсайт. Умӑщ вантты! Туп верэв патӑла ӑнт ёхтӑс: ахойн нумалта потӑм йиҗкӑн шошамсӑюв. Щит нэш Элисан дядяев. Мин тыхлэв элты щи кумат ким навӑрмасман, матты хуртӑм тут рат элты этӑм шув, пӑ нохӑр юхӑт пела хухӑлмасман. Ванта, нохӑр юхӑт элты ацилувӑн-аҗкилувӑн муҗ ӑнт ёхатлаюв: куш кепа лылҗӑт.

Кул пӑл нохӑр юхӑн омасман, мин самҗалув ӑл тарисӑт.

Ох, Танька ащел ёша мин тут рат вуцитты ещӑлт ки хойсаман, ин лулӑн тӑм лэпсӑт кутӑн ӑнт омассув рома...

ВОРҢА ПОШХИЕ

(Татья ун аңкем элты хулдәм потър)

Нохър юх лэрят кутән амуй воие нөхлӓс. Йиңкӓң ветраем опсалтасэм пӓ ай воие ёша вусэм. Ешакие! Там, нэш, ворҗа пошхие!

Нохлы пелӓ аңкармасам: нохър юх нувӓт кутән ахоин шукатӓм ворҗа тыхӓлӓ ус. Парӓм ворҗа пошхиет юх вош пуҗалӓн олсӓт. Самем хась этӓс: ворҗаит товийн лавалӓув, аматӓув, ин пӓ атӓм вера питсӓт. Парӓм пошхиет яха акатсам, элты торанӓн понсэм, лылаҗ пошхием ёша вусэм пӓ лов хот пелӓ хухалмасам. Луҗ пораин лов хот тал: ловат лыпаща яҗхлӓт.

Хӓнты хоятата, ванты, ворҗа ёшӓн тайты ӓнт рахӓл, шишн ханяйн лов хотӓн пошхием энмалсэм. Луҗ кутӓпӓн воием ким этты питӓс. Нэмалты хоятӓн ӓнт кащаласа, холща ши воие курта ёхтӓс.

Хӓтлӓт елха йиты ещӓлт ворҗаием пилӓт уйтӓс пӓ лув пилӓлн нум мув пелӓка манӓс.

Ши юпийн кашиж тови ёхтам ворҗаит кутӓн ма ворҗаием каншлӓм. «Варӓх-варӓх» сый кутӓн лув турсыел манэм ин унты щӓщӓл.

Егерь Нина Михайловна

*Дипломант I степени,
хантыйский язык (шурьшкарский диалект)*

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ДЕТСТВА

Утро. Посёлок ещё дремлет. В пологах, сшитых из цветных тканей, посапывают дети. Старушки в цветастых сарафанах начинают бренчать вёдрами и искать глазами своих коров, прячущихся от гнуса в тальнике недалеко от домов. Подоить коров без дымокура в безветренную погоду – большая удача.

От пекарни по посёлку разносится запах ароматного хлеба. Это пекарша вынимает из огромной печи румяные мягкие булки. Вековые кедры первыми вдыхают этот аромат. Пекарню построили студенты стройотряда прямо в лесу, возле кладбища.

Я лежу в пологе, натянутом в сарае рядом со стайкой. Слышу, как струйки молока, касаясь стенок подойника, поют свою извечную песню: чищ-чуц, чищ-чуц. Баба Маша ласково разговаривает с Болотной. Это кличка нашей коровы. Почему Болотная, мы не знали. Эту корову мама взяла в колхозе. Может, на болоте родилась. Молоком

от нашей коровы поили многих новокиеватских деток. Сметану, творог и простоквашу мы ели от пуза. Вкус тех продуктов я не могу забыть, а ощутить его в купленных продуктах не получается.

Сёстры ещё спят в своих пологах. Почему мы спим в сарае? А потому, что домик наш был маленьким, и не было возможности всем поставить кровати. Да и душно спать в домах с печкой. Тогда многие дети спали на улице в пологах: кто в стайках, кто в сараях, кто на чердаках-вышкавыясас*.

Мама с доярками уехали на большом неводнике на летнее пастбище. Там находятся колхозные стада. Доярки ездили туда и обратно на гребях**, так как протоки не пропускали мотоботки***.

Я окончательно просыпаюсь. Выскакиваю из полога, распахиваю дверь сарая и мчусь к Оби, чтобы искупаться, пока бабушка не видит. Нас, детей, пугали подводными людьми – ваусами, чтобы мы не купались.

После нескольких заплывов выбираюсь на берег, проверяю перемёт, освобождаю случайно попавшую на крючок из гвоздя рыбку и бегу в пущанин, где бабушкой уже растоплена печка. Пущанин – это летняя кухня по-зырянски. Моя рыбёшка попадает в общий котёл с крупными, принесёнными утром дядей Сашей Коневым, крёстным сестры Кати. Дядя Саша был отцом десятерых детей, а мы, оставшиеся рано без отца, всегда чувствовали его внимание к нам.

Бабушка говорит о планах на день: кто с ней идёт на покос, а кто остаётся дома. Я могу даже не слушать её. Я знаю, что на покос иду я. Бабушка уверяла меня, что просто не справится на покосе без меня: и сено накосить,

* **Вышкавыясас** – чердаки (коми).

** **На гребях** – на гребных вёслах.

*** **Мотоботки** – небольшие катера.

и для вязанок травы приготовить, и сетки проверить, и зубья для сабры* нарубить, и воды принести. Я была средней, Катя старшей, Тома младшей в семье. Кате доставалась работа по дому, а Тома была ещё маленькой. Вот и приходилось мне шагать на покос, причитая, что я несчастная, что никто меня не пожалеет, что комары меня всю искусают. Бабушка была мудрой женщиной. Она не ругала, не упрекала, а шла впереди меня, сбивая росу с травы, чтобы я не промокла, и пела своим мягким голосом с приятным зырянским акцентом русские песни. Почему русские песни, когда она плохо владела русской речью, я не могла понять. Зырянские песни от бабушки я слышала редко. Особо любимой нами была песня «Кык друг» («Два друга»). Когда мы с бабушкой её пели, мне казалось, что поём о нашем дедушке Лазаре, который не вернулся с войны и дедушке Семёне, который жил с бабушкой Татьяной в Выимгорте.

День на покосе проходил незаметно. Обратная дорога казалась короче. Я спешила в кино, к восьми часам. А бабушка шла искать корову, чтобы подоить её и сварить нам необыкновенно вкусную кашу или суп и обязательно сделать чай с молоком. В детстве всегда всё было вкусным.

А после кино все дети собирались возле клуба играть в казаков-разбойников, в прятки, в лапту, в «Бить-бежать, штаны держать» и другие игры. Кто этим играм нас учил? Но было интересно, весело. Мы не курили, не пили тайком, как сейчас делают наши маленькие односельчане, мы просто росли и жили полной счастливой жизнью.

Так проходили дни за днями. Мы выросли. Нет уже наших родителей. А воспоминания продолжают освещать душу...

* Сабра – вид копны.

ПОТАН*

Сестрѣнке ещё не было трёх дней от роду. Баба Маша молча подвесила потан возле маминой кровати и куда-то ушла. Дома тихо, тепло. Тикали часы-ходики. В тёмной кухоньке виднелись отсветы от топящейся кирпичной печи. Оттуда пахло чем-то вкусным. А ещё сись черием**, которую готовила моя любимая бабушка.

По-хозяйски согнав кошку с сундука, я забралась на него и стала смотреть в окно. Но там ничего интересного не было. Хантыйский дом – бывший первый клуб Нового Киева, чернел на фоне только что выпавшего снега, тѣтя Секля в своей старой ягушке забежала в юх хот***, тут же выбежала, неся в руках пару вяленых сырков. И опять никого.

Я слезла с сундука и решила заняться изучением потана. Зачем он здесь? Ведь на этом гвозде для нас с сестрой Катей устраивались из старых вожжей качели. Взобравшись на мамину кровать, я притянула потан к себе. Посередине лежала завёрнутая в клетчатую бабушкину шаль дѣля чой****. Я ловко запрыгнула в потан. Старое чёрное одеяло, которым был обтянут потан, натянулось, но выдержало мой вес. Уместившись в потане, я стала раскачиваться на нём: влево, вправо, влево, вправо. Кованый гвоздь разогнулся, и потан плавно опустился на пол. Сестрѣнка продолжала спать, а я, недолго думая, запихнула потан под кровать.

Я не могу передать мамин испуг при виде отсутствия потана, но то, что впервые по мне гуляла веточка-ньэр-устрашилка, это я запомнила на всю жизнь.

* **Потан** – зырянская люлька, подвешенная к потолочной балке.

** **Сись чери** – рыба зырянского посола.

*** **Юх хот** – хантыйский дровяной сарай.

**** **Дѣля чой** – сестрѣнка.

ТАНЬКА

Было прохладно. Даже вороны куда-то попрятались. Бабушка Маша, уходя из дома, не велела выходить на улицу. А мне не сиделось дома. Разве может человек в шесть лет усидеть на сундуке или на лавке в небольшом зырянском доме?

Интересно, а чем Танька сейчас занимается?

Незаметно прошмыгнув в дверь, чтоб сестрёнка Тома не увязалась за мной, я вылетаю в тёмные сенки-керка водз, и – на волю!

Мне нравилось, что вокруг нашего дома не было заборов. Дом стоял посредине посёлка, и председатель Кирил-Вась дядь строго-настрого следил, чтобы мы не отгораживались, иначе к клубу, главной достопримечательности Нового Киева, надо было подъезжать и подходить за нашей стайкой, а так – мимо нашего крылечка: и чисто, и сухо.

Окна дома Коневых смотрели на клуб. Таньки в окне не было видно. К стеклу прильнули личики младших.

Справа, за забором, вдруг мелькнуло розовое платье Таньки. А! Вот она, моя вторая сорви-голова-половинка! Подбегаю к бочкам, куда скрылось розовое платье. А там, удобно разместившись между бочками с бензином, моя Танька разжигала костёрчик. Отец Таньки, Элисан дядь, был рыбаком и бензином запасался всегда впрок.

Приятно запахло дымком. Кедровые веточки, принесённые подружкой, легко охватывались язычками пламени, сухие иголки-хвоинки, обгорев, рассыпались на глазах, как будто прощались с теми, кого не постигла участь сгореть в нашем костре.

Наши мечты внезапно прервала холодная вода, полившаяся сверху. Взглянув наверх, мы увидели Танькиного

отца – Элисан дядю. Открыв не только глаза, но и рты, мы, как пар от затухающего костерка, вылетели из нашего уютного гнёздышка и пулей устремились к кедрачу. Это было всегда нашим спасением. Взрослые нас, сидящих на ветках, не доставали. Живы, и слава богу.

Сидя на верхушке могучего кедра, еле сдерживая дыхание, мы приходили в себя, прислушиваясь то ли к биению своих сердечек, то ли к шорохам под деревьями.

Ох, попадись мы Танькиному отцу в начале подготовки к разжиганию костра, наверное, не сидели б на руках спасителя-кедра на своих пятых точках...

ВОРОНЁНОК

(по рассказам моей бабушки Татьяны)

Среди корней старого кедра что-то шевелилось. Поставив на землю ведро, наполненное водой из проточки, я взяла этот комочек в руки. Боже! Да это же воронёнок!

Взглянула вверх: среди веток кедра увидела развороченное кем-то воронье гнездо. Выброшенные из гнезда птенцы безжизненными комочками лежали вокруг кедра. Сердце моё бешено заколотилось: как же так! Весной мы ждём прилёта ворон, радуемся! Что же случилось?

Я собрала в кучу умерших воронят, накрыла сверху травой. Взяв в руки живого, побежала в конюшню. Она стояла пустой: летом кони пасутся на воле.

Человеку-ханты, конечно, брать в руки воронят нельзя. Поэтому своего воронёнка я тайком от взрослых растила в конюшне.

К середине лета воронёнок стал вылетать из конюшни. Никто и подумать не мог, что это ручная птица. А ближе к осени моя птица, подружившись с себе подобными, улетела на юг.

С тех пор каждую весну среди прилетевших ворон я ищу свою. Среди их «варах-варах» мне слышится и её голос.

Eger, Nina Mikhailovna

*Diploma of the I degree,
Khanty language, Shuryshkar dialect*

ONE DAY FROM CHILDHOOD

It's morning. The village is still sleeping. Children sleep in canopies sewn of colored fabrics. Old ladies in flowery tunics start to rattle the buckets and look for their cows that are hiding from the biting flies in the osier bed. Milking the cows without a smoky fire in windless weather is a great stroke of luck.

The scent of aromatic bread wafts from the bakery to the village. The baker is taking soft golden buns out of an enormous oven. The century-old cedars are the first to breath this aroma. The bakery was built by students from the construction brigade right in the forest, by the cemetery.

I lie in the canopy stretched out in the barn next to the stable. I hear the stream of milk touching the walls of the bucket, singing its eternal song: "chish-chush, chish-chush". Granny Masha speaks tenderly with Swampy. This is our cow's nickname. We don't know where the name came from. Mama took this cow from the collective farm. Perhaps

it was born in a swamp. The milk from our cow has nourished many children of Novy Kievat. We ate plenty of sour cream, cottage cheese and buttermilk. I can't forget the taste, and you can't buy anything like it in shops.

My sisters are still sleeping in their canopies. Why are we sleeping in the barn? Because our house is small, and there wasn't enough room for beds for everyone. It's also stuff to sleep in houses with a stove. Many children slept outside in canopies: some in stables, some in barns, some in "vyashkavyasas"* attics.

My mother and the milkmaids have gone in a large fishing boat to the summer pasture. The collective farm herds are located there. The milkmaids rowed** there and back because the currents were too strong for the "motobotki"***.

I finally wake up. I leap out of the canopy, fling open the barn door and rush down to the Ob river to have a swim while grandma isn't looking. We children were told scary stories about the "vaus", people who lived underwater, to stop us from swimming.

After swimming back and forth for a while I climb back on to the river bank, check the net, remove a fish that accidentally got caught on a nail, and run to the "pushchanin", where my grandma has already heated the stove. Pushchanin is the summer kitchen in the Zyryan language. My little fish goes into the pot with the large ones brought in the morning by Sasha Konev, Katya's godfather. Sasha was the father of ten children, and we, who lost our father when we were small, always appreciated the kindness he showed us.

Grandma talks about plans for the day: someone will go with to the haymaking and some will stay at home. I don't

* **Vyshkavyyasas** – attics (Komi)
** **rowed** – in rowboats
*** **motobotki** – small motor boats

even have to listen to her. I know I'm going to the haymaking. Grandma has assured me that she simply couldn't manage the haymaking without me: to mow the grass, and to prepare grass for weaving, check the nets, and sharpen the blades for the sabras*, and bring the water... I was the middle child, Katya the oldest and Toma the youngest in the family. Katya did the housework, but Toma was still small. So I had to go to the haymaking, moaning how unhappy I was, that no one pitied me and the mosquitoes would bite me all over. Grandma was a wise woman. She didn't rebuke me, but walked ahead of me, taking the dew off the grass so I didn't get wet, singing Russian songs in a soft voice with her pleasant Zyryan accent. I couldn't understand why she sang Russian songs when she couldn't speak Russian very well. I only heard Grandma sing Zyryan songs rarely. We especially liked the song "Kyk drug". When we sang it together with Grandma, I felt as if we were singing about our grandfather Lazar who didn't come back from the war, and grandfather Semyon who lived with Grandma Tatyana in Vyimgort.

The day in the fields passed by unnoticeably. The road back seemed shorter. I was in a hurry to get to the cinema, I had to be there at eight. And Grandma went to look for the cow, to milk it and prepare delicious porridge or soup and give us tea with milk. In my childhood everything was always delicious.

After the cinema all the children gathered by the club to play at being Cossack bandits, hide-and-peek and "lapta", "Hit, run, hold your pants" and other games. I don't know who taught us to play them, by they were fascinating and lots of fun. We didn't smoke or drink when our parents weren't looking, like our young fellow villagers do today, we were simply growing up and living a full and happy life.

So the days passed by. We grew up. Our parents are no longer with us. But memories continue to cheer our hearts...

* **Sabra** – a type of haystack

THE POTAN*

My sister was barely three days old. Granny Masha silently hung the potan by mama's bed and went away. It was quiet and warm in the house. The clock was ticking. In the dark kitchen, you could see the flickers from the stone oven that was burning. There was a delicious smell in the air. And also the aroma of "sis cheri"*** that my dear granny was making.

I shooed the cat off the chest, climbed up and looked out of the window. But there was nothing interesting to be seen. The Khanty house – the former first club of Novy Kievat, darkening against the background of the newly fallen snow, then Auntie Seklya in her old fur coat going into the yukh khot***, and then coming out again, carrying a few smoked cheeses. And then there was no one around, once more.

I climbed off the chest and began to study the potan. Why was it here? On this nail, a swing was made from old reins for my sister Katya and me. Climbing on to Mama's bed, I pulled the potan towards me. Dyola choi**** lay there wrapped in granny's checkered shawl. Without really thinking, I jumped into the potan. The old black blanket that the potan was wrapped in started to stretch, but still held my weight. In the potan, I started rocking from left to right. The iron nail bent, and the potan slowly sank to the floor. My sister kept sleeping, and I put the potan under the bed.

I can't describe how scared mother was when she saw the potan was missing, but I will never forget how she hit me for the first time with the fearsome "ner" stick.

* **Potan** – a Zyryan cradle that is hung from the beams of the ceiling

** **Sis cheri** – a fish salted in the Zyryan style

*** **Yukh khot** – Khanty wooden barn

**** **Dyolya choi** – sister

TANKA

It was cold. Even the crows were hiding away somewhere. Granny Masha told us not to go outside as she left the house. But I didn't feel like sitting at home. Can a child of six just sit on a chest or a bench in a small Zyryan house?

I wondered what Tanka was doing.

Slipping out the door so that my sister Toma didn't follow me, I flew into the shadows in front of the house, and to freedom!

I liked the fact that there weren't any fences around our house. Our house stood in the middle of the village, and the chairman Kirill-Vas dyad made sure that we were not fenced off. Otherwise, to get to the club, the main attraction of Novy Kievat, you would have to drive around our pasture, but this way you could just pass by our porch: it was clean and dry.

The windows of the Konev house faced the club. I couldn't see Tanka in the window. The faces of younger children were stuck to the glass.

To the right, behind the fence, I caught a glimpse of Tanka's pink dress. Ah! There she was, my reckless other half! I went over to the barrels where I had seen the pink dress vanishing. And there, comfortably sitting between barrels of petrol, my Tanka was lighting a fire. Tanka's father, Elisan dyad, was a fisherman, and he always had extra supplies of petrol.

There was a pleasant smell of smoke. The cedar twigs that Tanka laid on the fire quickly started to burn, and the dry fir needles vanished before my eyes in the flames, as if they were saying goodbye to the needles that were not fated to burn in our fire.

Our dreams were suddenly interrupted by cold water pouring from above. We looked up and saw Tanka's father, Elisan Dyad. Not only opening our eyes, but also our mouths, we flew out of our cozy nest like the steam from the dying fire, and sped off to the cedars. This was always our salvation. The adults couldn't catch us when we were sitting in the branches. We were alive, and thank heavens.

Sitting on the top of the mighty cedar, hardly catching our breath, we recovered, listening to the beating of our hearts and the rustling below the tree.

If Tanka's father had caught us when we only preparing to light the fire, we probably wouldn't be sitting in the safe arms of the cedar on our behinds...

THE LITTLE CROW

(from stories told by my Grandma Tatyana)

Something was rustling among the roots of the old cedar. I put a bucket on filled with water from the stream the ground, and took the little lump in my hands. Heavens! It was a little crow!

I looked up: in the branches of the cedar, I saw a crow's nest that had been disturbed. The fledglings that had been thrown out of the nest lay around the cedar in lifeless heaps. My heart started beating furiously: how could this be! In spring we wait for the crows to arrive, and this makes us happy! What had happened?

I gathered the dead little crows in a pile and covered them with grass. I picked up the one that was alive and ran into

the stable. It was empty: in summer the horses graze out in the open.

A Khanty person must not take a crow in his hands, of course. So I raised my little crow in the stable, in secret from the adults.

In the middle of summer, the little crow began to fly out of the stable. No one could imagine that it was my pet bird. And when autumn came, my bird made friends with its own kind and flew south.

Ever since then, when the crows arrive in spring, I look for my crow among them. Among their cawing, I can also hear its voice.

Вануйто Елена Александровна

Дипломант II степени, ненецкий язык

НЮДЯНЕ СЭРОЙ'

Неро' яхакона" лаңг ниня хуркаси" хараси" маня" илеңава". Тэхэвава" тэва" ёнаркад' ва" җа. Небява", нисява", мань җарка нями Хасавам нюбеҗа', тад' җылы' няда Ламдикм' нюбета пыда җэ"нив', җари' маньзьван' җоб' неняди', Нюдяне Сэройм' тэри нюбеҗадм'.

Сяны' җэбто' нё' няю' вэн" төреяд'. Тарем' сырпа" ни" си"ив җэдалёда. Нерде не тандо' мат" сэр" хабтм' пыда' поде-рмы. Тикыхэвава" Яптик" Мэбета, мэта мантанда пыда' торивы, юнада ядэрта няби я"вэт. Җарка җысында тер" пыда' манзабтавы.

Пыдо' ханя" мят" тю". Яптик" Мэбета манзь ханаҗада: «Тюку товани', мань тэри' нидм' ту'. Нюдяне Сэройм' мань ханагудм', Нюдяне Сэрой' җарка"я мяни' Яптик" мярвы" пядамда, и" тамда пяңгоданакы».

Тарем' сырпани' мань мяни' тер' вадам' ни" мэс". Хурка мунзипой' мань ятнолывама. Небями' пухуця не" хан-дами' пыда' хамедамби'. Җамгэ пиркана тарем' сырпа"ни ямб' мюддами' нини" вэңгалавы". Ихняни' мадм': «Тарем'

серопата, хэсь' нив' тара"». Ёрколанакэва", җамгэ пирка" на нойдэда" мю" небями' пухуця сими' җабта. Мэта тэхбини' тет" җавками, тет" падвэми. Тарем' сырпани' мюд' ни' сиҗэ" падвэри' хабто' нини' подермы".

Яптик" Мэбета си"ми валҗанё. Сянанд' хунанд' маня" миндакэва". Сянанд' хунад' мимб'нана җо', маня" нулта-вама". Җари' манзы' ван' нойдэни' мюня мунзи'җамдыдама. Инзелеб"нани җарка" җысы" тер" тасалкованодо'. Җобто' мандараха: «Хуныҗы яля' маня" ханеванзы' хэива", җэрей' носина" маня" пянгоданакэва"».

Пон' нись' ну" маня" җани' хаявама". Җамгэ пирака"на ямб' җысы" нимня маня" җадимява" си"ив җарка мя".

Яптик" Мэбета нойдэни' мюд' си"ми хав"ра, пыда' тарем' ма: «Вары' җарка мя" пыдар' пьвндар' тад' нерня', тунда хуркаҗэва нядринд' җа». Ямб' җысы" тер" теда' мал" Ябтикава", мань некыни', тэри' җабцата мань нюдя нядо'.

Сырини янгаць мань мят тюдама. Мякы мякна тарем' сыр па"ни, Яптик Мэбета җоб' не няда, тадутикахад небяда пухуця, пыдо' мякнандо' ян' няхлидо' пыдо' җэривы". Не Яптикы едм' пиревы, маня"җаворҗава".

Җавормана сер' Яптик" Мэбета тарем' лахана: «Не Яптикы, Сэротэттаха" не таҗэ' ханданакэн' мань сит' ваторҗадамзы', хуна сяхридна тода' җэбнандо'. Тад' нерня' мань мя'ни манзаи" Сэройкоя" пянҗоданакы».

Җавромахадана" маня" хонаяна". Хувы' юркыкана мань мер"мана тэрисанаяв", туми' пятаҗадм'. Җамгэ мянхана нини" мал' юркыд". Яптик' Мэбета пыдатарем'ма: «Теда' тюку яля' ямб' җэсы" тер" талраванзы' маня" хандава"».

Пон' нись' мы" Яптик' илебям" пихий пихина сюрлабта-вондо'. Маня" ёрколавама". Ямб' нысы" тер" мэць' сава тэри пыдо' подерҗанё", тунисавэй пыдо' хамедавыкыдо' Яптик' Мэбета' ханда сиҗ'гав' мат" сэр" хабт. Хурка серодо' пыдо' малехэя җэдалэйдама".

Яптикани' небя манзаядами пыда хамедавы. Падвы хоб" пыда њадимдевы, пыда тарем' ма: «Теда' тюку яля', тюку хобахат" мальцам' пыдар' сэд"ин, нумда пэвсюмзэ' Яптик Мэбета пыдар сэдвэмд' пыда сер"ида».

«Ханзер' њопой яляхана мальцам' сэдџгудм'»: - мань Яптик хадан' тарем' вахальяв". Пыда тарем' ма: «Хамедёда хоба" њопой яляхана харто" сыдыбада, тэри' њабцата савокм' сэдва сидямбой яля', нерденя яляхана мэдаџгурава няби' яляхана тэри' сэдџгур. Тюку манзаямд' нибат' пирас' мань мякнани' тад' нерня нин' перелиџгу. Яптик" няня њапой яляхана пиби' сэдыпада».

Тарця вади' намдхава мань манзаями' сыдыба тэри' лабцеяв". Яляни' ямбан' сэдором, хурка няхаюни' тарем' сырпани' манзаяханати' тэри' паклыхы', яляна ямбан' маня" џамдыва".

Ѓамгэ пирка" на макодани' син' саџоми' хэвы. Тарем' сырпани' џу" мал" ниня вэнзэй лэмор' сидяда сэвда мань няюни ялкабтырџаха'. Сейкони' хэсь няха юни' ня" мань санавэв".

Яптик' пухуця пыда' тарем' маманода: «Нюдяне Сэрой' џамгэр хадкэ? Макода сихиня нумда пэвсюмя, сей' хэбмянда янгодарханё». Мань тарем' мадм': «Вэнзэй лэморм' макодани' син' мань манэџадм'». Тарця вади' пуд' няха юни' тарем' лахнаџаха: «Пыдар сэвхат' тэри' џамгэ џадимянгабя». «Ѓарикавнанда тикы ханенина" тарси' понарка' пыдо' џэдалёрџа» - харти' помнанди' лаханаконди'.

Ѓамгэ пирка"на пихий пихина вэн" тёреяд". Тарцям' намдхава пин' санаяв". Тарем' сырпа"ни Яптик' Мэбетам нивнё манэс". Ихняни' мадм': «Хурка пыда џод' хаеб' таркавакы». Ѓамгэ мякхана џока" џэдаледа" нул тадома".

Тамна сыр"џадм', џамгэ пирка" на мат" сэр" хабт" саџохони' хамыд", џамгэ' еми' џэса пуда џэдаледа Яптикани'

ханм' мюдтарев' пыда валмэда. Тикахавана сейми' табтума, тэри' җабцата җамгэва" хадкэ"?

Мякы мякад' небяда пухуця пин' тарпним', пыда җэдалёди" ня" ямбари' еҗгаха" нэкал" нидав", тикы няни сер' мань җо' таняна хаядм'.

Носиндавы нини тарем' лахана": «Тюку някоцяева" теда' тад' нерня' няҗэ ни' хань", тунимда нэкалпа едара еремя...». Небяда пухуця нюкцяемда юркувдаҗэ тамна тоса" нидав', тэри' парпида. Маниебнани' выякуида" тикан' тыравы".

Мале тарем' еремявама си"ив яля" хэсь нява" сюрҗавама".

Нява" сюрмахадана" җани си"ив яля" маня" илеҗава". Ся"ны җэпто' си"няюд җоб' җэдаледа. Тикаехэвами мань нюдя нями Ламдикм' нюбета пыда җэривы. Нями манэкава мань ханяв' май".

Җавормана" сер' тад' нерня' илма" маня" тасламбива". Мань тарем' мадм': «Сеня җавнанда юҗгумы нява" мандарасяня, Яптик неня Сэротэтта" хана" хаюпа хэи'. Теда' тюку яля Яптик неням' җули ханаир', небява" пухуця маньена" җод' выдаранакы».

Яптик' неня мюдад' мань мэта мантани' хамедадама. «Сава ембдеро' пыда теда' ханяда хана". Тэхваданди' Яптик' илебя" ты" пуй' вэсм' ныкалтанакэва"»: - Яптик пухуця небямда няць мани' тарем тасламима.

Җамгэ пирка"на Яптик" илебям" сюрлабтаҗадо'. Маня" ёрколавама" хэванда няхаюна" саваривна неры таслама сер' җэдарахаюни'. Пыди' мяканди' җэдалэйхама.

Тад' нерня Яптик' пухуця ня' җысы вархана хуркаси" хараси' мани' илеҗани'. Тикы вади пуд җани си"ивхав ваеранакы.

Ся"ны җэпто' Яптикани' небя хангулаванода, сеянда пахҗгана таханда марнари. Няхар" яля' хэсь' еся тюмюмда пили" тарвэда.

Яптикани' небям' тёняңы нини' няць нява" маня" сюрҗа-
вама". Тад' нерня' ял" ни' җапойҗэ" мань хаидама. Җани
си"ивхав җарка мя"ни' мюня харни' илеҗадм", җарка я"
җэсы" няби'вархана.

Ся"ны җэбто' җысына" няби' варан' җоб' ябта мя", мя"
җэсовы. Тарем' намдорпа"ни' Ванойта җэвондо'.

Сеяни' пахҗгана сэдора мань җамдыдама. Җамгэ мян-
хана нё' ялкабтэй", нё' няю' саҗоми' ханя хань. Тикаехэвами'
җацекеы хасава, тарем сырпани' си"ни' җархав җэванзер җа".
Тэри' җабцата сядоюмгава пыда сядомы, си"ви падрота
пиби' сервы, мирбяхавада тэри' саҗгна.

Манзь ханаҗада: «Нюмгвами' нюми' Илко Ванойта,
Нюдяне Сэрой', пыдкоер' мале" пон' хав' җобҗэ' илен', мань
пухуцядни' сит мэван' харвари' нидам', пыдар' пуны' ниб-
нанд' җа"».

Тарцям' манэкава мань ен' җод' сейми' табтума, ихинян'
мадм': «Пу" няи" ханзер' җэҗгумди", тад' нерня ил" ни' сер-
мад' җылнитонё"».

Сян' җока" вадам' нёховамэсь, мани' тад' нерня', мань
мяни' мюня, җобт' илелъяни'.

Няхаркав' по" хуркаси"-хараси" җысына" тер" ня" маня"
илеҗава". Няхар" по' ямбан' сидя нюм' ходм'. Җарками
хасава, нюдями' не" ню. Мани' нюхуюни' тарем' нюмде
җахаюни', хасаваюм' Мэбетам' нюбе"җа, не нюкцями' Нед-
ком' нюбе"җа.

Тад' нерня' саваривна маня" илеҗава", нюна" вадабива",
тына" пэрҗава".

Та' илелъяна".

Вануйто Елена Александровна

Дипломант II степени, ненецкий язык

НЮДЯНЕ СЭРОЙ

Давным-давно жили мы на берегу небольшой реки. Моя семья жила богато, у нас было много оленей. Жили мать, отец, два моих брата, – старшего звали Хасава, младшему дали имя Ламдик, и я – их сестрѐнка Нюдяне.

Однажды громко залаяли наши собаки. Выглянула я из чума на улицу, вижу, едут семь оленьих упряжек. В самой первой упряжке было запряжено шесть белых красивых оленей. Давно ходила весть об этом оленевode, их владельце, он один из самых сильных в своей бригаде. Зовут его Яптик Мэбета, и приехал он к нам не один, а со своими братьями.

Как принято в тундре встречать гостей, пригласила их в чум. За чаем Яптик Мэбета начал свою речь: «В этот раз я приехал сам, не зря, хочу забрать в жѐны вашу сестру Нюдяне, чтоб она приняла хозяйство в моѐм чуме».

Я смотрю на своих братьев, а они ни одного слова не вымолвили, значит, готовы отдать меня замуж. Не говоря ничего, я начала собираться в дорогу. Моя мать захлопотала над украшением женской нарты для меня. Она вышла очень

нарядной, красивой. Спустя некоторое время братья подготовили аргиш из нескольких грузовых нарт. Я только подумала про себя: «Если так велят мои братья, значит, нужно ехать».

Скоро вокруг чума собрали наше многочисленное стадо. Мама и старший брат запрягли мне в упряжку четырёх пестрых оленей, которых я выкармливала ухой и хлебом, когда они были маленькими оленятами. Я села в свою украшенную женскую нарту.

Как положено по обычаям ненцев, я поехала вслед за своим женихом Яптик Мэбета. Ехали мы долго, без привалов и передышек, наконец, первая упряжка прекратила движение. Я остановила своих оленей, сижу молча на своей нарте. Смотрю, все оленеводы собрались в кружок и обсуждают планы на завтра. Один из них говорит: «Нам нужно обязательно отправиться на охоту, на осенних песцов, а то давно не ездили».

Остановка была недолгой, мы отправились дальше. Снова ехали, казалось целую вечность, впереди показались семь больших чумов. Подъехали к стойбищу.

Яптик Мэбета помог мне слезть с нарты и говорит: «Видишь вон тот крайний чум? Каким будет очаг этого чума, зависит только от тебя. В других чумах живут мои братья, а я из них самый младший».

Вместе мы пошли к его чуму, я отряхнула снег с одежды и зашла. В чуме у него жили сестрёнка и старенькая мать. Они сделали ужин, и мы все вместе сели за подготовленный стол.

За ужином Яптик Мэбета вымолвил речь: «Сестрёнка моя родная, когда-нибудь приедут свататься братья Нюдяне Сэрой, и я дал обещание, что ты выйдешь замуж за её младшего брата. Я же привёз хозяйку нашему очагу в чуме».

Было уже поздно, и мы после ужина улеглись спать. Рано утром я встала раньше всех, разожгла костёр. Затем все проснулись и принялись завтракать. Яптик Мэбета говорит: «Сегодня я со своими братьями поеду на охоту на песцов».

Через некоторое время на улице уже было слышно, как пригнали стадо оленей. Мы завели оленей в кораль*, мужчины выбрали и запрягли в упряжки самых сильных, ловких оленей и подготовили ружья для охоты. Мой муж, Яптик Мэбета, запряг в упряжку семь белых красивейших оленей. Собрав всё необходимое, они отправились в путь.

Тем временем свекровь подготовила мне работу на целый день. Выложила шкуры пёстрых оленей и сказала: «За сегодняшний день ты должна сшить из этих шкур малицу, а вечером, когда приедет твой муж, он должен надеть, что сшито тобой». «Как справлюсь с такой огромной работой за один день?» – спросила я. Свекровь отвечает: «Это шкуры, конечно, уже подготовлены, выделаны, ты обязана справиться за один день. Вообще на это уходит два дня, первый день выделываешь шкуры, на второй день – шьёшь. Бери пример с моей дочери, она шьёт кисы за один день. И, наконец, если не справишься с этой работой, в нашем чуме тебе не место».

После этих слов я замолчала и принялась за работу. Целый день шила. Свекровь с дочерью также сидели, усердно занимаясь своим шитьём.

Вдруг мой взгляд поднялся на верхушку чума и вижу, на кончике одного шеста сидит ласточка. По верованиям ненцев эта птица приносит смерть. От испуга не помню, как я очутилась возле свекрови. А она говорит: «Нюдяне Сэрой, что с тобой? На улице стало темно, неужели ты испугалась темени?». Я еле вымолвила: «Я увидела ласточку на шесте чума». Мама с дочерью смотрят на верхушку чума: «Там

* **Кораль** – огороженное место для оленей.

ничего и никого нет, тебе показалось». Затем они начали переговариваться между собой: «Что-то долго нет наших охотников. На улице ведь начало темнеть».

После этих слов на улице раздался лай собак. Я быстро выскочила наружу в надежде, что мой муж едет первым, но я его не увидела и подумала про себя: «Наверное, он очень устал и едет позади всех». Вот уже подъехали и другие охотники.

Наконец я увидела упряжку из белых оленей, но моего мужа и там не видать. Почувствовав что-то ужасное, я подошла ближе. За мной выскочила его мама и быстрыми шагами подошла к упряжке.

Охотники вымолвили: «Случилась беда, Яптик Мэбета вытаскивал ружьё с нарты, оказывается, оно было заряжено, и произошёл выстрел». А мать его не верит, трясёт сына как спящего, будто хочет разбудить. Я подошла ещё ближе и увидела, что на нём уже застыла кровь.

Похоронив Яптик Мэбета, по древним традициям ненцев я осталась жить с его сестрой и матерью.

Прошло около семи дней, как мы остались втроём в нашем большом чуме. В один из дней вижу, едет упряжка. Это приехал мой брат Ламдик. Увидев родного брата, я очень обрадовалась. Пригласила его в чум, мы сели за стол, и я стала вести беседу о нашей дальнейшей жизни. Сказала своему брату: «По велению моего покойного мужа, возьмёшь его сестрёнку в жёны. Наша мать совсем старенькая, наконец-то ты приехал за невестой». Подготовкой невесты я занялась самолично, подобрала самые лучшие наряды, выбрала им оленей, украсила нарту для невесты. Закончив все свадебные дела, они отправились домой.

И остались мы жить вдвоём с моей старенькой свекровью. В один их дней она тяжело заболела, с каждым днём болезнь наступала всё сильнее и сильнее. Как-то, проснувшись

утром, я увидела, что свекровь умерла. Что делать, снова случилась беда. Позвала соседей мне помочь, и мы её похоронили.

Осталась я одна в большом чуме, но решила, что этот чум будет моим до конца моих дней, и я буду продолжать поддерживать очаг этого чума.

Однажды в стойбище переехала одна семья, и я слышала от соседских детей, что это семья Вануйто.

Сию как-то днём у себя в чуме, занимаюсь рукоделием. Вдруг ко мне заходит юноша необычайной красоты. Мой взгляд поднялся на него, на вид он показался моим ровесником. Я потеряла дар речи, увидев его. А он мне говорит: «Меня зовут Илко Вануйто. Нюдяне Сэрой, я слышал, что ты очень долго живёшь одна, и я один, хочу жениться на тебе, ты согласна?».

Конечно, я не смогла отказаться от такого счастья и согласилась выйти за него замуж.

Мы счастливо стали жить в моём чуме. Прошло три года, у нас появились дети – мальчик и девочка. Мы дали им ненецкие имена: мальчику – Мэбета, а девочке – Недко. С тех пор мы стали жить ещё счастливее, растить детей и ухаживать за нашими оленями...

Vanuito, Elena Alexandrovna

Diploma of the II degree, Nenets language

NYUDYANE SEROI

Long ago we lived on the bank of a small river. My family was wealthy, and we had many reindeer. There was my mother, father and my two brothers, the elder was called Khasava, the younger Lamdik, and I was their sister Nyudyane.

One day our dogs started barking loudly. I looked out of the tent and saw seven reindeer sleds passing by. The first sled had six white, beautiful reindeer harnessed to it. It was being driven by a reindeer-breeder renowned for being one of the strongest in his team. He was called Yaptik Mebeta, and he did not come to us alone, but with his brothers.

As is customary in the tundra, I invited the guests into the tent. Over tea, Yaptik Mebeta announced: “this time I have come here for a reason, I want to take your sister Nyudyane in marriage, and she will be in charge of my tent.”

I looked at my brothers, but they didn’t say a word, they were prepared to give me away in marriage. Without saying a word in reply, I started to gather my things. My mother began to prepare me a beautiful woman’s sled. A little later, my

brothers prepared me a caravan of several sledges. All I could think was: “If that’s what my brothers say, then I must go.”

After a while, our large herd came over to the tent. Mama and my elder brother harnessed four stripy reindeer for me, which I had fed with fish soup and bread when they were young. I got into my decorated sled.

In keeping with the customs of the Nenets, I followed my husband Yaptik Mebeta. We travelled for a long time without stopping, and finally our first sled came to a halt. I stopped my reindeer too, sitting silently in my sled. I saw that all the reindeer breeders had gathered together and were discussing the work for tomorrow. One of them said: “Today we should hunt the autumn foxes, we haven’t done that for a long time.”

The halt was brief, and soon we started off again. We rode for a long time, and seven large tents appeared. We approached the camp and stopped.

Yaptik Mebeta helped me get down from the sled, and said: “See that large distant tent, how it will be in future depends on you alone. In my team, my brothers live in the other tents, and I am the youngest.”

Together we went to his tent, and I brushed off the snow from my clothes and entered. I saw his sister and elderly mother there. They were preparing supper, and we sat down at the table that had been laid.

Over supper, Yaptik Mebeta made a speech: “Sister, my dear, one day Nyudyane Seroi’s brothers will come to get married, and I promised that you would marry her younger brother. I have brought the mistress of our household to our tent”.

It was late, and after supper we went to bed. Early in the morning I got up earlier than everyone else, and started the fire. Then everyone woke up and we began to have

breakfast. Yaptik Mebeta said: “Today I’m going to hunt foxes with my brothers”.

After a while we could hear the herd of reindeer being driven. We drove the reindeer into the corral, and the men harnessed the strongest and fastest reindeer and prepared weapons for hunting. My husband Yaptik Mebeta harnessed seven white beautiful reindeer. When they had gathered together everything they needed, they set off.

Meanwhile, my mother-in-law prepared work for me for the entire day. She took out the hides of stripy reindeer and said: “Today you must sew a cloak from these hides, and in the evening, when your husband comes back, he should wear what you have sewn.” “How can I complete such an enormous task in one day?” I replied. My mother-in-law said: “The hides are already prepared and separated, of course you must do it in one day, but you can do this work in two days, on the first day you separate the hides, on the second you sew them, take an example from my daughter, she can sew cloaks in one day. If you can’t cope with this work, there is no place for you in this tent.”

After these words I fell silent and began working. I sat sewing all day, and my mother-law and her daughter sat sewing as well.

Suddenly I looked up to the top of the tent, and saw a starling sitting on the end of a beam – the Nenets believe this bird is an omen of death. I felt frightened, and without knowing how I suddenly found myself sitting next to my mother-in-law. She said: “Nyudyane Seroi, what’s wrong with you? It’s dark outside, are you scared of the dark?” I replied: “I saw a starling sitting on the beam of the tent.” The mother and daughter looked at the top of the tent: “There’s nothing and no one there, you imagined it.” Then they began talking

among themselves: “Where have the hunters got to? It’s started to get dark.”

After these words I heard dogs barking. I ran outside, hoping that my husband would be in front, but I didn’t see him, and thought: “He’s probably very tired and is following the others.” Many hunters had already arrived.

Suddenly I saw his sled with the white reindeer, but my husband wasn’t riding himself, he was being carried. Feeling something was wrong, I approached him. His mother came running after me.

The hunters said: “There was an accident, Yaptik Mebeta took the rifle off the sled, but it was loaded, and it went off.” But his mother didn’t believe it, and she shook her son, as if she wanted to wake up a person who was sleeping. I went closer and saw that the blood on him had already dried.

After we buried Yaptik Mebeta according to the old traditions of the Nenets, I stayed with his sister and mother.

We lived together, and around seven days went by. I saw a sled passing by. It was my brother Lamdik, and I was very happy to see him. I invited him into the tent, and we sat down at the table, and I started to talk about our future life. I said to my brother: “According to the wishes of my late husband, you will take his sister as your wife. Our mother is very old, finally you have come for a bride”. I made the preparations for the bride myself, I chose the finest costumes and chose reindeer for them. When all the work was finished, they went home.

I remained all alone with my old mother-in-law. She fell seriously ill, and every day her illness got worse and worse. One day I woke up to see that she had died without recovering. Calamity had struck once again, and I wondered what I should do. I called my neighbors to help me, and we buried her.

I was left all alone in the large tent, but I decided that this tent would be mine for good, and I would continue to live there.

Once a family came to the camp, and I heard from my neighbors' children that it was the Vanuito family.

I was sitting in the tent one day, sewing. Suddenly a very handsome young man approached me. I looked up at him, and he seemed to be my age, and was lost for words at the sight of him. He said to me: "My name is Ilko Vanuito, and I have heard that you are Nyudyane Seroi, and you have lived here for a long time by yourself. I am also alone and I wish to marry you, will you agree?"

Of course, I could not turn down this happiness, and I agreed to marry him.

We began to live a happy life in my tent. Three years passed, and we had children, a boy and a girl. We gave them Nenets names, calling the boy Mebeta and the girl Nedko. Since then we have lived together even more happily than before, bringing up the children and looking after our reindeer...

Ковранто Эмилия Владимировна

*Дипломант III степени,
корякский язык*

ЕҢИН ЭЛЬГ'АТА КАЙҢЫН ГЭНТЫНМЭЛЛИН

Лымҕыль

Ынкыеп таньҕо то элутэлг'у котаньҕыченьҕыволаң, Қояв'ьенвыкьет койкойляң то ҕэлвылг'ыкйит. Ыынвық г'уемтэв'илг'у ганмылэнав' таньҕыченма. Қоягынне-тылг'о тэг'и гэнг'элинэв'. Ыннанг'оямтав'элг'эн таньҕэн гатвалэн нымэйыңқин ҕэллы. Гамгаалаёг'ык ҕэллы кай-таньҕынэн аңқайтың, эгыянвэтың. Копэлаңнэн яяк ҕэвг'эн то кымиңын.

Ыннеңчең гаяйтылэн, уйҕэ элэг'укэ ҕэв'г'эн то қай-ыкмиңын. Ятан камлэлың гэлэг'улинэв' кайҕин в'инву. Выг'аёк таньҕын ҕыёқав'кэн гаңав'тыңлэн. Гымлэң гақоялг'аллэн то яйтык гымлэң гэлэг'улин: яйычг'ын уйҕэ, ятан кайҕин в'инву.

Кайҕа гэйгулэлин ҕаен нутэнут то гакав'лэн елың қытык.

Выг'аёк гэв'ңыволэн, таньңын: «Эмқун мыңав'тыңык элутыңэвык». Њаен эльг'а гиллин аңаңылг'ын. Найтогаг'ын ычгынан кымиңыпиль. Њывой чоччымавык қлавол қоялг'атынвың. Янот куллэйвыңнин һэв'г'эн то кмиңыпиль. Ынняяқ һэв'г'эн эвың: «Кытыл эқэчеткеюңкэ. Қыём яяңа амъян мынпэлан».

Г'эқэви қылавол гэйқыңэлвылг'э. Яйтыгыйңын пыкийи. Қылавол эвың, гымлэң амъян ыно яёг'ыңнэн. Кэймэвың яйтэтың, кулэг'уңнин яйычг'ын ныкыт-гэмқэн-кукьюлг'этың.

Қиңын Њэв'г'энэ кымиңыпиль кытг'эму гэлңылин. Ганытвагалалэн тыллыкагыйңык то ынно гэпиқылин елку, гэкмиллин г'алыг'ал. Кайңын киткит гэлқив'лин, г'иннык г'ала гакыплёлэн, то ганмылэн.

Ымоң нымйыч'ын гаваломлэн, еқин эльг'ата элю-тэлыг'ыңэвэ гэнтинмэллин кайңын.

Њанқо гаңволэнав' таньңо то элутэлг'у тумгылг'этык то қоңав'тыңволаң. Г'анқав'лай таньңычетык.

Қэйлы мэткэ, мэткэ уйңэ – чинин қычаткаёңлайкы-нэттык.

Ковранто Эмилия Владимировна

*Дипломант III степени,
корякский язык*

КАК ЖЕНА ОБМАНУЛА МЕДВЕДЯ

Быль

Давным-давно чукчи воевали с коряками из-за оленьих пастбищ и табунов. Много мужчин погибло в битвах. Пастухов не хватало.

У одного пастуха-чукчи было больше стадо. Каждое лето он угонял оленей к морю, на прохладное место, оставляя жену с детьми одних в юрте.

Однажды, вернувшись, он не увидел в юрте ни жены, ни детей. Только вокруг были медвежьи следы. Женился чукча второй раз. Снова ушёл на летовку*, а когда вернулся, опять произошло то же самое: семьи нет, только медвежьи следы.

Медведь уже знал это место и привык сюда приходить.

* **Летовка** – от слова «летовать», т. е. жить в летнем жилище в тайге или тундре у реки, занимаясь промыслом или уводить оленей на летние пастбища.

Решил пастух-чукча взять в жёны корячку. Она обладала шаманскими знаниями. Вот у них родился ребёнок. Настала пастуху пора уходить на летовку. Муж хотел взять их с собой, но жена сказала: «Мы не оставим юрту пустой. Не волнуйся. Как-нибудь проживём». Ушёл муж со стадом. Пришло время возвращаться ему. Думает муж, что опять пустую юрту увидит. Подходит к ней, а семья жива-здорова. Оказывается, жена использовала ребёночка в качестве приманки и посадила внутри юрты напротив входа, а сама спряталась, держа наготове топор. Медведь только зашёл, а она его по шее топором. И убила. Все узнали, как женщина-корячка одолела медведя.

С тех пор чукчи с коряками стали дружить и заключать браки, и больше не воевали.

Правда это или нет – решайте сами.

Kovranto, Emilia Vladimirovna

*Diploma of the III degree,
Koryak language*

THE TALE OF HOW A WIFE TRICKED A BEAR

A True Story

A long time ago the Chukchi and the Korayks fought over reindeer pastures and camps. Many men died in battles. There were not enough shepherds. One Chukchi shepherd had a large herd. Every summer he drove the reindeer to the sea, to a cool place, leaving his wife and children alone in the yurt.

One day when he returned, he could not find his wife or children in the yurt. There were only bear tracks around it. Then the Chukchi married again. He went away for the summer once more, and when he returned the same thing happened: his family was not to be found, only bear tracks.

The bear already knew this place and had become accustomed to going there.

The Chukchi shepherd decided to take a Koryak woman as his wife. She was versed in shamanistic lore. They had a child together, and the time came to go away for the summer.

The husband wanted to take them with him, but his wife said: “We won’t leave the yurt empty. Don’t worry. We’ll manage.” The husband went away with the herd, and when he returned, he thought that he would find that the yurt was empty once more. But his family were alive and well. His wife had used the child as a lure and put him inside the yurt opposite the entrance, and had hidden by the entrance with an axe. As soon as the bear came in, she attacked it with the axe and killed it. Everyone learned how the Koryak woman had tricked the bear.

Ever since then the Chukchi and the Koryaks have been friends and married among each other, and have never fought again.

Truth or fiction? Decide for yourself.

Бельды Наталья Семёновна

Нанайский язык

САКСИСАЛ

Буэ Мангбопу боани хони улэн, хони гучкули! Мэнэ боавари тул-тул гучкулисипу. Боадоапу хэм улэн, хэм гучкули. Туй би-дэ поалдоани-тани маңга эрдэңгэ дяка осийни.

Неңге эриндуэни усинду эгди маңга дёбон бини, усин андялаорива-да, тариорива-да, нядяхава ачоворива-да гэлэйни. Гэ, ихакамби сиягоани ми гучи модан о́гоан, кабачок усэвэни тарихамби. Тэй тарихамби усэдиэдиэди оикан урэхэни. Эрдэңгэ хай-да! Хоаңгоан усэни-тэни ои очини, эм ңаладу би чумчуэнди таомборини.

Гэ, дияя айңаниду ми гучи модан о́гоан усэвэни, кабачок, хоаңгоан усэвэни-дэ тарихамби. Туй тара, ми чая омигоми, няр тэйңгуми дёкчи йгухэмби. Олокиана пāvачи кэчэригурэ, эрдэнгэсими ичэхэмби – чаду дуин сакси ми усиндуи хайва-ну тэйчи. Тургунчими ичэи, сакси таондоани чёкидоани сүктуку, тэй сүктусэлди ми о́гоамба дасихамби. Эмун сакси-тани нāдиади хайва-ну чокини хаду-хаду модан. Ми мурчии, сайна тэй сакси усинду колансалба сиарини. Эм иниэ сйхэни, тотара ми усинчии о́гоамба муэди писичими ниэхэмби. Гэ, хайва ичэхэмби! Тэй саксисал усиндуи коламба, пэнтэвэ эчиэ гэлэмэчихэчи-тэни, бай ми тарихамби усэсэвэ хулэрэ, хэмтувэни сияхачи. Туйтами ми ихамби туэ эринду о́гоамба-да, кабачокава-да эчиэ сиарани.

Неңгегухэни. Ми тэй саксисалба хони аргалаорива мурчихэмби. Үгоамба гучи модан тарихамби. Рассадади тарихамби. Тотара иру таомбани сүктуди дасихамби. Дёкчи йгурэ, пāvачи ичэдехэмби, гэ, эси хайва тадясу? Саксисал-тани гучи модан усинчи дэгдэхэчи-гуэни, тотара хайсь ирусэлбэ хулэлухэчи. Гэ, эси бай абава бāхачи! Амта усэвэ эчиэ бāра, урэктэкэмбэни-рэгдэ бāхачи. Сакси боңго урэктэкэмбэ чōкилохани, тотара дюевэ, илиава – усэвэ эчиэ барани! Хэмту саксисал хамача-да эрдэңгэвэни эм бара, мэнэ дола «сак-сак-сак» хисаңгора, дуэнтэчи, эм сиара, дэгдэхэчи. Тэй айнганиду ми ихамби туэ эринду сиягой эгди амта огоамба бахани. Тэй эриндиэди ми үгоамба урэктэкэнди тарими дэрүхэмби. Саксисал-тани эмун урэктэмбэ, гой урэктэкэмбэ хүлэмэри, хайва-да амтава сиягой эчиэ бāрачи, байтава-рагда бамари, чоп дэгдэгүхэчи.

ДАНЯ

Асиа нэкудуи нирухэмби гисурэн

Тэй дёа эринду буэ гучи модан дāнинчиари димасōхапу. Нёани тул-тул бунчи дидюйни-мэт бумбивэ гой ихончи мэнэ дёкчи дяпагоми дичини. Буэ-тэни тэй эринду маңга агдасихапу. Эси нучи бидуи эримбэ дёңгōхамби, ми эрдэңгэсихэмби, хони дāнимпу бунчи, мэнэ пиктэрэнсэлчи, дидюхэмбэни тамача чукин, маңга гумухинку поктола. Буэ поктодопу-тани асфальта-да аба-гоани, хэм дёлосалку, дяхарку поктопу. Тэй поктоду-тэни дюэр оникан, дюэр тэңтэку бичини. Тэй ониканду балапчи мōма дюэр тэңтэку бичин, туй тами автобусади хулуңгурэ, тэй тэңтэкулэ энэуриэ гэлэйни. Гэ, тэй тэңтэкулэ дүэрэми автобусачи пулсихэпу, тотата-мат хайс дүлэси энэхэпу.

– Дāня, Алёна җалани энусини, энусими җалани лōчайни! – ми данимби дёҗни барони тургэнди тутулурэ, даи дилганди морахамби.

Дāнимби минчи ай ичэдерэ, улпий илгава хаҗгиси нэрэ, илигохани. Тэй эринду Алёнади, хусэ нэудии, асия нэудии гэсэ дёкчи йхэчи. Тэй поргинду нёанчи дэрэкчиэчи ичэми, хэмтучи маҗга җэлэхэмбэчи ичэури бичин. Алёна мангади соҗгохани, аҗгиа җаладии энуси деуҗгиэ җалаи дяпачами. Дāня элкэди энуси җалавани тоҗгалахани, тотара мэнэ дили-диадии пуҗкувэ ачора, Алёна җалавани капсахани. Алёна җалани энусидуэни хайс эмутуди соҗгохани. Буэ-тэни каока илисихапу, дāнимпу барони диксүчими ичэдемэри. Дāнимпу-тани эм будуриэми хайва-да хэм тахани, Алёна җалавани дяпара, аоҗко оячиани пиктэрэмби элкэ нэхэни. Тотара дāнимпу бунчи уҗкини: «Каока тэсиусу, эди дайчайсу. Алёна дякпадоани тэсиусу, ми тургэнди нимэкэн барони пулсидемби». Буэ-тэни хэмэ тэсихэпу, эм хупиэмэри, эм морамари дāнимбари халачихапу. Дāнимпу тургэнди мочогохани, хайва-ну, хайва-ну мэнэ мэнчи элкэди симуэчихэни. Алёна аоҗко оялани сим аоликāчихани, элкэди соҗгохани.

«Скорая помощь» фельдшерни Алёна җалавани тэмирирэ, элкэ тоҗгалахани, тотара хас-хас эм модан татагохани, чаду буэ-тэни хэмтудизэри олохапу: «Энэ-нэ, тэй фельдшер энуси җалавани сайна лоптолихани!». Алёна гучи модан соҗголохани, дāня-тани инемуэк-инемуэк тāхани. Буэ-тэни эчиэ отолиапу, фельдшер энуси җалавани мэнэ бэунчиэни илгамōхамбани. Тэй иниду буэ эм боаду хупидуэри, Алёна җалавани уй-ну, уй-ну масиди татагохани, тотами нёани җалани маҗга энусилухэни. Фельдшер буэ дāнинчипу хони таорива хэм алōсихани, тотара сусүхэни. Алёна-тани аоҗко оялани бичини, дāнимпу нёани деуҗгиэ җалани пэгиэлэни укчунг-укчунг би чиптумбэ, чакпан гичиси пуҗкувэ нэхэни,

бунчи-тэни уңкини: «Боачи эчиэ ниэрэсу, дөгду тэсиусу, энуси найду бэлэчиусу».

Тэй иниэ хамиалани дāнимпу Алёнава боачи горо эчиэ чиндāми, тулиэду-рэгдэ хупигуэни ункини, дё дякпадоани-рагда хупигуэни, хаоси-да пулсиуриwэ паполахани. Буэ дāнимпу «Скораява» тэй дёа эринду хадод-хадод модан хэрсихэни Алёнаду, эм модан аңгиа ңалаи, гой модан деуңгиэ ңалаи лōчохани тургундулэни, гой модан-тани пайңани лōчохани тургундулэни. Буэ-тэни чаду чиптумбэ-дэ, чакпа гичиси пуңкуwэ-дэ энуси ңаладоани хадод модан нэктэхэпу. Дāнимпу тул-тул мэнэ улэсии пиктэрэмби этэхихэни.

Бельды Наталья Семёновна

Нанайский язык

СОРОКИ

Наша дальневосточная природа очень красива и неповторима. Не перестаёшь любоваться ею. Всё в ней гармонично и складно. Но бывает и такое, что вызывает удивление.

С наступлением весны начинаются огородные работы: пахота, посадка, прополка... Вот и в очередной раз я решила посадить для нашей коровки побольше тыквы, кабачков. Но из посаженных семян выросло очень мало и тыквы, и кабачков. Почему? А огурцы так вообще можно было по пальцам пересчитать.

На следующий год я снова посадила и тыкву, и кабачки, и огурцы. Семенами. Зашла в дом отдохнуть, попить чай. Случайно посмотрела в окно и обратила внимание, что четыре сороки копошатся в огороде: каждая сорока держала в клюве ветки, которыми я накрыла грядки с тыквой. Одна сорока что-то достала из земли, потом ещё раз, и ещё раз. Я подумала, что они таскают насекомых, личинок. Через день надо было полить бахчевые. И что же я увидела? Оказалось, что сороки в огороде искали вовсе не личинок и насекомых или червей, они просто-напросто выкопали семена, посаженные мной, и расщёлкали их. Так моя коровка снова осталась на зиму без лакомства.

С приходом весны я решила обмануть сорок. Посадила тыкву не семенами, а рассадой, накрыла грядки и решила

посмотреть в окно, что же они будут делать? Сороки снова прилетели и стали деловито раскапывать грядки. Но, увы, им не понравилось то, что было выкопано из земли. Вместо вкусных семян были ростки; одна птица переломила росток, другая сделала то же самое, третья... Нет семян! Им стало неинтересно и, переговорив между собой, они улетели в лес. Так моя коровка получила своё лакомство на всю зиму. С тех пор я сажала тыкву только рассадой, а сороки, достав один росток, другой, отныне оставались ни с чем.

БАБУШКА

Посвящается моей сестре

Летом мы снова гостили у бабушки. Как всегда она приехала за нами, забрала с собой, чему мы были очень рады. Сейчас, вспоминая своё детство, я не перестаю удивляться: как она приезжала за нами, внуками, если дорога была очень плохая, пыльная, одним словом, гравийка. А чтобы преодолеть старый деревянный мост, нам надо было выйти из автобуса, пройти мост пешком, а потом снова сесть в автобус, и можно было ехать дальше. И таких мостов было два...

– Бабушка, у Алёны рука болтается и болит! – закричала я, забегаю в дом.

Бабушка подняла голову, посмотрела на меня и отложила узоры в сторону. В этот момент зашла моя младшая сестра с братом и двоюродной сестрёнкой. На их лицах был испуг. Алёна плакала, её левая рука безжизненно лежала на правой. Бабушка осторожно потрогала больную руку Алёны, сняла со своей головы ситцевый платок и сделала повязку для руки. Алёна продолжала плакать от боли. Мы в оцепенении стояли

и смотрели, как бабушка молча и спокойно орудовала над потерпевшей рукой. Потом она взяла внучку на руки и осторожно уложила на кровать. Нам она сказала не шуметь и сидеть рядом с Алёной, а сама куда-то ушла. Мы сидели и ждали. Скоро бабушка вернулась, она ходила и ворчала что-то неразборчиво под нос, а Алёна тихо лежала на кровати и плакала.

Фельдшер «Скорой помощи» осторожно ощупала руку Алёны и резко дёрнула, мы все вздрогнули и подумали, что она оторвала нашей сестрёнке больную руку. Алёна снова заплакала, а бабушка почему-то засмеялась, – мы ничего не понимали. Оказывается, фельдшер вправила руку, которую кто-то из нас во время игры случайно вывихнул Алёне. Доктор объяснила бабушке что делать и уехала. Алёна лежала на кровати, под левую руку бабушка положила ей мягкую подушку и мокрое полотенце, а нам сказала не ходить на улицу и ухаживать за больной.

После этого случая бабушка Алёну далеко от дома больше не отпускала, иногда разрешала гулять, но только во дворе. Этому было вполне разумное объяснение: в то лето «Скорую» для сестры вызывали несколько раз: она то правую руку вывихнет, то левую, то кисть. Всё заканчивалось подушкой под больную руку и мокрым холодным полотенцем. Бабушка оберегала внучку.

Beldy, Natalya Semyonovna

Nanai language

MAGPIES

Our nature in the Far East is very beautiful and quite unique. You never cease to admire it. Everything in it is harmonious and well-ordered. But sometimes you see things that surprise you.

When spring comes, work in the garden begins: tilling, planting, weeding... I decided to plan a lot of pumpkins and marrows for our cow. But very few pumpkins and marrows grew from the seeds I planted. Why was that? And you could count the cucumbers on your fingers.

The next year I planted pumpkin, marrow and cucumber seeds. I went into the house to rest and drink tea. I happened to look out the window and noticed that four magpies were pecking in the garden: each magpie held the branches in its beak which I had covered the pumpkin patch with. One magpie pecked something out of the ground, over and over and again. I thought that it was pecking at insects and maggots. A day later I had to water the crops. And what did I see? It turned out that the magpies in the garden were not looking for maggots and insects or worms, but they were pecking at the seeds I had planted, and cracking them open. So once again, my cow had no treats to eat in the winter.

When spring came, I decided to deceive the magpies. I didn't plant pumpkin seeds, but little plants instead. I covered the path and looked out the window to see what they would do.

The magpies once more arrived and began busily digging up the patches. But they didn't like what was buried in the ground. Instead of delicious seeds, there were sprouts. The birds pecked at the sprouts, breaking them... But there were no seeds! They lost all interest, and after discussing matters among themselves they flew away into the forest. So my cow had her treats all winter. Since then, I have only planted pumpkin sprouts, and the magpies have been left with nothing.

GRANDMA

Dedicated to my sister.

In summer we visited Grandma again. As always, she came to meet us and took us to her house, which made us very happy. Now, when I recall my childhood, I'm surprised at the difficult journey she made to meet her grandchildren, as the road was very bad, and dusty, just loose gravel. To get across the old wooden bridge, we had to get out of the bus, walk over the bridge on foot, and then get into the bus again, to continue on our journey. There were two of these bridges.

“Grandma, Alyona's arm is hanging down, and she's in pain!” I shouted, running into the house. Grandma raised her head, looked at me and put her patterns aside. At that moment my younger sister came in, with my brother and cousin. They looked frightened. Alyona was crying, and with her right hand she was holding her left arm, which was very sore. Grandma cautiously touched Alyona's sore arm, took her scarf off her head and made a bandage for her arm. Alyona kept crying in pain. We stood and watched as grandma did everything calmly and silently, then she took her up in her arms and carefully

put her into bed. She told us not to make any noise and to sit next to Alyona, and then she went away. We sat and waited. Grandma soon returned, mumbling something to herself, while Alyona lay in bed and cried.

The nurse carefully felt Alyona's arm and then suddenly tugged it hard, and we shuddered, thinking that she had torn off our sister's sore arm. Alyona cried again, but Grandma laughed, and we had no idea why. It turned out that the nurse had fixed Alyona's arm that she had accidentally dislocated when we were playing. The nurse told Grandma what to do and left. Alyona lay on the bed, Grandma placed a soft pillow and wet towel under her left arm, and told us not to go outside, and look after the patient.

After this incident, grandma no longer let Alyona far from the house, and sometime she only let her walk in the yard. She did this because we had to call the nurse several times that summer: my sister dislocated her right arm, then her left arm, and sprained her wrist. So she had to lie in bed with a pillow and a cold wet towel under her sore arm. Grandma protected her granddaughter.

Веретнова Галина Павловна

Эвенкийский язык

УМНЭ УМҢЭТЫЛДУ

Эвэды нимҥакан

Горомомо гороло бираду умҥэтыл бидечэтын. Тала нуҥарватын кэтэ бичэтын. Нуҥартын игдыт тэпкэдечэтын, икэрвэ икэдечэтын. Умҥэтыл сигдылэлитын умукэн сотку умҥэты бичэн. Нуҥан гэрбин Улэк. Нуҥан мудурэн тадук эрумэ бичэн. Упкаттук умҥэтылдук дептылэвэ гадячан.

Дагаду умукэн умҥэты бидечэн. Нуҥан бургу тадук хиругин бичэн. Нуҥан гэрбин Торгок. Нуҥан удывунмэл аявдечэн. Торгок мулэтки ичэтчэми аявдечэн. Нуҥан мэнми ичэтчэвдечэн. Торгок мэнми аявдечэн.

Умнэ Торгок оллолво олломидячан. Кэтэмэмэ оллолво олломидячан. Умукэн оллотконмо олломидян – даранду нэдэн. Кэтэмэмэ оллоткорво дявачан. Улэк хуҥтулвэ оллолвэ ичэврэн тадук деммулчен. Нуҥан дэгдерэн тадук мэнҥивэрвэ умҥэтылвэ эридерэн:

– Кэ, умҥэтыл, химат, минтыки дэгдекэллу, минду бэлэ-кэллу! Торгокпэ улэккидерэп! Упкатвэ оллолвэ тавдерэп!

– Аа-аа-аа! Кэ, Улок, дэгдерэп! – умҥэтыл гунчэвун.

Улок ичэчивунмэ эмэврэн тадук надытчадерэн:

– Хэ, Торгок мэнми аявдерэн, оллолвэ дярин омҥоден.

Умҥэтыл Улэкнун Торгокитки дагамара. Улэк икэрвэ Торгоктыки икэлчэн:

– Гудей, гудей гудейкэн, аямамат гиркикэн, Гудей, гудей гудейкэн, аямамат гиркикэн!

Улэк икэдерэн тадук ичэчивунмэ ичэвкэндэрэн. Торгок упкатпа оллоткорво нодадерэн, ичэчивунмэ ичэтчэнэ.

– Би гудейкэн бихим! Эсалви гудей, лэпурэл багдамамал, лирбимамал! – Торгок икэдечэн.

– Э-э-э! – умңэтыл Улэкпэ гунчэвун.

Туги умңэтыл упкатпа оллоткорво гачавун.

Улэк Торгокнун хоролдёрэ, эвидерэ. Торгок ичэчэвундули ичэтчэрэн, энэ мэдучэрэ олломотно сокоривнаван. Улэк сурэгинмудерэн – ичэчивунмэ тагдысинчэн тадук согдонноду даячан. Торгок сокоривчавэ оллоткорво ичэврэн:

– Су минду упкатвэ оллолвэ дёромидячасун!

Улэк умңэтылнун гунчэтын:

– Кэ, кэ, аямат, си монңон, чиругин тадук адулады бихинни, кэ, кэ, аямат!

Умңэтыл хитэклэдерэ тадук инектэдерэ:

– Кэ, кэ, аямат!

Умңэтыл дэгдечэтын.

– Тыкуне, тыкунеко! – Торгок соңолчон, тыкулчэн.

Тариптыдук умңэты Торгок мулэтки эчэн ичэвдеми, ниматвэ аннгадевки тадук упкатнун болиливки. Гороптыдук амтыл гундечэ:

– Дептылэви гиркиду булдыкэл, эннэкэл муланэ – индус мэнин тамавувки. Деромоми бэе этэн сирарэ. Ая этэн гудей, ая тар хавалкира.

Веретнова Галина Павловна

Эвенкийский язык

ОДНАЖДЫ У ЧАЕК

Эвенкийская сказка

Давным-давно на реке жили чайки. Их было очень много. Они громко кричали, пели песни. Была среди них чайка-предводитель. Звали её Улок. Она была хитрая и наглая. У всех чаек еду забирала.

Неподалёку жила ещё одна чайка, толстая и жадная, и звали её Торгок. Обожала она наряжаться. Нравилось Торгок глядеть в воду, видеть там своё отражение. Очень Торгок любила себя.

Однажды Торгок ловила рыбу. Много рыбы наловила. Одну рыбку поймает – рядом с собой кладёт. Большая куча получилась. Улок увидела чужую рыбу и так захотелось ей поесть! Взлетела она, зовёт своих чаек:

– Ну, чайки, быстро ко мне летите, помогите мне! Торгок обманем! Всю рыбу себе заберём!

– Аа-аа-аа! Давай, Улок, летим! – отвечали чайки.

Улок принесла зеркало и думает:

– Хэ, Торгок себя так любит, что про рыбу забудет, дам ей в зеркало поглядеться.

Чайки с Улок приблизились к Торгок. Улок запела песню Торгок:

– Красивая-красивая красавица, самая лучшая подружка!

Улок поёт и зеркало показывает. Торжок всю рыбу бросила, в зеркало смотрится.

– Я – красавица! Глазки чудесные, пёрышки белоснежные, пушистенькие! – поёт Торжок.

– Даа!!! – чайки и Улок вторят.

В это время чайки всю рыбу забрали.

Улок с Торжок закружились, затанцевали. Торжок в зеркало смотрится, пропажу не замечает. Улок зеркало как выхватит и спрятала за спину.

Тут Торжок пропажу рыбы обнаружила:

– Вы у меня всю рыбу украли!

Улок с чайками отвечают:

– Так тебе и надо, ты – глупая, жадная и самолюбивая. Так тебе и надо!

Чайки дразнятся и смеются:

– Так тебе и надо!

Чайки улетели.

– Обидно, обидно! – Заплакала Торжок.

С тех пор чайка Торжок в воду не смотрится, Нимат обычай соблюдает и со всеми делится. Издавна предки говорили: «С другом едой поделись, не жалея, в жизни тебе отплатится. Украв, человек не одарит себя. Не тот хорош, кто красивый, а тот хорош, кто в работе усердный.

Veretnova, Galina Pavlovna

The Evenk language

ONCE UPON A TIME AMONG THE SEAGULLS

An Evenk fairytale

A long time ago some seagulls lived on a river. There were many of them. They cawed loudly and sang songs. One of them was the leader of the seagulls, named Ulok. She was cunning and cheeky. She took food from all the other seagulls.

Not far away another seagull lived. She was fat and greedy, and called Torgok. She loved to preen herself and look into the water at her reflection. Torgok was in love with herself.

Once Torgok was catching fish, and caught a lot of them. She would place the fish she caught next to her. She would catch a fish and placed it next to her. Soon she had a large pile of fish. Ulok saw the fish and felt terribly hungry! She flew down and called to her seagulls:

“Well, my seagulls, come and fly to me quickly, help me! We’ll trick Torgok! We’ll take all the fish for ourselves!

“Aa-aa-aa! Let’s fly, Ulok!” the seagulls replied.

Ulok brought a mirror and thought:

“Hah, Torgok is so in love with herself that she’ll forget about the fish if I give her a mirror to look at”.

The seagulls followed Ulok to Torgok. Ulok sang a song to Torgok:

“You’re a beautiful seagull, you’re my very best friend!”

Ulok sang and showed Torgok the mirror. Torgok forget about all the fish and looked in the mirror.

“I’m beautiful! My eyes are marvelous, my feathers are snowy and fluffy!” Torgok sang.

“Yes!!!” said Ulok and the other seagulls.

Meanwhile the seagulls took all the fish.

Ulok and Torgok soared around and danced. Torgok looked in the mirror, not noticing the fish were gone. Ulok took the mirror and hid it behind her back.

Then Torgok discovered that the fish were missing:

“You’ve stolen all my fish!”

Ulok and the other seagulls reply:

“Serves you right, you’re stupid and greedy, in love with yourself, serves you right!”

The seagulls teased her and laughed:

“Serves you right!”

The seagulls flew away.

“What a shame!” Torgok started crying, humiliated.

Ever since that day, Torgok stopped looking at her reflection in the water, and observed the custom of “Nimat”, sharing her food with everyone. Since ancient times the ancestors have said:

“Share food with others, don’t be greedy, and you will be repaid in life. By stealing, people do not give themselves anything. Good people are not the ones who are beautiful, but the ones who do good work.”

Казымкина Оксана Наумовна

Ненецкий язык, лесной диалект

ВЫҢ ВЕЛВ”

Шотпялс

Понанта, вың шича делкна пилша кой начеэй нумай. Чики начеэй ниня, подютуң хома җайши кулҗкаҗи дяң халаку, чилта халаку дя ниня дилмай. Начеэй мюня җай вың велв” дилмай-дильмя, тытди нешант ништомай җычим. Начеэй кайван дёхомы хома нешаңы, манәштомытуң, мяттуң мюң чуштомай’, шайудитатуң җәлмахаттуң, җычимчемытуң җотакомнантуң мяктуң кәштомай. Вайма нешаң, тата кандя томы чики начеэй ниң, шан мякту ништомай тэв, пон каймянтушәл кәштомай, пон дөштутуң. Чики ванлат шанат пу чеҗат няхатуң вачаштутуң, чам чедят тэвҗа.

Тадя кокәхана, куптана җайта выңкна, вайң дилана не дилмай, каса нюмта няш. Кайтам нимита нюдюм пон калита мәштомай, вита вайма җәштомай, винта җылна манштомай, куше кайкай, ыдйй дику, кимяхалт шичеэй ништу нята нямай няң.

Тадя кокәхана, таншелыхина, тыч каймай, вың пенхана куняна кайни, тайна Кайта пюҗидята. Мякна немямта канылта кадеңа, хампляңкты дяҗята каныломата. Немядём няньтата шелтаңа, тата маҗама:

– Уча, тый куптана кайни, куптаң таншел җаш, няньтат мышчем, путана пыҗян чилимяхат шелтамэй, җуп’удимту кыдилем. Кимям дятапат, нянянт пеләудехана нятакошту, хывы хылам пайля, җам’тана җука, шелтамәл хома шенл няҗант хома шел җә пуняң туди. Маншту, пилша

кой начеёй тадя, чики кой ниня кулкали халаку таймэ',
җамал җука, маньпат чики начеёйм таяң нинюн кай',
җалкамана җамулман хакалтапат. Нянянт пеля, дютам
җэ каймы' пон хинтапён, тыт' комант дёлшат. Мань вядай
пильтаңам, шит'т җэтанам, мел пуняң мякант тэвдин!

Љампита шелҗа, тыншанта нямҗа, нешанта шелтамы
понанта, Кайта дяталя.

Ше'эв дяхам, ше'эв том мата, хылаң канькум маньҗа
манслана. Някунта тэвши толашатам качалмы маньҗа, чеш-
чахат кынимташ, җамаш, тыслана. Немянта вачи вивхалш,
няньбудинта пелям толашатан мидята, панханта дютаҗата
тай'на җайтаптаҗата.

Няхал таньмуувдим, няхал вың пен маташ, тың канун-
там маньҗа, няңта няматана. Җай немянта вачи вивхалш,
нянь нэкаля, пелямта тыңканунтан моҗата. Тыңканунта
няньта җама, кайтаң кэвмана ча тытли няматаш кадя.

Няхал таньмуувдим маташ, няхал дяхам, няхал тодаяйм
маташ, мят маньҗа. Мят' чуши, вайсыкум маньҗа, то-
таваң кэвхана җамчош кынсу мэта. Каса җашким манэш
малама:

– Нешаңы' чу, кынсуй дюншили, вий хомяхамты, диль-
мьяй, шоншай дюны, кынилемы тата дялта, ни нюй кандя
кадяш, хывы чешта выняң, ше'эв дяля ше'эв пиң дику, пуняң
ниш ту'. Кынсай дюншили, җамулмал каньмал диңкумты.

Вайсыку кынулай:

– Куше ни нюй хашаңоом, кандянахат хатта ни, шилул
вышам тохолампю, куше дилта минлены вайма җамыли
шелкна, мань җуп нюй, ший лэтпёта, җамлампюта, Нум
вайсыку, Дяңката пуша нэхэтата мидяч. Мяай ту, җотакота'
җычимчи, мякта тай ни нюй тодя! Дяң дильмя, ни нюй
нятаҗата, шейта хома, нятакота ни, шехелымта җычим-
чеҗата! Мелшаң дильмя, нинюла кынипчи'! То дильмя,
дяхадю дильмя, виктата вичиҗадя җамулманта каймя мэт!
Җалка дяна дильмя, кимя няңта нянҗа, лэтпила, нэхэтата
мидята, тай ни нюй мякта тодя!

Кынсамта чупей дюншелемахата, Кайта путана няньта ханлыңа, вайсыкон мидята, маңа:

– Вайсыко, кынсал шийи дюта!Тый пюлят, ни нюмт ну конңам куна, тай шийи ңалка дяна дильмя нятаңадя!

Пя’ мо тун моңа, тай’на ңай дяталш пяңата.

Купта миндя кайта, ты’та ңут дику’, ни ңач, чупей ңуто таншел шевмайта. Шича кэвта чупей хэлаку, дяңы нумы ңуптоолсыхиң. Каса ңашки нэхэта кя похоңа. Лаклиң вит шулнам намтңа, дякуувдим маныңа. Вит ңэлмахата, дяку ними кэвхана ним ңайталёта маныңа, хэлаку тэхэна нютлена кан мэта. Таляптаңата, няңта дяталя, ниймы ни’ нита намт, пиняң ңайталёманта шел ңайталы. Каса ңашки пумнанта нёталш пяңата, ниймы нэхэта каймай”, нэхэта диңкума. Лампита дяка’, дяталш пяңата кан пумна.

Дяляң ңамтуташи туң дялям маныңа, тай’на нешам, таншел полюхат дюлкна. Лак някуң кайши ңалка кой начейим маныңа. Нюнши найңа, таняты пуша ката вэтаталя, мят мюң каптаңата.

Мят мюня майпётаталям ту туңа, ңамал хома дихиуди тадя. Маханяңы кэвхана пуша катату ңымты, мят шитта каптамы, ниминяна ңашки пелемеча, пи’някуна шан ңай нешаң, кайта нита хомана манэс, вылтэ нуманта дяханта коналдай, тай’мана хомана нэшалма.

Кайта висума, пуша ката малама:

– Каса ңашки, хоман ңаймэн, ни нюй нятаңанаш, ня-ньюдитата мидянаш, тысланаханта, ңаммахананта хивы чешчахана, ңалка нюй ңупчики нятаңанаш, няньтата миш, мякта ңаммаш шулпямахананта!

Нюнши найңа, хэлаку толашата халкаты, пелемечаңэ кадя, пумнанта тың канунта халкаты, каса ңашкиңэ кадя.

Кайтаң дет хыңинлаши маламахаң:

– Шедял нятакота ңаймай, хоман ңаймэн, шичей нятаңанаш! Чета ңай, май’ шит нятанаңай, ңамыли няңант талана, ман!

Кайта, вайсыкум вивхалш малама:

– Вайсыку ни нюм ко тала, џуп ни нюта шита нятапёта!

Нюнши найвя, пелемеча чуџа, хэлаку тэхэ нютлэмы кан-хана џайталёмы.

– Чики манят, вайсыку ни нют, Айнат, ший выџ велџ дилипчеџаш!

Каса џашким тайна пелемечам тапаташ тамна мунуџа:

– Кандя каймяханай, дёхоџаташ, шутпя таншел де’эмня. Няхамты дялханай кой наче’йм маныџаташ, таняџ кайши, шанат кулкали халаку маныџат. Љаклиџ пя ханлпёвумы намтам, пяџ чеџ такалши, кандяни маныџат, толашади нюлакотта, кёвханто џай панчота кончедихит, чёняхат” кан” нуџа. Толашади нята пяџат, малу’ кандянахат. Дюлк-дям, талянладям, толашади кунулмамэт, няймы мани џай кали”н кунаш дяамџат, ший няамџа малу’ кандяна, пян ший шалџа ты”канунчи џама мэт, кали”туџ џай кадя.

Каса џашки, пелемяча, Айнаџдет хыџинлаш махаџ:

– Пытџу шедял хома нятакота, Кайтант шел, кайканана нятаџанаш дилипчеџанаш! Нятакомант де’эмня, мячин-сайтат нютлэмы џамлдыхыт панчёта кантат таџай, Кайта, пыты џай, мякант томант дёлшкана, мят кэвхана тыт таймэны. Тыт койнаш, мякант танадянаш. Немянт палтонат таџай, мякант мел кай’! Шиче’й дилипчемахатат, чета пыты ыдытай кадян!

Кайта Айнам нята, кан ниџ џамташ, тай’на няматалако шехелэмна кадияхан выџу велџ тапатамы.

Вайсыку мят тавши, каса џашки Айнам џявтоля. Вайсыку манумаџ мэт, вайсыкум пёџахаџ, Кайтаџ мят дет мансхаля.

Мят кэвхана ты’ няматаля, мят няавшихиты џай хэлаку дяки нум дет вэналы. Мякат Кайта немя дюлкай, Кайта палтонта мидя выџ велџу мимы.

Кайта немянта ми”мы путана няньта пуску џамулши, винта џылна хомана майпи, хома мят чёл џука: немядюм таймэ, нилидюм, хашаџотата Айната, тата тайна куняна џай ыдыта, апата таймэ’ – выџ велџхыџ!

Казымкина Оксана Наумовна

Ненецкий язык, лесной диалект

ХОЗЯЕВА ТУНДРЫ

Ненецкая сказка

В далёкие-далёкие годы, посреди тундры стоял высокий холм. На холме дружно обитали всякие разные птицы и звери, а внутри холма жили хозяйева тундры – духи, которые простому человеку не были видны. Проезжая мимо холма, заблудившийся добрый человек мог их увидеть, зайти к ним согреться, попить чайку и отправиться домой по направлению, которое они ему указывали. Если человек был не добрый или приходил охотиться на этот холм, больше домой не возвращался, исчезал навсегда. Это легенда передавалась из уст в уста веками.

Как-то, в далёкой тундре, жила бедная семья, мама и сын Кайта. Кайта всегда был один, и ему становилось скучно от того, что у него нет братьев и сестёр и некому помочь ему и его маме.

Однажды, во время пурги и метели, олени их убежали, разбрелись по тундре и бедняк Кайта, пошёл их искать. В чуме оставил мать, которая болела уже пять дней. Она испекла ему лепёшки и сказала:

– Сынок, олени ушли далеко, долго была пурга и метель, кладу тебе лепёшки, которые испекла из последней щучьей икры, одну оставила себе. Если встретишь кого, обязательно делись, зима суровая, много голодных, да и возвратится пусть твоё добро тебе добром. Говорят, есть холм высокий,

там много зверей и птиц, много еды, если увидишь его, ты туда не ходи, даже если будешь сильно голоден. Крошки лепёшек береги до тех пор, пока оленей не найдёшь. Я не пропаду, буду ждать тебя, возвращайся скорее!

Кайта надел лыжи, взял аркан, которые сделал когда-то отец, и отправился в путь.

Пройдя через семь речек и семь озёр, он увидел бугорок снега, который шевелился. Подойдя поближе, увидел свернувшийся в комочек зайца. Он дрожал от холода и голода. Вспомнив слова матери, угостил зайца лепёшкой, согрел, поместив его в подол своей малицы, и отпустил.

Пройдя ещё три лесочка и три долины бескрайней тундры, увидел бежавшего навстречу волка. Вспомнив опять слова матери, достал лепёшку и кинул волку. Волк, съев лепёшку, побежал дальше мимо бедняка.

Пройдя ещё три лесочка, три речки и три озера, увидел чум. Зайдя в чум, увидел старика, который сидел возле костра и пел песню. Увидев юношу, говорит:

– Заходи, человек, песни мои послушай, согреется моя душа, которая замёрзла и плачет, от того, что ушла моя дочь на охоту в суровую тундру, семь дней и ночей её нет, не вернулась она. Послушай мою песню и уйдёт твой голод и холод.

И запел старик:

– Как люблю свою дочь, ловкую, меткую охотницу, не зря её растил, учил выживать. Она моя единственная защитница, кормилица, дай ей силы дедушка Нум и бабушка Дянка. Огонь моего чума, подкажи ей дорогу, пусть вернётся моя дочь! Духи земли, помогите моей дочери, добрая и чуткая она, укажите ей дорогу домой! Духи ветров, не дайте ей замёрзнуть! Духи озёр и рек, дайте ей водички вашей испить и голод утолить! Духи Вселенной, дайте защиту тем, кто её просит у Вас, пусть моя дочка вернётся!

Дослушав песню, Кайта отломил последнюю лепёшку, дал старику и говорит:

– Спасибо, старик, за песню, согрелся. Ищу своих оленей, может, и вашу дочь найду, пусть духи Вселенной помогут!

И бросив веток в огонь, отправился дальше в путь.

Долго шёл бедняк, следов оленей не видать, все следы замела метель и пурга. Кругом всё бело, не отличить небо и землю. Иссякают силы у юноши. Но, вдруг услышал звуки бурления воды и увидел ручей. Испив из источника, увидел на другой стороне ручья девушку, которая ехала на упряжке белых оленей. Окликнув её, он побыстрее зашагал к ней, но она не услышала его и поехала дальше. Юноша хотел было побежать за упряжкой, но силы покинули его. Сняв лыжи, пошёл пешим шагом по следу нарт.

Когда солнце стало садиться, он увидел свет, а потом человека, который выходил из пелены снега. Подойдя поближе увидел, что это огромный холм. Тут открывается дверь, выглядывает бабушка и приглашает его зайти внутрь.

Внутри весело горел огонь, пахло вкусной едой. Слева от него сидела бабушка, которая предложила войти, с другой стороны – девушка, подальше сидели ещё несколько человек, но бедняк их не разглядел, так устал, что свалился с ног и уснул.

Когда Кайта проснулся, бабушка говорит:

– Юноша, ты очень добрый, помог моей дочери, дав ей лепёшку, когда она тряслась от холода и голода, помог и моему старшему сыну, дав и ему лепёшку, когда он голодный бежал домой!

Тут открывается дверь и забегает белый заяц. Он превращается в девушку. Вслед за зайцем забегает волк, который превращается в юношу. Они, посмотрев на бедняка, сказали:

– Спасибо тебе, чуткое сердце, за помощь! Теперь мы тебя отблагодарим, проси что хочешь!

Бедняк вспомнил про старика и говорит:

– Нужно найти дочь старика, она единственная его дочь и помощница!

Снова открывается дверь и заходит девушка, ехавшая на упряжке белых оленей.

– Это я, дочь старика, Айна, меня спасли хозяева тундры!

Указав на парня и девушку, она продолжает говорить дальше:

– Когда пошла охотиться, заблудилась, так как была сильная метель. На третий день увидела холм, пошла туда, а там видимо-невидимо разных зверей и птиц. Вдруг услышала треск деревьев, спряталась за дерево и увидела охотников, которые гоняли зайцев, а рядом стоит полная нарта куропадок, лисиц. Решила помочь зайцам убежать от жадных охотников. Вышла, закричала что есть мочи, чтобы зайцы убежали, но сама не смогла скрыться. Жадные охотники поймали меня, привязали к дереву на съедение волкам и уехали.

Парень и девушка, посмотрев на Айну, сказали:

– И у тебя доброе сердце, как у Кайты, спасла наших братьев и сестёр! В знак благодарности, дарим тебе упряжку и полную нарту еды, а тебе, Кайта, когда возвратишься домой, возле твоего чума будут твои олени. Мы нашли их и пригнали домой. Даём также тебе лекарство для мамы, быстрее возвращайся домой! Ты спас нас и теперь ты нам брат!

Бедняк помог сесть Айне на нарты, и помчались они в направлении, куда им указали путь хозяева тундры.

Приехав в чум старика, юноша попросил руку и сердце Айны. Получив согласие и забрав старика, помчались к чуму Кайта.

Возле чума бегали олени, а из чума весело к небу тянулся белоснежный дым. Из чума вышла мама, Кайта дал ей лекарство, переданное хозяевами тундры.

Доедая последние крошки маминых лепёшек, Кайта очень радовался тому, что у него теперь большая семья: мама, дедушка, любимая Айна и где-то вдалеке живут его брат и сестра – хозяева тундры!

Kazymkina, Oksana Naumovna

Nenets language, Forest dialect

THE MASTERS OF THE TUNDRA

An Nenets fairytale

Many years ago, a tall hill stood in the midst of the tundra. All kinds of birds and beasts lived happily on the hill, and at the top lived the masters of the tundra, spirits which ordinary people could not see. Passing by the hill, a lost wanderer with a kind heart could go to them to get warm, to drink tea and go home in the direction he was shown. If the person was not kind or came to this hill to hunt, he would never go home, and would vanish forever. This legend was handed down over centuries.

Once a poor family lived in the tundra, a mother and her son Kaita. Kaita was always alone and felt sad that he had no brothers or sisters, and no one to help him and his mother.

During a snowstorm, their reindeer ran away, scattering across the tundra, and poor Kaita went to look for them. His mother remained in the tent, as she had been ill for five days. She baked him bread and said:

“My son, the reindeer have gone far away, the snowstorm lasted for a long time, I’ll give you bread which I baked from the last roe of the pike, and I’ll leave one for myself. If you meet someone, share the bread, the winter is bleak, many creatures are hungry, and may your kindness be returned by kindness. They say there is a tall hill with many beasts and birds on it, with plenty of food, but if you see it, don’t go there,

even if you are very hungry. Keep the breadcrumbs until you find the reindeer. I will be fine, I'll wait for you, come back soon!"

Putting on skies and taking the lasso that his father had made, Kaita set off on his journey.

After passing seven rivers and seven lakes, he saw a clump of snow that was moving. When he approached, I saw a huddled hare trembling from cold and hunger. Remembering his mother's words, he gave bread to the hare, then warmed it by putting it in the hem of his coat, and let it go.

Passing another three forests and three valleys of boundless tundra, he saw a wolf running towards him. Remembering his mother's words again, he took out some bread and threw it to the wolf. The wolf ate the bread, and kept on running past Kaita.

After passing another three forests, three rivers and three lakes, he saw a tent. He went inside the tent, where an old man was sitting by the fire and singing songs. The old man said to Kaita:

"Come in, hear my songs, I am warming my soul which is frozen and laments because my daughter went to hunt in the bleak tundra, for seven days and seven nights she has been gone. Hear my songs and your hunger and cold will go away".

And the old man sang:

"I love my daughter, she is a fine hunter, I brought her up well, taught her to survive, she is my only protector and feeds me, Grandpa Num and Grandma Dyankata gave her strength. Fire of my tent, show her the way, may my daughter return! Spirits of the earth, help my daughter, she is kind and smart, show her the road home! Spirits of the winds, don't let her freeze! Spirits of the lakes and rivers, let her drink your water and satisfy her hunger! Spirits of the Universe, give protection to those who ask for it, let my daughter return!"

After he heard the song, Kaita broke the last loaf of bread, gave some to the old man and said:

“Thank you for the song, old man, I am warm now. I’m looking for my reindeer, perhaps I’ll also find your daughter, may the spirits of the Universe help me!”

And throwing a twig in the fire, he continued on his journey.

The poor man walking for a long time, but he could not see any traces of the reindeer, as all the tracks had been covered by the snowstorm. Everything was white, you could not tell the sky from the earth. Kaita’s strength began to fade. Suddenly he heard the sound of water, and saw a creek. He drank the water, and on the other side he saw a girl on a sled drawn by white reindeer. He called to her, and walked towards her, but she did not hear him and kept moving. The young man wanted to run after the sled, but he could not, his strength had left him. He took off his skis, and followed the trail of the sled on foot.

When the sun began to go down, he saw a light, and then a person emerging from a snowy mist. As he got closer, he saw that it was an enormous hill. A door opened and an old woman looked out, inviting him to come inside.

Inside, a fire was burning and there was a smell of delicious food. The old lady sat to the left of him, and on the other side a girl, with a few more people sitting further away, but the poor man could not make them out. He was so tired that he was barely able to stay on his feet, and he went to sleep.

Kaita woke up and the old woman said:

“Young man, you are very kind, you helped my daughter, you gave her bread when she was shivering with cold and hunger, you helped my elder son, you also gave him bread when he was hungry as he ran home!”

The door opened and a white hare ran in, which turned into a girl, and then a wolf, which turned into a young man. They looked at the young man and said:

“Thank you for your help, you have a kind heart! Now we will show you our gratitude, ask for whatever you wish!”

Kaita remembered the old man, and said:

“We have to find the old man’s daughter, she is his only daughter and helper!

Then the door opened, and the girl from the sled drawn by white reindeer came in.

“It’s me, the old man’s daughter, Aina, the masters of the tundra saved me!”

Pointing to the boy and girl, she kept talking:

“While I was hunting, I got lost, because there was a strong snowstorm. On the third day I saw a hill and went to it, and there were various beasts and birds there. Suddenly I heard the rustle of trees, and I hid behind a tree, and saw hunters chasing hares, and next to them a full sled of partridges and foxes. I decided to help the hares to escape the greedy hunters. I went and shouted so the hares would run away, but I couldn’t run away myself, and the greedy hunters caught me, they tied me to the tree for the wolves to eat me, and left me there.

The boy and girl looked at Aina and said:

“You also have a kind heart like Kaita, you saved our brothers and sisters! As a sign of gratitude, we will give you a sled and a full cart of food, and Kaita, when you return home, your reindeer will be standing by your tent. We’ve found them and driven them home. We’ll also give you medicine for your mother, go home right now! You saved us and now you’re our brother!”

The poor man helped Aina into the sled, and they went in the direction that the masters of the tundra told them to go in.

When they came to the old man’s tent, the young man asked Aina’s hand in marriage. When she accepted, they all went to Kaita’s tent, taking the old man with them.

The reindeer were all there, and from the tent a snow-white smoke was ascending to the sky. Mama came out of the tent, and Kaita gave her medicine from the masters of the tundra.

After eating the last crumbs of Mama's bread, Kaita was very happy that now he had a big family: his mother, the old man, his beloved Aina, and somewhere far away lived his brother and sister – the masters of the tundra!

Коробейникова Ирина Анатольевна

Селькупский язык, нарымский диалект

МАТ ОНДЖ АДЖУ́КАТ ЧАТ ЧЭ́НЧЛАГЕ

Малько́ва (надэ́т та́мдэр Чы́нина) А́нна Аки́мовна
чэлымба, кужа́т э́ха чывэ́л пот, канду́к таб чэ́нча, 1895 по́т-
кэ́т Каргасо́кской чвэ́чэгэ́т Нары́мской ка́дэран.

Таб оромджэ́шпыхы́т му́хтэ́т ондж и́т кыбама́рлап.

Таб аха́ о́голджембы́ о́голджембэ́л ма́ткэ́т, ми́гэн
кадэ́шпыхы́т ны́льджик: «Ноп э́нэгэ́т э́йя, таб вес конджэ́р-
ны́т!»

Чывы́л пот – на пот, кужа́т э́ха маджо́гэ́т ко́чек чив.
Аджу́ка чэлымба на по́тқэ́т.

Чив фак орвэ́шпыха а́га ка́жна пот, чэ́ресь хомбл́а пот.

Эл-авэ́гэнд э́ха на́гур на́дэк ай на́гур кыба́чэ.

Аджу́ка оккорфа́к чэ́нчэ́ха ны́льджик: «Надэ́нан вес
у́джитэ́ ма́ткэ́т, кыба́чэ́нан – по́гэ́т».

Ко́чек ча́птэ́ та́ну́ха аджу́ка ай кадэ́шпыха ми́гэн у́дэ́т.
Ми вес а́мдэ́хаут халдыбо́гэ́т ко́рғол кобо́гэ́т.

Ми кыба́ э́хаут, на́тко ко́чек ча́птэ́ аулджимба́ут. Ча́птэ́ла
э́хат у́ткэл лоз чат, ма́джел лоз чат, ма́нал ху́рулат чат ай арк.

То, ка́йгэ́т аджу́ка умдэ́лджэ́шпыхы́т по́қлап ий мога́йп,
э́джэ́ха а́га кунда́ққэ́т.

Кужа́т таб ме́гыт вес у́джитэ́ ай абэ́дэмбы́хы́т кыбама́р-
лап ай ху́рулап – ча́джа по́ққоп ай мога́йп манэ́мбэ́гу.

Ма́шэк най и́шпыхы́т тонд, кужа́т кыба́чэ́ла кыба́ э́хадэ́т.

А́ндэлбле мат ча́джэ́хак табхе́ – аджу́кат лэ́рэп ай
кыбалэ́рикалап у́нголджембу́.

Таба ага огоджэмбэл аджүка эха, а лэрэп, чумджулап
кочек тәнүха.

Мека кадэшпыхыт ай огоджэмбыхыт машэк: «Чидь-
жик-пыдьжик, кайгэт эханд?»

Арк стихотворенияп ми үнгоджэмбыхай ай огоджэм-
бэхай.

Оккэр бар одот, кужат эха тонгот кочек от, ми чаджэхаут
андэхэ поққоп манэмбегү.

Челд пигылымбы, каптэ ай чив фак аптият, тигэлхурула
лэрхат – квэджек!

Фа элахват эджэ аджүканан, манан, мат кыгыхақ
тилджэргу, кандүк ламбрека.

Анкал-пая кватпат андэт пелекашак урук варг, кандүк
чүмэл пөв, тодлап, казалап, камьяп.

Хугулджэ параннаут лэрлахе ай кыбалэрикалахе.

Альджига лэрха лэрлап квэл чат, одэт чат, чивэт чат,
надэртэ чат.

Қай табэт хайлат конджэрныт – на чат и лэра.

Чумб лэр лэрха таб: «Кужат бы мат тәнүхам...»:

Кужат бы мат тәнүхам – чивгыт эджла чаг чаб, мат бы
мешалешпыхап.

Кужат бы мат тәнүхам, Ыбо машэк катэлешпла, мат бы
надэрам.

Кужат бы мат тәнүхам, үшэрблагае, мат бы үдэшпэхап на
паридэл үдэп.

Кужат бы мат тәнүхам, актогэт аптила, мат бы ага авеш-
пыхап нүрэл лукоп.

Кужат бы мат тәнүхам, ман арам квэлла Тунькан, мат бы
варгак табхе.

Кошкالك али фаяек чвэчэгыт варгак – кыбамарла манан
чэлымбат.

Кыгак кадэгү, таб кунд лэрха на лэрэп, қайда мат аулд-
жэмбам.

Минан маткыт эха шэд патефонла.

Кыбамарла үнголджембадэт пластинкалап кажна чэлгэт, эл-авэм – нучелгэт.

Танухам уготэл лэрэп «Ман мадат көгэт».

Начат эйя нильджи эджла: «Ман мадат көгэт кваяшпат тэт үчэджела, омдэрполагэт амдат, онэнджэгэн шарватпат. чэнча үргэ Вэска: «Мат ачлаге на чэлдэп, кужат ми Мажо кыгелла тэбэнэнджэгу манандо».

Арк куплеталап аулджэмбам, ундó кунд танухам.

Кайгэт когу тапер ай үнголджэгу?

Угот кандул пластинкалап мешпыхадэт? Уготэл! Мөдэчэл!

Мөдэчэл лэрлап аджа тавэмбат Топкогэт, кужат эха нен-няхе Тоняхе областной больницагэт.

Оққэр кадэргэт – оққэр лэр эха.

Аджука үнголджембла лэрэп пластинкаутэ – ондж лэра.

Ондж тэрбэхá ай нап лэрха. Кайгэннай паялджэга ундó лэры: маткыт, чунигэт, кваягыт, кужат панэшпыхыт нуджэп чундлан ай хырлан, кыгегыт, огородкыт.

Эха пластинкагэт лэр ватт чат.

Нучелгэт эл-авэм най нильджик фак лэрхадэт!

Аджа пынгырджембы (гармошкахе ханджэрха).

Шэд таррухе лэрхадэт табла шэдэгүт.

Вес тэбэлгула ай нэлгула танухадэт кыбалэрикалап Ибо чат, Сивкат чат ай арк.

«Чаджак, чаджак мат вечорканд, чаджак мат, чагетым-бак. Мека кадхат: «Ибо чаңгва». Чвэссе паралельчихак».

«Мат и лэрак, и мешалбак. Аджам, амбам ларэмбак. Аджа Сивкап мерелдэ, комдэп утко мелдэ».

«Мат мешалбак нагур тобхе, үрчембам чумэл пөв. Чвэссе пигылбак, чумэл пөв ман ипа».

Авнэка аха фак лэрха: «Амда табэк молагэт ай малал-
бат ондж тобоп. Кандук табэн не польно?». Шогор паргон
хычимбак – мешалбыгу тытымбак!

Манан вес чардже пынгырчэл эха, лэрэмбэл, мешалбэл.

Оққэр бар панбаут хелал чидлап варг тодлап, тадрэм-
баут эдэнд Усть-Ямонд, мерджэмбаут, лакугэт аджа тавыт
мухтыт салкватко балалайкап. Хугулдже чек куралешпы-
хаут тэбняхе Микулкахе, таб урук кыгыха балалайкандэ
ханджэргу.

Мат най лэрхак «Ленин оккорфак илэмбэл эйя», кужат
мешалбэдэл матқэт эха концерт. Мека эджимба мухтыт
пот. А танухам, кандук чэрмоп ботинкагэт хартку.

Коробейникова Ирина Анатольевна

Селькупский язык, нарымский диалект

ПРО СВОЮ БАБУШКУ РАССКАЖУ

Малькова (девичья фамилия Чинина) Анна Акимовна родилась, когда был черёмуховый год, как она говорит, в 1895 году в Каргасокском районе Нарымского края.

Она воспитывала шестерых своих внуков.

Она не училась в школе, нам говорила так: «Бог высоко, он всё видит!»

Родители работали в колхозе, а бабушка Анна с нами, внуками, дома сидела.

Черёмуховый год – это тот год, когда было в тайге много черёмухи. Бабушка родилась в этот год.

Черёмуха хорошо росла не каждый год, через четыре года.

У отца-матери было три девочки и три мальчика.

Бабушка постоянно говорила так: «У девочек вся работа в доме, у мальчиков – на улице».

Много сказок знала бабушка и рассказывала нам по вечерам. Мы все сидели на полу на медвежьей шкуре.

Мы были маленькие, поэтому много сказок забыли. Сказки были про водяного, лешего, про диких животных и другие.

Озеро, где бабушка ставила сети и фитили, находилось недалеко.

Когда она делает все дела и накормит детей и скотину – едет сети и фитили проверять.

Меня тоже брала на озеро, пока ребята были небольшие. С радостью я ездила с ней – бабушкины песни и частушки послушать.

Бабушка была неграмотной, а песен и загадок много знала.

Мне рассказывала и меня учила: «Чижик-пыжик, где ты был?».

Другие стихотворения мы слушали и запоминали.

Однажды весной, когда много было воды на озере, мы ездили на лодке сети проверять.

Солнце светит, цветущая смородина и черёмуха вкусно пахнут, птицы поют – красиво!

Хорошее настроение было у бабушки, у меня, мне хотелось летать, как бабочка.

Бабушка Анна добыла пол-обласка огромных, как чирки (обувь), карасей, окуней, линей.

Домой вернулись с песнями и частушками.

Бабушка пела песни о рыбе, о весне, про черёмуху, про любовь.

Что её глаза видят – о том и поёт.

Длинную песню пела она: «Если бы я знала...»:

Если бы я знала, что на черёмухе белые цветы цветут, я бы не рвала.

Пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́, пишка́.

Если бы я знала, Иван меня будет бить, я б не полюбила.

Если бы я знала, что опьянею, я не пила бы эту горькую водку.

Если бы я знала, что во рту будет пахнуть, я бы не ела соровой лук.

Если бы я знала, что мой муж уйдёт к Дуньке, я бы не жила с ним.

Хорошо ли, плохо на свете я жила – детей я бы родила.

Хочу сказать, она долго пела эту песню, что-то я забыла.
У нас в доме было два патефона.
Дети слушали пластинки каждый день, родители – по праздникам.

Помню старинную песню «Возле горенки моей».

Там были такие слова: «Возле горенки моей ходят четверо парней. На скамеечке сидят, меж собою говорят. Говорит дружок Василий: «Я дождусь такого дня, наша Маша согласится выйти замуж за меня».

Другие куплеты забыла, но долго помнила.

Где теперь найти и послушать?

Раньше, какие пластинки выпускали? Старинные! Военные!

Пластинку с военными песнями отец купил в Томске, когда был с сестрой Тоней в областной больнице.

На одной стороне – одна песня была.

Бабушка услышит песню на пластинке – сама поёт.

Свои песни придумывала и их пела. Везде бабушка пела: дома, в конюшне, во дворе, когда сено давала лошадям или коровам, на реке, в огороде.

Была на пластинке песня «Пути-дороги».

По праздникам мама с папой тоже так хорошо пели!

Отец аккомпанировал (на гармошке играл).

На два голоса пели они вдвоём, плясали, на улицу выходили.

Все мужчины и женщины знали частушки про Ваню, про Сивку и другие.

«Шла я, шла я на вечерку, шла я, торопилася. Мне сказали: «Ваньки нету». Назад воротилася».

«Я гуляю, веселюсь. Тятьку-мамку не боюсь. Тятка Сивку продаст, на гулянку деньги даст».

«Я плясала в три ноги, потеряла я чирки. Оглянулася назад, а чирки мои лежат».

Дедушка нескладно пел: «Сидит пёлка на суку и крысёт своя нока́. Как ему не польно?» («Сидит белка на суку и грызёт свою ногу. Как ему не больно?»). На печку забрался – плясать начал!

У меня вся родня музыкальная была, поющая, танцующая.

Однажды положили полные кузова больших карасей, утащили в деревню Усть-Ямы, продали, в магазине отец купил за пять рублей балалайку. Домой бегом бежали с братом Николаем, он сильно хотел на балалайке поиграть.

Я тоже пела «Ленин всегда живой», когда в клубе был концерт. Мне исполнилось шесть лет. Не умела шнурки на ботинках завязывать.

Korobeinikova, Irina Anatolevna

Selkup language, Narym dialect

I'LL TELL YOU ABOUT MY GRANDMOTHER

Anna Akimovna Malkova (maiden name Chinina) was born in a bird cherry year, as she said, in 1895 in the Kargasok district of the Narym region.

She raised six of her grandchildren.

She never went to school, and told us: “God is up high, he sees everything!”

My parents worked on the collective farm, and grandma Anna sat at home with us grandchildren.

A bird cherry year is a year when there is a lot of bird cherry in the taiga. Grandma was born in one of these years.

Bird cherry did not grow well every year, only every four years.

My mother and father had three daughters and three sons.

Grandma constantly said: “The girls do all the work at home and the boys go outside”.

Grandma knew many stories and told them to us in the evening. We all sat on a bear’s hide on the floor.

We were small, so we’ve forgotten many of the stories. There were stories about the Water Sprite, the Forest Demon, about wild animals, and more.

The lake where grandma set her nets was not far away.

When she had done all her work and fed the children and the animals, she’d go to check the nets.

She also took me to the lake when the kids were young.

I was happy to go with her and listen to her songs.

I was happy to go with her and listen to her songs.
She sang to me and taught me: “Chizhik-pyzhik, where have you been?”

We heard other poems and remembered them.

One spring, when there was a lot of water in the lake, we went to check the nets in a boat.

The sun was shining, the currant and bird cherry smelt delicious, the birds were singing – it was so lovely!

My grandma was in a good mood, and so was I, I wanted to fly like a butterfly.

Grandma filled half the boat with enormous fish, large as chirki (boots) – perch, carp, tench.

We went home singing.

Grandma sang songs about fish, about spring, about bird cherry and about love.

Whatever her eyes saw was what she sang about.

She sang a long song: “If I had known ...”:

If I had known that white flowers grew on the bird cherry, I would not have torn them off.

Pishka, pishka, pishka, pishka, pishka, pishka, pishka, pishka, pishkykha.

If I had known that Ivan would beat me, I would not have fallen in love.

If I had known that I’d get drunk, I would not have drunk this bitter vodka.

If I had known that my breath would smell, I would not have eaten wild onions.

If I had known that my husband would leave me for Dunka, I would not have lived with him.

Whether or not my life in this world had been good or bad, I would have had children.

I should say that this was a long song that she sang, I’ve forgotten some of it.

We had two record players in the house.
The children listened to records every day, and the children on holidays.

I remember the old song “Outside my chamber”.

It went: “Outside my chamber four men walk by. They sit on a bench and talk. Vasily says: “I’m waiting for the day when our Masha agrees to marry me”.

I’ve forgotten the other verses, but I remembered them for a long time.

Where can I find it now and listen to it?

What sort of records did they used to make? Old ones! About the war!

My father bought war songs in Tomsk, when he was with my sister Tonya at the district hospital.

There was one song on each side.

Grandma listened to the song on the record and sang herself.

Grandma sang everywhere: at home, in the stable, in the yard, when she gave hay to the horses or the cows, on the river, in the garden.

There was a song on a record called “Paths and Roads”.

On holidays my mother and father also sang very well!

My father accompanied (he played the accordion).

They sang together, danced and went outside.

All the men and women knew songs about Vanya, Sivka and others.

I went to the party, I went in a hurry, They told me: “Vanka’s not here”. And so I came right back”.

I’m making merry, I’m not scared of Mum and dad. Dad will sell Sivka, and give money for a party.

I danced my legs off, and I lost my shoes. I turned back to look, and my shoes were lying there.

Grandfather couldn't pronounce the words very well: "A squirrel sits on a branch and chews its leg. That must really hurt". He climbed on the oven and started to dance!

My whole family was musical, they liked to sing and dance.

Once we loaded wagons with large carp, and took them to the village of Ust-Yamy to sell them, and my father bought a balalaika for five rubles at the store. My brother Nikolai and I rushed home, he really wanted to play on the balalaika.

I also sang "Lenin lives eternally" when there was a concert at the club. I was six years old. I couldn't tie my shoelaces.

Павлуткина Зоя Антоновна

Селькупский язык, нарымский диалект

МАТ КВÉДЖЕДЭЛ ХАГ КЫСКА

Мáшэк квэрат Томáсик.

Мат Тóпгогэт варгáк, нáтко мáшэк нýльджик квэрат.

Мат онэк пírэмд урýк нáдрам!

Ондж кóбоп мат коч пар чéлгэт нýголбам, штоп таб
пигылымбý.

Мат варгáк тóткахе, тábэп Зоя квэрат.

Табэнáн нáгур ýт э́йя.

На ман тáмдыр.

Мáшек вес нáдрат.

Таблá мешпáдэт мéка абс ай комбáдэт фа чвэч кондэгý
кóптэгэт.

Чельджóлгэт вес кучáд-то кваяшпадэт, мат пáлгáлк
калэшпак мáтқэт.

Мат ýдэшпам молóкап ай пахтэрнáк окóшканд.

Кэ-э-э! Нýльджик квéджек пóгэт!

Тавéк кыбамáрла кучáд-то курáлешпат.

Ай канáк чек курáлешпа.

Нýльджýи варг!

Но мат тábэп агá ларэмбáк!

Мат áмдак энэгэт, нáгурэмджэл этáжқэт.

Á хáджла мáшэк!

Фэрэмджле кваттáлджэмба.

Мат тábэп агá ларэмбáк.

Мáткыт мéка фáек.

Пóтпа ай фэрэмджо чаңгва.
Ўнголджембам, қандук абá Зоя кошоньдженд шэрна.
Куралешпак чвэдэгу.
Мат урук андэлбак ай торовачак табхе. Кыгак хыгэлгу
табэн удонд.
Манджогомбак табэт кожанд – начаутэ ныльджик фак
аптик!
Омби мека каланд панэшпадэт квэлп, ай мат чагэтэмбле
на фа апс авешпам.
Кыбачэла надрат массэ ханджэргу.
Денис хэрелешпат ман тальджонд гумашкап, мат табэп
мидэшпак – кыбамарла лаквачат ай андэлбат.
Кандук мат койалджэшпак!
Хачмек мидэгу гумашкап!
Онэндж мидэшпалт!
Миша ўдэшбат истенан чэлдэл невап.
Мат кыгак табэп орагу.
Пахтэрнак эннэ, ораешпам табэп – удогэт қайнай
чаңгва!
Мека ныльджик кошкалк эйя!
Алеша тадэмбат хугулджэ мадоп тотликахе.
На ныльджи тавалика хаджэмбэл тальджликахе.
Їандук мат кыгак тотликап орагу ай амгу!
Хуруп варга онэндж маткэгэт, мат пахтэрнак табэн – таб
чек кунэшпа!
Натко мат урук найватпак.

Павлуткина Зоя Антоновна

Селькупский язык, нарымский диалект

Я КРАСИВАЯ ЧЁРНАЯ КОШКА

Меня зовут Томасик.

Я в Томске живу, поэтому меня так зовут.

Я сам себя очень люблю!

Свою шкурку я много раз в день вылизываю, чтобы она блестела.

Я живу с тётёй, её зовут Зоя.

У неё есть три сына.

Это моя семья.

Меня все любят.

Они дают мне еду и нашли хорошее место на кровати, чтобы спать.

Днём все куда-то уходят, я один остаюсь в доме.

Я поплюю молочка и прыгаю на окошко.

Как красиво на улице!

Вот ребятишки куда-то побежали.

И собака быстро бежит.

Такая большая!

Но я её не боюсь!

Я сижу высоко, на третьем этаже.

Не укусит меня!

Дождик начался.

Он мне не страшен.

Мне дома хорошо.

Тепло и дождика нет.

Слышу, как тётя Зоя в коридор зашла.
Бегу встречать.
Я очень рада и приветствую её. Хочу запрыгнуть к ней на руки.
Поглядываю на её сумку – оттуда так хорошо пахнет!
Тут мне в миску кладут рыбу, и я быстро эту вкусную еду поедаю.
Мальчишки любят со мной играть.
Денис привязывает к моему хвосту бумажку, я её догоняю – дети смеются и радуются.
Как я кручусь!
Нелегко догнать бумажку!
Сами догоните!
Миша пускает на стену солнечного зайчика.
Я пытаюсь его поймать.
Подпрыгиваю вверх, хватаю его – в лапах нет ничего!
Мне так плохо!
Алёша принёс домой клетку с хомячком.
Это такая мышка с откушенным хвостиком.
Как я хочу хомячка поймать и съесть!
Животное живёт в своём доме, я прыгаю к нему – оно скорей убегает!
Поэтому я сильно сержусь.

Pavlutkina, Zoya Anatolevna

Selkup language, Narym dialect

I AM A BEAUTIFUL BLACK CAT

My name is Tomasik.
I live in Tomsk, that's why this is my name.
I love myself very much!
I lick my fur many times a day to make it shine.
I live with a lady called Zoya.
She has 3 sons.
This is my family.
Everyone loves me.
They give me food and find a good place on a bed where I can sleep.
During the day everyone goes away and I stay at home alone.
I drink milk and jump on to the window sill.
Oh! It's so nice outside!
Kids are running somewhere.
And a dog is running fast too.
It's so big!
But I'm not afraid of it!
I sit up high, on the third floor.
It won't bite me!
It's started raining.
I'm not afraid of it.
I like it at home.
It's warm and it's not raining.
I hear Zoya coming in.

I'll go to meet her.

I'm very happy and welcome her. I want to jump into her hands.

I look at her bag – I can smell something delicious!

She puts fish in my bowl, and I eat up the delicious food.

The boys like to play with me.

Denis ties paper to my tail, and I chase it – the children laugh happily.

I spin around and around!

It's not easy to catch the paper!

Catch it yourself!

Misha reflects sunlight on the wall.

I try to catch it.

I jump up and catch it – there's nothing in my paws!

I feel so bad!

Alyosha has brought home a hamster in a cage.

It's a kind of mouse with a chewed-off tail.

How I want to catch the hamster and eat it!

The animal lives in its own house, I jump at it and it runs away!

So I get very angry.

Потапова Ирина Михайловна

Телеутский язык

**МЕЕҢ АБАМНЫҢ
КАРГИН МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧТЫҢ
ЭЗЕП САЛҒАН ЖҮРҰМИ**

1920 жылда, жуу кинең қалықа тың күч полғон. Жаман ууру элдиң күчүн алған. Көп кижі өлгөн испанка деп тифтаң.

Ол жылда алты жашту Мишаң тифтаң энези де абазы да өлпарған. Мыкайла эки ачазы мынаң жада қалған: Шудек сегіс жашту, Моко он жашту. Энежи Қартан аларды көріп өскирген. Жатқандар алар кинчегеш ағаш үйчегеште. Қартаның жажы көп полғон, ууруға алдырып иштелбеген. Палдар жалданып пай кижилерге иштейтен. Малдар күзедип, картоко қодорып полыжатандар. Мыкайла қожо-жара улу ачаларынаң қалбай, эртен эрте туруп ишке паратан.

Күскүде пош атту алты жашту пала Миша тобрақ сүрүп жүрген. Күндер суу парған. Түнде чалчықтар тоңпартан. Кийми палаң эскир қалған, шарабары ырман қалған. Тежиктең тизези көрин жат. Пай соғон келип тизезине Мишаң салам жапшыра пулайтан, тоңбозын деп. Миша кере күнге тобрақ сүрүп иштейтен. Кечкиде Соғон жаан пир картоко Мишаа иштеген учун пер жат. Аға сүгүнүп пала жүгүрүп энежине картокоды апар жат. Қартан ол картокодоң изү азып, палдарын азрап жат. Энежи қары қалып ишке жарабай турқойтыр. Қудудыдаң ичинде ырыс суранып палдарына, Соғоның қылығына күжүнүп жүр жат.

СОҒОН

Соғон – эр кижі қырық пеш жашту, пиик, чичкечек. Аң қолтуу Натай турумду кижі, өскистерди сынап тур жат. Амбарлардың паратызы қайра ачық. Анда май, эт, тоброк, қаймақ тур жат. Ачыған сүттің жыды тумчуқты талай соқ жат. Он сегіс саан үй, жылқы малдар, қойлор уйажында Соғоның. Қыра сүрүп, аш чачып жат картоко отырыс жат.

Соғоның сөөги Јутту. Јирме жылға чығара јадыбиди Натай мынаң. Қудуй пала пербеди. Қарған чақта уулға, қысқа јединди. Уйажы Соғоның јаан полғон. Пойлары ишти пүдүрелбей, кижилер јалдайтандар. Иштиң учун картоко ло, қачан қалаш ла перетендер.

Одыс жылдарда Соғонды раскулачили. Аң палдары өзи келип, ончо қалық чылап, колхозто иштегендер.

КОЛХОЗКО

Миша школдо үренбеген. Аң ачалары да: Шудек, Моко қача үрен бедилер. Эне-аба жоқто иштеп құрзақ табарға керек полғон. Палдар јайғыда мешкелеп, јийлектеп жүретендер. Мешкеди јунуп, қайнадып, неме қошпойло јигендер. Миша кичүде мешкеди ажыра јықойып, јаан полпарғанда пойы мешкелеп жүрбейтен. Палдарын мешкелеп пожатпос. «Мешке жоқты кижің құрзағы», – деп айдатан.

Көп па, ас па јатқандар. Энежи Қартан уурып өлпарған. Палдар өскис јадағалды. Энең эркезин Күн-Эне пер жат. Сары салқын аба пол жат. Эртен палдар ишке пар жат, кечкиде суу қалған үйге јанјалар.

Мыкайла күчтү, қыбылу өс жат. Јақшы тоолоп пил жат, јаан кижилердиң айт қаның, қадағалап пажына сал жат.

1932 жылда колхозтор полоберген. Колхозко жоқтаулар озо алып кирген. Челухоево до колхоз «Қрачы» («Пахарь») полғон. Ани Мыкайла кирип иштеген. Ол чақта аға он сегис жаш пўтпарған.

1935 жылда Саста колхоз имени Энгельса пўтпарған. Мыкайла ани кир парған. Колхозтың паштапқы жылдарында уур полғон элге. Ұрендер ас, малдар ас. Ончо ло иш қолмынаң јазалатан: қыра сўрўп, аш чачып, кезип, снопқо пулап, қурудуп, аш сооғып.

1937 жылда арай жеңилтип парған. Трактор пол парған «Бачатский МТС». Јайғыда колхозниктар өлөң турғузатан малдарға. Өлөңди литопкомынаң чап, қурудуп, анаң пуулдап, үйетендер. Кўнге эки үнең үйбитен јақшы эрлер. Паза қажылары пир үйинди кечке јетире үйер. Јайғыда өлөң тужунда палдар польжатан. Эр палдар пош атту пул тартатан. Јаан эрлер үйетен қолмынаң. Иш ол чақта уур полғон.

Пир қатап төгөзө колхозниктар палдарды алғанча јалаңға өлөң тармарға чығабеди. Кўн изў полғон. Чалым қурғалақ қа чабаға, анаң тармарға эзенгендер. Паштық јалаңда колхозниктар мынаң пирге.

Он пир час маңында тармап, пулдайбергендер. Секретарь райкомның малду чаптыр јат, ары-бери көр јат. Ичи-тўби чий полор, деп эзенјалар кижилер. Паштық ишти турғузуп, қалықты јўбиди. Секретарь јаман қабар акелди: «Јуу полобеди, деп айт јат. Германия сўркелеп Советский Союзқа јуулап киркелди». Қалық тымыпады «Қалақ, қалақ! Ол айында нерек полпады», – деп үй кижии илайбеди. Палдардың көстөри одыс-сегис, пир неме пилбей, јаан кижилерге көстөп турјалар. Ол 22 кичү изў айда полғон 1941 жылда.

Эртенең кўн айас полғон. Қайдаң-қайдаң қара пулут теңереди орой албиди. Салқын чикелди. Теңере күзреп,

чағын чағабеди. Жамғыр жайбеди. Пирде кижі жамғырдаң жажынбайат. Ұйге де меңдебей колхозниктар турды. Анаң палдарды абра отырызып, немелерин абра салып, жайу жалаңнаң жандылар.

Мыкайла ұй турғузуп, кижі албалған, палалу пол парған, жуу полобеди...

ЖУУ

Айылда ончо неме пашқа полпады. Эр кижилер жууға пар жат. Қарған эне-абазын артызып, палдарын, қолтуларын артызып көп кижі жууға парды.

Шудекмынаң Мыкайлады жууға албай салдылар, көстөри моқу полтыр. Мокоды жуудың паштапқы күндеринде оқ ападылар. Ұйде қолтуу Қойоқ төрт палалу жат қалды. Мыкайла саан ұйди соғып садыбиди. Чығарған ақчады Моко ачазына перди узутқанда. Параконка бричка отырзып ачазын апады военкоматқа. Јолой пойына эрмектежип, јетпадылар.

Военкомат јанда қалық көп. Жууға партитан уулдар катом-колу. Узадаға келген кижі көп. Мыкайла Моко ачазына айты: «Немецты јырағар пистиң јердең!». Оло тушқа машиналарға отырзабеди уулдарды. Моко түрчеле қамынып чықпады кузовка, қайаланып нени-нени қыйғыр жат. Машина јылабеди. Қыйғы-чыңы, пирде неме Мыкайла уғалбайат.

Пос туман көзине түш жат, јаштар пойлары ла ақ жат. Паза түрче турбалып, Мыкайла јанабеди. Јан жат меңдебей. Ичи-пууры пир табаш, қандый-қандый қыймат неме артысјитан дила. Мыкайла Моко ачазының айтқан сөстөрин уғалбай салды. Көс јетпестең фронтқо до мени албадылар, деп ачулан жат Мыкайла.

Јуу алдында Моко колхозто пригадир полып, электрик полып иштеген. Фронттоң қарындажына пир письмо ийген. Ачазының чийген сөстөрін Мыкайла эзинең түжүрбеди: «Сағышка түшпегер. Түгезе жақшы полор. Таңда жаан қағыжу полор. Фронтто пис-уулдар үзере тудушјақ. Пис көп. Түгезе бисти немец адалбас. Пистиң мында казахтар, орыстар, грузиндар, тадарлар. Мен – телеут алардың ортозында. Јеңү пистиң полор!». Экинчи письмодо похоронка полғон.

Извещение

Беловскому РВК Новосибирской области. Письмом сообщаем: Красноармеец Каргин Николай Алексеевич уроженец Новосибирской области Беловского района Бековского с/с в бою за Социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, 30 августа 1942 года при выполнении боевого задания погиб. Похоронен в могиле у дороги 1,5 км северо-восточнее д. Мелехово Ржевского района Калининской области.

Пу извещениеди Каргин Николай Алексеевичтаң ары сотрудниктар музейдиң архивта военкоматтың тапқандар.

Јуудың қату жылдарында немец ты жеңеге тың қыйналды Советский қалық. Төгөзө ишти јуу тужунда үй кижилери, палдар, қарғандар иштеди. Пазар күнде қалық ақча чығараға городко паратан. Андый күнде облава полотон. Эр кижилерди тудуп военкоматқа апарып, комиссия областьқа ийетендер, анаң ары фронтқо. Пир қатап облава Мыкайла қапқан. Комиссия чийген: «Не годен к службе в Армии», – деп. Көзи јетпес полғон. Фронтқо јарабаған кижилерди Гурьевский пороховой заводқо апарған.

Заводто мақа үй кижилери порох јазап иштеген. Эр кижилери ас полғон, алар инвалидтар фронтқо јарабаған. Түни-түжи завод иштеген, порох јазап. Қыстар уур ишке

чыдашпай обморок жығылатан. Ҷалаш карточка мынаң, 200 гр кижн пажына полотон.

Мыкайла көп иштеген, қачан чыдашпаған үй кижилердин ордына туратан. Пайковой қалажын Мыкайла жибей, палдарына жүған. Пойы изү ле ичип. Пир қатап аға выходной пербигендер, түнүн уқтарға. Мыкайла үйге јанаға тергенибиди, палдарға қалаш апараға.

Тадар айылдары Арыбайат, Сас Гурьевскийдаң 30 км. Јолой пойын Мыкайла меңдеп, чике јолчо јан јат. Јаан јолго чыққан колхозтың паштығы Кочубеев Ефим Михайлович малду учурапады.

– О, эзен, Мыкайла. Ҷайдаң јанјаң? – деп, паштық сурады.

– Эзен, Ефим Михайлович. Мен пороховой заводто иштептам. Выходной, тўнин тынанып уқтарға пергендер. Үйге јанјам, јандыра параға меңдепјам... Колхозто қайында иштепјағар? – деп Мыкайла айтты.

– Колхозто иштерге кижилер јетпейат. Мақа үй кижилери, палдар, қарғандар. Кўренип иштеп јалар. Сен јанып, колхозто иштеген ползоң че.

– Мен келер эдем. Фронтқо порох керек. Заводто нени айдарым.

– Колхозто кижн јоқ. Порох керек, қалаш фронтқо керек оқ. Мен военкоматта бронь саға суарым.

Паштық малду Мыкайлады үйне јетире акелбиди, айтқойды заводқо сегис часқа пурул, деп.

Эртен Мыкайла сегис часта заводто полғон. Казарма кирбей ле ишке парды. Тўш маңыңда бригадир Мыкайлады чығаға айтты. Кўн аяс тур јат. Паштық малду келқалтыр.

– Отыр, отыр Мыкайла. Мен сени апараға келдим. Колхозто иштерге военкомат сени пожодып ийди.

Је унайнда Мыкайла пойының колхозына јан келди. Бригадир улып иштеди.

Уур јаду полды колхозто жуу тыжында. Тоңгон карто-
коды да кижилер јиди, қырлықтаң қалаш пыжырып күнди
алдылар. Түгезе урожайды қазна апарып перетендер.
Фронтқо жулу киймдер, мелийлер, носоктор ийетендер.
Пир кижі арбанып ийлап јурбеди. Түгезе фронтқо, түгезе
победаға! Қалық күренип иштеди. Көп похоронка лар
қалық алды. Јеңү күн јеткелген, сүгүнчи акелди. Пистин
айылдаң 130 кижі жуудаң јанбай қалды.

Телеут қалық, ончо кижилер чылап Советский Союз-
тың, Победады куйаға қыйналды.

Потапова Ирина Михайловна

Телеутский язык

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОЕГО ОТЦА КАРГИНА МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВИЧА

Шёл 1920 год. Разруха. Голод. Люди не успели оправиться от гражданской войны, как началась страшная эпидемия – тиф «Испанка». От этой напасти умирали люди целыми семьями.

В тот год у шестилетнего Миши от тифа умерли отец и мать. Остался Миха с братьями: с восьмилетним Степаном и десятилетним Николаем у старой бабушки Картан. Жили они в ветхой избушке. Бабушка часто болела. Старшие братья ходили на работу, помогали богатым убирать урожай, пасти скот. Маленький Миха не отставал от братьев. Вставал рано, чтобы не опоздать на работу.

Осенью Миша верхом на лошади боронил хозяйское поле. Начались холода. По ночам лужи покрывались льдом. Шапка и пальто у Миши были старые, штанишки прохудились, и из дыр выглядывали розовые детские колени. Хозяин полей дядя Согон подходил к Мише, растирал ему колени, хлопал по спине, спрашивал: «Что, Миша, холодно, мёрзнешь?». Потом, не дожидаясь ответа, брал пучок соломы, обвязывал колени и приговаривал: «Так будет теплее». Боронил Миша целый день. Вечером дядя Согон брал из большой кучи одну большую картофелину и давал мальчику за работу. Положит Миха картофелину в верхонку и бегом домой к бабушке. Бабушка Картан из этой картофелины варила суп, добавляя

травы и различные корни. Она была старенькой и часто корила себя за то, что не может работать. Молилась, просила здоровья внукам и себе. Картан мысленно удивлялась: как же при таком достатке Согон за работу сироте даёт всего одну картофелину, хотя в амбарах всё есть.

ДЯДЯ СОГОН

Дядя Согон – мужчина лет сорока пяти, высокий, худой. Жена его Наталья – высокая полноватая женщина с грустными глазами, молча разглядывала детишек-сирот, пришедших к ним на работу. Ворота амбара были открыты. Там хранились в кадушках масло, творог, мясо. Пахло прокисшим молоком, плесенью. В хозяйстве у дяди Согона было восемнадцать дойных коров, лошади, овцы. Земли засеивал пшеницей и засаживал картофелем.

Дядя Согон был из рода Ютту. Прожили они с женой почти двадцать лет, но почему-то бог им детей не давал. Вот только к старости родились сын и дочь. С хозяйством самим справиться было тяжело. Нанимали детей. За работу давали картофель, а иногда немного хлеба.

В тридцатые годы дядю Согон раскулачили, отобрали скотину и земли. Его дети выросли, и так же как и все советские люди пошли работать в колхоз.

В КОЛХОЗЫ

Миша в школе не учился, так же как и его старшие братья. Нужно было зарабатывать на пропитание. Летом мальчики ходили в лес: собирали ягоды, грибы, травы. Ягоду и травы ели свежими и сушили на зиму. Грибы мыли и долго варили, меняя воду. Ели грибы без ничего. В детстве Миша так объелся грибов, что потом, во взрослой жизни, никогда не собирал и не ел грибов. Он и детям своим не разрешал собирать грибы. Говорил: «Грибы – пища бедняков!».

Но вскоре от старости и болезней умерла бабушка. Остались мальчики круглыми сиротами, стали жить одни. Теплоту материнскую давало солнце, а ветер был им отцом. Уходили утром на подённую работу, а вечером приходили в остывшую избу. Миха был очень ловким, быстрым, смышлёным. Очень хорошо умел считать, запоминал всё, что слышал от взрослых.

В 1932 году стали образовываться первые колхозы. Первыми в колхозы пошли бедняки. Михаил вступил в колхоз «Крачи» («Пахарь»), который был организован в деревне Челухоево. В то время ему было 18 лет. В 1935 году в родной деревне Верховская организовали колхоз имени Энгельса, и Миша перешёл работать туда.

В первые годы колхозов было очень трудно. Не хватало семян, мало было лошадей. Только в 1937 году, когда в колхозе появился трактор Бачатский МТС, жизнь колхозников улучшилась. Все работы в то время выполнялись вручную: сеяли, жали, вязали снопы, молотили пшеницу. Летом заготавливали сено для скотины. Косили траву ручной косой «литовкой». Сено сушили, потом сгребали и складывали в копна. Летом на каникулах школьники помогали колхозникам в уборке сена. Мальчишки были копновозами. Верхом на лошади подвозили сено на волокушах. Взрослые мужчины –

мётчики, кидали сено в стога. За день успевали сметать два стога. Так было в бригаде мётчика Михаила. Бывали и такие бригады, где за день кое-как успевали сметать только один стог. В обеденный перерыв отдыхали, поили коней. Работа была тяжёлая. Требовалась большая физическая сила.

Однажды в жаркий летний день все колхозники с детьми были на покосе. Ушли на работу рано утром. Пока не высохла роса, покосить, а потом сгребать сено и копнить. В деревне остались одни старики и малые дети. Председатель колхоза вместе со всеми был на заготовке сена. Только начали грести траву, едет на коне секретарь райкома. Какой-то он был необычный, весь взъерошенный, смотрит по сторонам и погоняет коня. Что-то неладное почувствовали колхозники. Председатель остановил работу, собрал всех. Секретарь сообщил ужасную весть: «Началась война. Германия без предупреждения напала на Советский Союз. Бомбят наши города...» На несколько секунд воцарилась гробовая тишина. Потом громкий женский голос будто разрубил эту тишину: «О, горе какое, горе!» – и все женщины заплакали в голос. Дети, не понимая ужаса всего случившегося, вопросительно смотрели на взрослых. Это было 22 июня 1941 года.

С утра погода была ясная, небо чистое. Вдруг, откуда не возьмись, набежали чёрные тучи, подул порывистый ветер. Грянул гром, сверкнула молния. Начался проливной дождь. Никто не спешил укрыться от дождя. Все сгрудились в одну толпу и ещё некоторое время стояли молча, не замечая ни грома, ни дождя. Никто не спешил, все шли домой пешком. На телегу погрузили инвентарь, на другую телегу посадили детей. Лошадей вели под уздцы.

Михаил шёл молча. Только успел он жениться, построить свою маленькую избу. Родилась дочь. Только стала налаживаться колхозная жизнь крестьян, началась Великая Отечественная война.

ВОЙНА

В деревне всё стало по-другому. У всех в глазах была тревога. Мужчин стали забирать на фронт. Кому-то приходили повестки из военкомата, а кто-то, не дожидаясь повестки, шёл на фронт добровольцем.

Михаила с братом Степаном на фронт не взяли из-за слабого зрения. А старший Николай был призван на фронт в первые дни войны. Дома осталась жена Прасковья с четырьмя детьми. Михаил заколол единственную корову, мясо продал. Вырученные деньги отдал брату Николаю. Запряг Михаил пароконку*, повёз брата в военкомат города Белово. По дороге вспомнили босоное детство. Николай часто курил, старался быть весёлым.

Приехали, на площади народу видимо-невидимо. Кто на фронт – с котомками. Провожающих много. Успел Миха обнять брата и сказать: «Бейте этих проклятых немцев». Раздалась команда: «По машинам!». Все очень быстро сели на открытые грузовые машины. Николай в два прыжка залез на кузов машины, оглянулся, и машина тронулась. Толпа провожающих загудела – все кричали. Николай махал рукой и что-то кричал, но в шуме толпы Михаил ничего не слышал. Серая пелена затянула глаза, слёзы потекли по щекам. Постояв несколько минут, Михаил поехал на пароконке домой. Ехал медленно. Понурые кони брели по грунтовой дороге. В душе Миши кипело странное чувство: что-то дорогое отняли у него. В груди таилась обида, что из-за зрения его не взяли на фронт. Досадно было, что не слышал последние слова брата.

До войны Николай работал в колхозе имени Энгельса бригадиром, электриком. Успел написать с фронта брату только одно письмо. Письмо не сохранилось, но Михаил

* **Пароконка** – повозка, запряжённая парой лошадей.

помнил каждое слово, написанное братом. Николай писал: «Всё будет нормально, не переживайте. Здесь, на фронте мы – солдаты, как одна большая семья. За Родину завтра пойдём в бой. Нас много: и русские, и казахи, и кавказцы, и татары, и среди них я – телеут. Наша армия несёт большие потери, но это только пока. Я ещё раз говорю, что нас много. Всех не перебьют. Победа будет за нами! Самое главное: вы только верьте в Победу». Следующее письмо с фронта – это похоронка.

Извещение

Беловскому РВК Новосибирской области. Письмом сообщаем: Красноармеец Каргин Николай Алексеевич, уроженец Новосибирской области Беловского района Бековского с/с в бою за Социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, 30 августа 1942 года при выполнении боевого задания погиб. Похоронен в могиле у дороги 1,5 км северо-восточнее д. Мелехово Ржевского района Калининской области.

Это извещение о гибели Каргина Николая Алексеевича нашли сотрудники историко-этнографического музея в архивах военкомата.

В суровые военные годы делалось всё для победы над врагом. В деревнях остались одни женщины, старики, дети. Они и вели всю работу в колхозах. В воскресные дни выходили все сельчане на городской рынок продавать сельскохозяйственные продукты. В начале войны в базарные дни устраивали облавы. Забирали всех мужчин в военкомат, а оттуда отправляли в областной центр на медицинскую комиссию, а затем на фронт. В такую облаву попал и Михаил. На комиссии установили, что он не годен для службы в армии из-за слабого зрения. Комиссованных отправили для работы в Гурьевский металлургический завод.

В годы войны завод производил порох для фронта. На пороховом заводе работали в основном женщины, молодые девушки. Мужчин было мало, это были те, кто не пригоден к строевой службе, то есть инвалиды. Работали не покладая рук от зари до зари. Многие девушки не выдерживали такого ритма, падали в голодные обмороки. Хлеб выдавали по карточкам, 200 грамм на человека. Михаил работал и днём и ночью, приходилось заменять женщин, которые падали от изнеможения. Он не ел свой паёк, складывал в вещевой мешок для своих детей. Рабочим давали похлёбку-суп, этим супом он и питался. Вот, наконец, выпал выходной. Ночь он мог поспать, но решил сходить пешком домой, помыться, отнести хлеб детям.

Телеутские деревни Челухоево и Верховская находились в 30 км от города Гурьевска. К утру Михаил должен был вернуться на работу. Шёл он быстро, по лесам напрямую, чтобы сэкономить время. Летние ночи короткие, стало светать. Когда Миша вышел на просёлочную дорогу, встретился ему на коне председатель колхоза Ефим Михайлович Кочубеев.

– О, здравствуй, Михаил! Откуда ты это идёшь? – спрашивает председатель.

– Здравствуйте, Ефим Михайлович! Я работаю на пороховом заводе. Решил за ночь проведать семью. Выходной, дали ночь отдохнуть, поспать. Вот и решил... Как в колхозе дела?

– В колхозе дела неважные. Стараемся для Победы. – Немного помолчав, Ефим Михайлович добавил, – работать некому, скоро уборка. Может тебе лучше в родном колхозе работать?

– Я бы не против. Но как на заводе скажу? Порох необходим фронту.

– У меня в колхозе, понимаешь ли, работать некому. Порох нужен, но как без хлеба солдатам?! Я в военкомате оформлю на тебя бронь, раз ты не пригоден к строевой.

Председатель подвёз Михаила до дома и наказал, чтобы он вовремя прибыл на завод.

Утром к восьми часам Михаил вернулся на завод. Не заходя в казарму, пошёл на работу. Опаздывать или без ведома не выходить на работу было нельзя. За это судили и давали срок. Прошло часа три. Бригадир позвал Михаила на выход. Утро было солнечное. На дворе стояла запряжённая лошадка председателя.

– Садись, садись. За тобой приехал! – Скомандовал Ефим Михайлович. – Дали тебе бронь. Будешь работать в колхозе.

Вот так вернулся Михаил в родной колхоз. Стал он работать бригадиром.

В колхозе у всех женщин мужья были на фронте. Все старались выполнять план. Почти весь собранный урожай сдавали государству. Кроме этого сдавали тёплую одежду, шерстяные рукавицы, носки. Царил холод и голод. Никто не роптал, не плакал. У всех была одна мысль: «Скорее бы кончилась война. Скорее бы Победа». Приходилось собирать на полях мёрзлую картошку, колоски. Печь из пшеничных отходов лепёшки.

За время войны много похоронок получили односельчане. Весть о Великой Победе застала колхозников на поле. Какое было ликование. Все стали обниматься и поздравлять друг друга. Многие плакали, но это были слёзы радости.

Во время Великой Отечественной войны из Бековского сельского совета было мобилизовано более 300 человек, 25 из них ушли добровольно.

В боях за Родину в 1941–1945 годы наших односельчан погибло 130 человек.

Телеуты, как и весь многонациональный народ Советского Союза, внесли определённую лепту в приближение Победы над фашизмом.

Potapova, Irina Mikhailovna

Teleut language

**FROM THE RECOLLECTIONS OF MY FATHER
MIKHAIL ALEXEEVICH KARGIN**

The year was 1920, a year of ruin and famine. People had barely recovered from the civil war when a terrible epidemic broke out, the Spanish influenza. Entire families died from this disease.

That year, six-year-old Misha saw his father and mother die of influenza. Misha and his brothers were left: with eight-year-old Stepan and 10-year-old Nikolai, with their grandma Kartan. They lived in an old hut. Granny was often ill. The elder brothers went to work, helped the rich to gather the harvest and graze the cattle. Little Misha didn't lag behind his brothers. He got up early so he wouldn't be late for work.

In the autumn, Misha ploughed the farmer's field on horseback. The cold weather began. The puddles were covered with ice at night. Misha's hat and coat were old, and his pants were threadbare, and his pink knees could be seen through the holes. The owner of the fields, uncle Sogon came up to Misha, rubbed his knees, slapped him on the back and asked: "Well, Misha, are you cold, are you freezing?" Without waiting for a reply, he took a bunch of straw, wrapped it around his knees and said: "That will keep you warm". Misha spent the whole day ploughing. In the evening, Uncle Sogon took one large potato out of a big heap and gave it to the boy for his work. Misha put the potato in his coat and ran home to granny. Granny Kartan

made soup from this potato, adding herbs and various roots. She was old and often cursed herself for not being able to work. She prayed for the health of her grandchildren and herself. Kartan was surprised that Sogon, who was so well-off, only gave one potato to an orphan for his work, although in his storehouses he had everything.

UNCLE SOGON

Uncle Sogon was a man of 45, tall and thin. His wife Natalya, a tall, plump woman with sad eyes, silently looked at the orphans who came to work for them. The gates of the storehouse were open. Butter, cottage cheese and meat were kept in vats there. There was a smell of sour milk and mildew. Sogon had 18 milk cows, horses and sheep on his farm. He planted wheat and potatoes on his land.

Uncle Sogon was from the Yuttu clan. He and his wife had lived together for almost 20 years, but God had not given them any children. Only when they were older were a son and daughter born to them. They found it difficult to manage the farm themselves. They hired children. They gave them a potato for their work, and sometimes a little bread.

In the 1930s, Uncle Sogon was dispossessed as a kulak, and his livestock and lands were taken away from him. His children grew up, and like all Soviet people they went to work on a collective farm.

TO THE COLLECTIVE FARMS

Misha didn't go to school, and neither did his elder brothers. They had to earn a living. In the summer, the boys went into the forest: they gathered berries, mushrooms and herbs. They ate the berries and herbs fresh, and also dried them for winter. They washed the mushrooms and boiled them for a long time, changing the water. They ate the mushrooms by themselves. In childhood, Misha ate too many mushrooms, and when he was grown up, he never gathered or ate them again. He didn't let his children gather mushrooms. He would say: "mushrooms are the food of the poor!"

But soon their grandmother died of old age and illness. The boys were complete orphans, and they began to live alone. The sun gave them a mother's warmth, and the wind was their father. They went to work in the morning, and in the evening they came home to a cold hut. Misha was very clever, quick and imaginative. He was very good at counting, and remembered everything that he heard from adults.

In 1932, the first collective farms were established. The poor were the first to go the collective farms. Mikhail joined the collective farm "Krachi" ("Ploughman"), which was organized in the village of Chelukhoevo. He was 18. In 1935, the Engels collective farm was founded in his native village of Verkhovskaya, and Misha went to work there.

The first years of the collective farms were very difficult. There were not enough seeds and there were few horses. It was not until 1937, when the Bachatsky tractor was first used at the farm, that the life of the workers improved. All the jobs were done manually: sewing, harvesting, binding sheafs, grinding wheat. In the summer, the hay for the cattle was prepared. The grass was mown with the "Litovka" scythe. The hay was dried, then gathered up and put in bales. Boys carried the bales.

They transported the hay on horse-drawn carts. The adults threw the hay into stacks. They could fill two haystacks in a day. That was the way it was in Mikhail's crew. There were also crews which could only fill one haystack in a day. In the lunch break they rested and watered the horses. The work was hard, and required great physical strength.

On one hot summer's day all the collective farm workers and their children were out mowing. They had gone to work early in the morning. They had to mow until the dew had dried, and then gather the hay and put it in sheafs. Only old people and little children stayed in the village. The head of the collective farm was with all the workers. They had just started to rake up the grass, when the secretary of the district committee came riding up on a horse. There was something unusual about him, he was quite disheveled, looking from side to side and spurring on his horse. The workers felt something was wrong. The chairman stopped the work and assembled everyone. The secretary reported terrible news: "War has begun. Germany attacked the Soviet Union without warning. They're bombing our cities..." There was deathly silence for a few seconds. Then a woman's loud voice broke the silence: "O, what misery, misery!" and all the women began crying together. The children, not understanding the horror of what was going on, looked questioningly at the adults. It was the 22nd of June 1941.

Since morning, the weather had been clear and the sky bright. Suddenly, from out of nowhere, black clouds covered the sky and a strong wind began to blow. There was thunder and lightning, and it began raining heavily. No one hurried to shelter from the rain. Everyone gathered in a crowd and stood silently for a while, not noticing the thunder or the rain. No one was in a hurry, and everyone walked home. The equipment was put in one cart, and the children rode in another. The horses were led by bridles.

Mikhail walked silently. He had just got married, built a small hut, and had a daughter. Collective farm life had just started to get underway when the Great Patriotic War broke out.

THE WAR

Everything in the village changed. Everyone had alarm in their eyes. The men began to be sent to the front. Some received notifications from the military office, while some didn't wait, and went to the front as volunteers.

Mikhail and his brother Stepan were not sent to the front, because of their poor vision. But the oldest, Nikolai, was drafted in the first days of the war. His wife Praskovya and their four children remained at home. Mikhail slaughtered the only cow and sold the meat. He gave the money to his brother Nikolai. Mikhail harnessed a pair of horses, and took his brother to the military office in Belovo. On the way they recalled their barefooted childhood. Nikolai smoked a lot, and tried to be cheerful.

They arrived to find a square filled with people. Some were bound for the front with knapsacks. Many of them were being seen off. Misha hugged his brother and said: "Beat those damned Germans". The command was given: "To the trucks!" Everyone got into the open trucks very quickly. Nikolai got into the truck in two leaps, looked around, and the vehicle started moving. Everyone shouted as they saw off the soldiers. Nikolai waved and shouted something, but Mikhail couldn't hear anything above the noise of the crowd. A grey film covered his eyes, and tears ran down his cheeks. After standing for a few minutes, Mikhail went home in the cart. They travelled slowly. The tired horses moved along the gravel road. Misha had a strange feeling inside: something dear had been taken from him. He was angry that he

had not been accepted into the army because of his vision. He was sad that he hadn't heard his brother's parting words.

Before the war, Nikolai had worked on the Engels collective farm as a brigade leader and electrician. He only managed to write his brother one letter. The letter was not preserved, but Mikhail remembered every word his brother wrote. Nikolai wrote: "Everything will be fine, don't worry. Here, on the frontline, we soldiers are like one big family. Tomorrow we will go into battle for the Motherland. There are many of us: Russians, Kazakhs, Caucasian, Tatars – and I am the only Teleut. Our army is suffering major losses, but this is only temporary. As I say, there are many of us. We won't all be killed. Victory will be ours! The most important thing is that you must believe in victory". The next letter from the frontline was a death notice.

Notification

To the Belovsky District Military Commissariat of the Novosibirsk Oblast. This is to report:

Red army officer Nikolai Alexeevich Kargin, from the settlement of Bekovsky, Belovsky region, Novosibirsk Oblast, faithful to his military oath in the battle for the Socialist Motherland, displaying heroism and courage, was killed in combat on the 30th of August 1942 in battle. He is buried in a grave by the road 1.5 km to the northwest of the village of Melekhovo, Rzhhev region, Kalinin Oblast.

Employees of the history and ethnography museum found this death notification for Nikolai Alexeevich Kargin in the archives of the military commissariat.

In the bleak war years, everything was done for victory over the enemy. Only women, the elderly and children remained in villages. They did all the work on the collective farms. On Sundays, all the villagers went to the town market to sell produce from

the farm. At the beginning of the war, raids were conducted on market days. All men were taken to the military commissariat, and then sent to the Oblast center to the medical commission, and then to the frontline. Mikhail was caught by one of these raids. But the commission established that he was unfit for service in the army because of his poor eyesight. The commission sent him to work at the Gurevsky metallurgical factory.

In the war years, the factory manufactured gunpowder for the frontline. Mainly women worked at the gunpowder factory. There were few men, only those who were unfit for service, i.e. invalids. They worked constantly from dawn to dusk. Many of the women could not endure this work schedule and fainted from hunger. Bread was given according to a card system, just 200 grams per person. Mikhail worked day and night, replacing the women who had fainted. He didn't eat his ration, but put it in a bag for his children. Workers were given soup, and this soup was all he ate. Finally, he got a day off. He could have spent the night sleeping, but he decided to walk home, to wash himself and give his children bread.

The Teleut villages of Chelukhoevo and Verkhovskaya were 30 km from the town of Gurevsk. Mikhail was supposed to be back to work in the morning. He walked quickly through the forest, to save time. The summer nights are short and it began to get light. When Misha reached a village road, he encountered the collective farm chairman Yefim Mikhailovich Kochubeev on his horse.

“Hello there, Mikhail! Where are you going?” the chairman asked.

“Hello, Yefim Mikhailovich. I work at the gunpowder factory. I decided to visit my family during the night. It's a day off, and we were given the night to rest and sleep. So I decided... How are things on the collective farm?”

“Things aren't so great. We're working for victory,” the chairman said, then after a pause, he added: “We don't have

enough workers, and soon it will be the harvest. Maybe it would be better for you to work on your local farm?”

“I wouldn’t mind. But what will I tell them at the factory? The frontline needs gunpowder.”

“I just don’t enough workers on the farm, you understand. We need gunpowder, but how can the soldiers live without bread?! I’ll send an application to the military commissariat, if you’re not fit to serve.”

The chairman took Mikhail home and ordered him to return to the factory on time.

Mikhail arrived at the factory by 8 in the morning. Without going into the barracks, he went to work. It was prohibited to be late or not to go to work without warning. This was a punishable offense. Three hours went by, and the brigade leader called Mikhail to the exit. It was a sunny morning, and the chairman’s horse was already standing in the yard.

“Get in. I’ve come for you,” Yefim Mikhailovich ordered. “You’ve been transferred. You’ll work on the collective farm”.

So Mikhail returned to the farm. He worked as a brigade leader.

All the husbands of the women on the collective farm were in the army. They all tried to fulfill the plan. Almost the entire harvest was given to the state. They also contributed warm clothing, woolen gloves and socks. Everyone was cold and hungry. No one complained or cried. Everyone had one thought: “If only the war would end soon. If only victory would come.” They had to gather frozen potatoes and stalks in the fields. They baked bread from the remains of the wheat.

During the war, many villagers received death notices. News of the Great Victory came when the farmers were in the fields. The jubilation was incredible. Everyone hugged and congratulated each other. Many cried, but these were tears of joy.

In the Great Patriotic War, over 300 people were mobilized from the Bekovsky village council, and 25 of them were volunteers.

In the battle for the motherland in 1941–1945, 130 of our fellow villagers were killed.

The Teleuts, like the entire multi-ethnic nation of the Soviet Union, did their part in achieving the victory over fascism.

Прокина Татьяна Фёдоровна

Селькупский язык, нарымский диалект

Т҄АНЭГЭДЭЛ МАЖЕЛҚУП

На эпомында о́дыт.
Мажелқуп варгыҳа́ эдэгэт.
Табья́ варгэхадэт шэдэгут пая́хе.
Пая́ табэн чэнча: «Кваллэл нябэп. Мат армага́йп мужэр-
лебе».
Тэбэлгуп и́хыт тўльдэп ай квэнба кыгэнд нябэчэгу.
Чацэмбат таб нябэп.
Альчемба няб кыгэнд.
Кай мэгу? Кандук и́гу нябэп? Каналап таб а́ и́хыт,
аулжэмбат ма́тқэт.
Тәрба́ тэбэлгуп: «Мат онэк илебе нябэп кыгеутэ».
Таб онж патпа́ от.
Коумба́ куп, кек паркв́а...
Коднай а́ха ўнголджембат та́бэп.
Корг ўнголджембы́т, пидэрха́ та́бэп, х́апэжембат поп.
То́мба тэбэлгуп ма́т.
Чэнча онж пая́н: «Мат кандэ́жак, мат то́мбак нябга́лк, мат
квэ́жак.

Прокина Татьяна Фёдоровна

Селькупский язык, нарымский диалект

ГЛУПЫЙ ОХОТНИК

Это было весной.
Охотник жил в деревне.
Они жили вдвоём с женой.
Жена говорит: «Убей утку. Я сварю суп».
Мужик взял ружьё и пошёл на охоту к реке.
Убил он утку.
Упала утка в реку.
Что делать? Как достать утку? Собак он не взял, забыл дома.
Думает мужик: «Я сам утку достану из реки».
Он сам залез в воду.
Тонет мужик, громко кричит...
Никто не слышит его.
Медведь услышал, пожалел его, сломал деревце.
Пришёл мужик домой.
Говорит своей жене: «Я замёрз, я пришёл без утки, я проголодался».

Prokina, Tamara Fyorodovna

Selkup language, Narym dialect

THE STUPID HUNTER

It was springtime.

A hunter lived in the countryside.

He lived with his wife.

His wife said: "Slaughter a duck. I'll make soup".

The man took a gun and went to the river to hunt.

He shot a duck.

The duck fell in the river.

What should he do? How would he fetch the duck? He didn't take his dog, he left it at home.

The man thought: "I'll get the duck out of the river myself".

He jumped into the water himself.

The man started to drown, and shouted loudly...

No one could hear him.

A bear heard the man, felt sorry for him, and broke off a tree branch so he could get out.

The man came home.

He said to his wife: "I'm cold, I came home without a duck, I'm hungry".

Маргарита Пяк

Ненецкий язык

НОЙ ПИВАКОЦЯ

Хибяри нюдя һэвамда ивхалпвата һотаҗо хадамда' вадета. Һамнялада лескам', сомбой һодям' хада сертаҗгуда, хусувэй серкат һэдаҗгурта, ет' һамгэрихина няданзюрта. Мань небяни' небярим' ибиҗадм'. Тадҗо һэсьҗо пыда хасава нюхунанда, мань тидяханани илесь. Сабе' нина" хына нива" мэсету".

Һопой ирими танясь. Пыда сиднетҗэ нядна" маньрин нянани сацеты. Нюдя һэвыхыни пыхыдами ирини' ядрихина тeneв. Хасава нини", не нини" нин яемтамбсету, поҗгнандо' нидм' сюрсету. Мани ирини' ня харни' вавоцетыни', харни' тольсавэйнинзэ', харни' хыдясавэйнинзэ'.

Мале' Һаркамбой ненэцяҗэ хэмяхадани ирими етри' ивхалпив'. Пыда мэмы ялэда" илаҗгана саць тарана толха". Һопой тедав' сэвда хаямламахаваданда сими вуни табедаҗгу.

Пенсиян' хэмяхаданда тамна' нянана" илесь. Тарць' ямбхана ты" пэрць нисява" нядабасеты, мякана мэб"нанда Һацекэҗэ сидна" пэрцеты. Няна" тэя варемда мэцеты.

Ямтадухуна юхунина" пэёмахадана, небяна" мядм' хаврампа пяб" ирива" Һацекэҗэ сидна" Һобт маласеты. Тикы' пуд Һокаяҗэ мядэва" хамбилесетыва". Мяд палё"мяхана хуркари нэлорт Һока Һэсеты. Хасава няхаюни' ваҗго сабкасетыхы', маня" – не Һацекэҗэ – тикы ваҗгаха малавына яёлона" моёцетыва". Пэ Һэсьҗо (банка), няводо', Һани' Һамгэ таросыда тикан' такалцетына". Параданава" Һани' Һока Һэсеты.

Тикы' пуд ирива" лабкадава" тасеты. Юля неняни' ня мядэми' лабкахана высътесътыми'. Ирикуева" луца' вадам' ехэрадасъ. Хурка џэбта џод луца' вадавна сарехорць сидна" сахамламбасеты. Манднив: «Сававна лабкатары, чтоб совсем лысо было». Тикахананда манив џобкарт табор" яёл" тикахана нёя хаю.

Маньяни' лабкатаџго варемы мэцьтыни', ханяџэхэна ванерабцё ирими' ханяни' хонра: «Ханзер? Лысо?»

Илибей нисява" тыда нюракуць пэдасятдакы, ханяџэхэна нянана" хампабцёда ирива" мание" янамбовна варнэрцеты. Манднив: «Тикы вэсакояхав сяха' сянакурць џэва-даџгоданакы?»

Ирина" ямданава' ёльцеџгана нянанда тобьева падкоцяда танясеты. Тикамда мяды' мюня хаёвы џамгэрихит пандасетыда. Хувыда хуркари џэсеты. Илибей небяна" ёпда џумбья", нибя", нисядана хаюрта сересь", пясик", тэнако". Ненэйвавна мяды' мюд пэ џэся' (банкы') няв хосьтыва. Тикыд тамальџгана маџг џамгэ' џэнисям. Тикы' хавна тамна џока таранам' падкоцянда' мюня манэцетыва".

Ѓанимбой ирина" етри' нямбаваы манзая тикы поёрма. Пыдьеда харта пядамда мэванзь ханцеты. Ихибцяџгана маторкая" неруда пэцетыда. Ѓадьбьята ямданаб" тикыда мядэна нида хаебасету. Талерка кор' мю сабсетыда. Нисява" тарцям' манэ"пата идя ни хасенасету. Саџгом' едеванда' нид кор' мюй пякоцяи хэвня моёман харвасетыда. Ириева" тикы е"эмня мунм' ни соясету, небяна" вада тяха' ни џэсету. Мея-кода кор' мюй неру' ед џобтарем' лаханорцеты:

– Тяхананда пя маџгм' ховэранё. Тюку пяя" тюкона хаёя". Пэдара сяџар џэрха, илева' ямбан парадава толха нинё џа.

Ириева" пида мэта хананда џамдёр' џыл пэнзтыда. Мань хананда' вэняна тибюдаџэ сими нянда хаџгая" хонаркосеты:

– Ѓамдарка хоркарт. Тоёна?

Мань нянани неру' ниня җамдө сабе' та' ед ни җәсету. Хурка җәбта җод манзетыдм':

– Ниңә. Саць сава, лимбикако.

Несэй яхана мядона палмахадана тёняңы хасава” тамдая поёрць хэб”, маня” мале’ тодасетыва”.

Ириени’ нямна ивхалмдами харта җокаркаи. Пыдъеда җамгэ’ нянана таравахад, җамгэ толха вади сейхана намдван харвавахадана” җахакуд теневавэраха җәсету.

Җацекэңэ тохолкована’ маляңгана интернатхана иле-ваць”. Тикы по мани’ нябакони’ ня самляңгумдей классан’ хаянинз’, хасава няхаюни’ сибимдейм’ пяңаханз’. Хойхана мэта панына’ ейңэ интернатхана луца’ паны” мэцьтыва”. Хусувэй по хор” иры’ пуданахана сырэй мэта имбытатва” тамбсеты”. Хусувэдо’ пальтом, луца сави, җоба”, платье”, куртки (ламбана едэйко мэта куртки), валенкаңэ нюмдебада ной пивакоця” нямсеты”. Мани’ неняни’ ня мале’ җаркамбой не җацекэңэ ниним’ хань, тюкона мананё ябтакo пирибця’ няю хамедайни’. Тикы’ янхад тасиримна паской имбытат харвасетыни’.

Тадңо җәсьңо манзьван луца’ панэян’ пон тохо ямадамз’. Импытадони’ сисьё сянпой ныдцетын’, җобни’, савами’ ханяңэхэна юмын җәсьтын’. Та’ е”эмня мальцяхавами сава җәсету: җобахаюда’, савада няданда переңаха’.

Ненэйвавна җәхэнани мэцини” пон ни ханцету”. Тикы по яланда җопой иры мэсомахадани валенкыни җылдадо’ җэнакабта тансуйңэ хаяць”. Иня няңэюм’ валенками няхаданда ямбңэ хаясь. Вэ няңэюм’ тансуй җэванда’ нид җылдада няхар” тымтарсавэйңэ собкавысь. Тарем’ ядерць нянани ёльце’ сяткабтысь. Тиками такалпа вэ няңы җэми’ нянда’ тяха такалпасетыв’. Школахана линейка җэб” нини’ пуңяюна нусьтыдм’. Интернатан’ тоб”нани пинкабтада валенкахаюни’ сянпой екахая” ва”ав җыл мосьтыхыюн’. Тапочкахаюни’ серсетыдм’.

Ини' җыламна пинкабтада ной пивани' хэвъям' хэвня мован харвасев. Ханяңэхэна җани няхатани талерка сомбой валенкан' тадаван харвасетыв'. Таремгав вэва җэнисяв. Хусувэндо' валенкаханато' нубедо' хлоркахана падвыць". Мань пивахаюни җоб тарем' ненадумдавэхэнз'.

Җобңгуна валенкаями «ёць» таслав'. Җамгэ җыхы ян' ханавнавэ, интернат' ядан' сыра' җыл такалҗав'. Вэваривна җод такалмакэвэ, тикы яля' пэвсюмя' няна нянана" манзарана луци нева ёмэми валенками ховэда. Җыхы яхад хани вэнекоңэ пэвэда, тад манэманда мань валенкани' хэв җэвы.

Юля нябакоми сими лаволамба манзеты: «Тадри' сидна каникулаха хосая нисява" тута. Сырэй панына" тэвраңгу». Тикы вадав" тареңо ими вунидо' сумда. Тадри' җылека тецьда ладаңгуда, җаволава мят тапочката сюрберма толхаңэ вуни хант. Җотаңо интернатхана няцини" пинкабтада валенка-хаяни ни сырцету". Тикы е"эмня сими писядана җацекэхэв юңгосеты

Җобңгуна пэвсюмя' няна җаворомахадана сянаколва комнатахана мэваць". Диафильм" маниеваць". Лакри' нянана" манзарана не (воспитательва") нябакони' ня сидни' сензя' мю хаҗась. Мани' җамгэхэртм' нись хамедамба нини' җудадани нямыни', сянаколава комнатахад тарпыни'. Ханзер җэда сер!. Ямбкая коридор' малхана ирими ну. Мальцята, сава пибида сервы, җудаханата невхы рюкзаккоцямда нямби. Тарем' җыхы яхад сырап", нямбадада падкоцяда панҗась. Ирикэми сидни' севолҗа, воспитатель' мэлва комнатан' хаява". Сяхари ирими хойхад турп"нанда хуркари җамнялада җавар" тэвравы җэсеты. Пад' мюд тикыда сянпой тюхултетыда, сидна" җавламба пясеты.

Тедав җавар' ейңэ ирими рюкзаканда' мюд җамгэхэв пырикоям' нэкалпа пясь. Юля' ня ирини' җуди манзаравы' сер тари выркалыни'. Тикы нэкалпадада париденя җамгэринда' пеля җадимгава сейми саць җаркавна тоярць пэй.

Мань нянани сейми теда' пиня санавндархась. Ирини рюк-
зак' мюд ной пивакоцяха' мандэйханзь'.

– Ханяд намдсан? – подёми җыхы яхад нэкалҗав'.

Тикав тарси паской валенкакохо'! Саць едэйха', париденя
җэвакоциди' сомбовна ябирець". Тамини сера хорьҗахаюн'.

Нянани вули масьха'.

– Небяри едэй пивадамди' сэдась, – ирими вахалы", –
каникулаха тоб"нанди мэтыдима'.

– Манзяв мяд' мюня тамини валенката ядертадм', – саць
сэбине манзь ханав.

Ирими җамгэв' пират интернатхана нянани' мэсь. Пунав
ятналиць. Пыда җэдалё Сидоровскувна мяканда хэванзь
мэсь. Җаврана нябакохони хаейдась. Юля янамбоковна
хусувэй яля сидна" җавламбаҗгу. Мань, хасава няхаюни'
ня хубтахана җамди тамбаҗгу, пэвсюмя' няна ибтика луца
җавар" нямарпаҗгува".

Комнатани товани' маляҗгана нини" ваводо' мимб-
выць". Тадри' хонаванзь мэваць". Мань едэй валенкыни
мэць, тапочкини сялни җылна нямбахая ервомба вавни' няю
ялъяв. Ной пивакоцини екэйн, җамгэв пират ибидорҗадм':
едэй валенкыни ханя җабтаври сава җэдакы? Батарейка ни
мэҗгун, тиканда хасуйханё". Ва"ав' җыл? Юҗгов! Таремгав
вэвава, ва"ав' җылна җахат пинкабтада валенкаяхаюни' юсе-
даҗаха'. Тадхав тумбочка' ни мэҗахаюн. Таня' җабтавани'
нерня тумбачкам' санюй тохоцякохона тэҗав. Комнатана
иле нятини нини" пысаёмба, сэвдо' җармдахая валенкахани'
сырҗаць".

Җамгэ' пиркана җоб манейтана не җацекэя тумбачкани'
няю санэй". Пыдыяда интернатхана хусувэмдо' таҗылмтамба
тохобэй. Валенкакуни тари' җабояда, няҗоце"э җэяханда
сы"җаба пяйда. Җамгэд нянда нялмна! Пивини ертё' ёль-
цяҗгартан' нялра ямыда. Тарцям' манэць подёми җыхыяхад
нэкалҗав. Җани няхани" хорманзь миян. Нянани илена не

җацекы” валенкыни сера хорпидонзь”, сомбовна ханзеркая, пивини’ ябереня җэваха’ җудана нямзлембидонзь”. Җопой мань җадаханани хибяхартахандо’ ниць нял.

Си”ив яля’ нерденя яля – понедельник җась. Хэвы пи саць вэнзер хуныдамзь. Мале сян ёҗорэй сидюрҗадамзь. Юседавани’ сер ими хуняна школан’ едэй валенкахана хэвани’ нямна ядерҗась. Вунидм янамбовна ядаҗгу, сюрмба ханднидам. Хубтыхы линейкахана нини’ нерняю нябакони’ ядан нульяв. Вэняҗы җэми нерняку мэхэя нудм. Лаханана ерван’, җацекы” тохоламбадаха инзелехэрта нидм инзеле. Саҗоми җэхэни мэхэя ной пивакоцини тари’ ханзерпин.

Тикы яля хусувэй урокахана җудами тю”ури илыбивась. Хурка җамгэмэ вадеманзь тэмг хабтдарев җэвами тю”у илхая доскан’ хэсьтыдм. Тикы по савари оценки нямарпидамзь. Тецьда лата’ ниня җэни нива ханимоҗгад ной пивакоцяханы’ нихиюн екабю.

Тедав җарвомахадани саць сававна хамедав: ириями ханзер имбытодони мэмахадани теневавы. Хаморць турп”нанда җоб җамгэ рюкзаккоцянда’ мюд тэнако”, нибя”, сисьё” нэкалцеты. Җадовы имбытодона” сулорпа пясеты. Ириева” сидна” саць мюмдесеты. Пудана ёҗорэй ирими вступительной экзаменни малемяхадани хардахана хоминзь. Юля Хабаровской пединститутхана тохолкованзь тасладась. Мань җани’ Ленинградан’ пывась. Малҗэва ирикуими самляҗг по ямбан тохолкованзь мэвами намда идя вомасть. Җацекедрев няни юнра:

– Сидя сян по’ пиркана падарт тохола пиртар? Самляҗг похов тарси җоканё. Писавэй, ялясавэй падан. Варер җэя!

Имдя нивани вомтавоҗгадани манзь ханав:

– Хорсакэв. Варемы мэтадм. Маси пиртав.

Тикавхад сян нини’ вунини’ манэс.

Маргарита Пяк

Ненецкий язык

ВАЛЕНКИ

Многие, вспоминая своё детство, заводят разговоры про бабушкины пирожки, варенья и прочие вкусные вещи. В рассказах этих людей бабушка – главный человек их детства, заступница, «жилетка», в которую всегда можно поплакаться. Из своих бабушек я помню только одну – по матери. Но близкого общения между нами не было, она жила в семье своего старшего сына – моего дяди – как и принято у ненцев.

Зато у меня был ДЕД. Из всей нашей огромной семьи (а нас у отца и мамы восемь детей) он особенно выделял меня. С самого раннего детства помню себя только рядом с дедушкой. В чуме я постоянно находилась на его половине, не вступая в споры, шумные игры, возню своих братьев и сестёр. У нас с дедом был свой отдельный столик, своя посуда.

Сейчас, глядя на прошлое взрослыми глазами, нахожу мудрыми, правильными многие, если вообще не все, поступки ДЕДА. И понимаю, сколь велика моя потеря. Выйдя на пенсию, дед продолжал жить с нами в тундре, помогал нашему отцу в работе и ухаживал за нами. Последнее он делал с особым усердием, почти всё своё время отдавая нам. Когда перекочёвывали на новое место, укладывали в нарты вещи, а мама разбирала чум, дед собирал нас, детей, и мы все вместе принимались убирать место своего пребывания. Мальчишки рыли ямки по указанию дедушки,

а мы, девочки, укладывали в них разные банки, склянки и зарывали. Сухой мусор сжигали. Потом дед давал нам по гусиному крылу, и мы с сестрой Юлей, как старшие из девочек, начисто выметали место, где стоял наш чум. Дедушка был человек безграмотный, но иногда любил блеснуть знанием русского языка, а потому по-русски нам советовал:

– Надо вымести так, чтоб совсем лысо было.

Мы старались изо всех сил, время от времени, спрашивая деда:

– Лысо?

Его возня с нами раздражала нашего молодого отца, который устав от беготни за оленями, бурчал:

– И когда уже наиграется этот старик?

А мы, дети, удивлялись тому, что к концу уборки кожаная сумка деда наполовину заполнялась. Чего в ней только не было! Напёрстки, иголки, потерянные нашей молодой мамой, напильники и другие железки папы, пуговицы, нитки, крышки от банок (в то время вечный дефицит) и ещё много разных нужных вещей.

Постоянной обязанностью деда были дрова, он сам ездил за ними, распиливал пилой-двуручкой, колол. Поэтому, если оставались на чумовище дрова, дед непременно забирал их на новое место. Складывал в печку-буржуйку, стараясь сделать это незаметно. Но папа, заметив этот груз, всякий раз норовил выбросить поленья, говоря, что оленям будет тяжело везти настолько гружённые нарты. Дед всегда поступал по-своему. Он не перечил нашей маме, которая выговаривала ему:

– Познали же вы нужду в дровах. Оставьте эти поленья. Леса вон сколько, за всю жизнь не истопишь.

Дед молча складывал поленья на свои нарты, под шкуру-сидушку, а поскольку я всегда ездила с ним, подзывал меня и говорил:

– Ну-ка, попробуй сядь. Не жёстко?

Мне не совсем удобно было сидеть на поленьях, но я всегда отвечала:

– Что ты? Очень даже мягко.

Зато на новом месте, когда мужчины из других чумов только-только выезжали по дрова, в нашем чуме уже топились печь.

Вспомнить можно ещё очень много интересного. Дед тонко чувствовал нас, он как будто знал наперёд в чём мы будем нуждаться, каких слов ждём. Мы учились в школе-интернате райцентра. В тот год мы с сестрой были в пятом классе, братья на два класса старше. Как обычно, в конце октября нам выдали в интернате зимнюю одежду: пальто, шапки, варежки, байковые платья-халатики, лыжные костюмы и валенки. Мы с сестрой вступали в интересный возраст и, конечно, тайно мечтали о красивых нарядах. Я долго не могла привыкнуть к русской одежде: постоянно выдирались сами собой пуговицы, что называется, с «мясом», теряла варежки, оставляла то тут, то там шапку. Ведь привычная мне малица представляла собой универсальную одежду: там было «три в одном». Но особенно не удавалось мне «по-человечески» носить обувь. Вот и в эту зиму. Проносив всего лишь месяц новые валенки, я так «зверски» истоптала их, что левый валенок получился наполовину выше правого, на котором образовалась почему-то трёхслойная подошва. Меня это убивало. Приходилось всячески заворачивать правую ногу за левую. На школьной линейке я старалась встать в задний ряд, а придя в интернат, спешно снимала валенки и бросала их далеко под кровать и надевала тапки. Я очень долго думала, как избавиться от этого злосчастного валенка. Возникла даже нехорошая мысль поменять у кого-нибудь из девочек. Хотя это было невозможно: все валенки были подписаны хлорным раствором.

На моих тоже были выжжены мои же инициалы. Однажды решила потерять валенок. И не придумала ничего лучше, как закопать его около интерната (снега в ту зиму было очень много). Но, видимо, плохо я его зарыла. В тот же вечер наша воспитательница, уходя домой со смены, обнаружила мою «потерю». Издали она приняла торчащий из-под снега валенок за щенка. Конечно же, по надписи узнали, кому он принадлежит.

Сестра Юля предлагала потерпеть до зимних каникул, когда за нами приедет папа и привезёт зимнюю одежду. Но меня это не успокаивало. Я думала: очень скоро ударят морозы и уже в столовую невозможно будет бегать в тапках. Странно, что никто из интернатских не обращал внимания на мой уродливый валенок и дразнилок по этому поводу не было.

Однажды вечером, после ужина, когда мы все сидели в игровой комнате и смотрели диафильмы, вдруг вошла воспитательница и велела нам с сестрой выйти в коридор. Ничего не понимая, но почему-то взяв друг друга за руки, мы вышли из игровой. И – о, чудо! В конце длинного интернатского коридора стоял наш дед. Он был в малице, выходных бокарях, а в руках держал старенький рюкзачок. То, что рюкзачок не пуст, мы заметили издали. Дедушка обнял нас обеих и повёл в воспитательскую. Мы знали, что сейчас он доставит угощения, привезённые из тундры и примется кормить нас: так бывало в каждый его приезд. Но вместо угощения дед стал вытаскивать из рюкзака что-то чёрное. Мы с Юлей напряжённо следили за каждым движением его рук. А когда это чёрное наполовину стало видно, я вдруг услышала стук собственного сердца, которому, как мне показалось, стало не хватать места в груди, я явственно почувствовала, что оно сейчас выскочит. Потому что из рюкзака выпали валенки.

– Как ты узнал? – выдохнула я.

Что это были за валенки! Новенькие, аккуратные, с наклеенной блестящей чёрной калошкой. Я тут же примерила их. Они оказались мне впору.

– Мать сшила вам новые бокари, – сказал дед. – Приедете на каникулы, станете носить.

– Я буду ходить в валенках, даже когда поедем в чум, – гордо заявила я.

Дед ещё немного побыл с нами и ушёл, в ночь он собирался выехать на оленях в Сидоровск, а потом домой, в тундру. Юле, как старшей, он оставил всё съедобное и велел выдавать понемногу нам с братьями: утром – мясо, а вечером – сладости.

Я пришла в свою комнату, когда девочки уже расправляли кровати, готовясь ко сну. В новых валенках, с тапочками под мышкой, я гордо прошествовала к своей кровати. Сняв валенки, минут десять думала: куда же их поставить? Ставить на батарею показалось ненужным – они ведь сухие. Под кровать? О, нет! Это было бы кощунственно, ведь там, в углу, валялись мои старые уродливые валенки. Я поставила их на тумбочку, предварительно протерев поверхность тумбочки влажной тряпкой. Соседки по комнате изумлённо пялили глаза на моё сокровище. И вдруг самая здоровая девочка в нашей комнате, гроза и обидчица всех интернатских, подскочила к моей тумбочке и, схватив мои драгоценные валенки, стала натягивать их на свои толстые ноги. Она не смогла их надеть даже наполовину, я же, облегчённо вздохнув, предложила девочкам померить. Соседки по очереди мерили, рассматривали мои валенки, гладили руками блестящую калошку. Но ни одной из них они не подошли. Валенки впору были только мне.

Назавтра был понедельник. А всю ночь перед этим днём я плохо спала, просыпалась несколько раз и всё время

представляла как пойду (нет, побегу!) в школу в новых валенках. На утренней линейке я встала рядом с сестрой в первый ряд. Выставив вперёд правую ногу, я вполуха слушала директора, выступавших учителей. Опустив глаза вниз, я любовалась своими валенками. В этот день я тянула руку на всех уроках, и даже, если учитель просил отвечать с места, я, с гордо поднятой головой, всё равно выходила к доске. Принесла в интернат за этот учебный день только одни отличные оценки. Ссылаясь на холодный пол, я не спешила переобуваться в тапочки.

Сейчас, уже став взрослой, поняла: дед знал как «аккуратно» я умею носить непривычную мне одежду. В каждый свой приезд он доставал из заветного рюкзака нитки, иголки, гору разных пуговиц и принимался чинить наши вещи. Он был очень заботлив, мой дед.

А в последний раз мы виделись с дедушкой, когда сдав вступительные экзамены, приехали с сестрой в посёлок, чтобы месяц передохнуть перед учёбой. Юля поступила в Хабаровский пединститут, я – в Ленинград. Мой мудрый, безграмотный дед, узнав, что мне предстоит учиться целых пять лет, расстроился и как-то по-детски наивно спросил:

– А за два года бумагу (так он называл учение) осилишь? А то ведь пять лет – это очень много. Пиши там день и ночь. Старайся.

Чтоб не расстраивать его, я ответила:

– Я попробую. Очень буду стараться. Может, получится. Это была наша последняя встреча.

Pyak, Margarita Otkalevna

Nenets language

FUR BOOTS

When many people remember their childhood, they talk about grandma's pies, jam and other delicious things. For them, grandma is the main person in their childhood, who protected them, a "dress" which you could always cry in. I only remember one grandma, on my mother's side. But we were not close, she lived in the family of her elder son, my uncle, as is the custom among the Nenets.

But I did have a GRANDPA. From our enormous family (and I was one of eight children), he singled me out. From earliest childhood, I can remember being with my grandfather. I was always in his half of the tent, not involved in the arguments, noisy games and bickering among my brothers and sisters. My grandpa and I had a separate table and our own dishes.

Now, looking back at the past with adult eyes, I find that many of my grandpa's actions were wise and correct, if not all of them. And I realize how great my loss is. When he retired, grandpa continued to live with us in the tundra, helped our father in his work and looked after us. He did this last task with particular zeal, devoting almost all of his time to us. When we moved to a new place, and put items in the sleds, and mama took down the tent, grandpa gathered us children together, and we began to tidy up our new home together. The boys dug pits on grandpa's orders, and we girls put various jars and cans in them and covered them up. We burnt dry rubbish. Then Grandpa gave us a goose wing,

and with my sister Yulia, as the oldest girls, we swept the area where our tent had stood. Grandpa was illiterate, but sometimes he liked to amaze us with his knowledge of Russian, and so he advised us in Russian:

“You need to sweep it so it’s completely bald”.

We tried with all our might, and asked grandpa from time to time:

“Is that bald?”

The attention he gave us irritated our young father, who would grumble when he was tired of running after the reindeer:

“When is that old man going to get sick of it all?”

But we children were surprised that when we had finished tidying up, grandpa’s leather bag was half full. The things that were in it! Thimbles, needles lost by our young mama, files and other metal objects from Dad, buttons, threads, lids of jars (which were in constant shortage at that time) and lots of other necessary things.

Grandpa was always responsible for the logs, and he went to fetch them, sawed and chopped them. If there were any logs left in the tent, grandpa took them to the new camp. He put them in the stove, trying to do so without anyone noticing. But when Dad noticed, he always threw away the logs, saying that it would be hard for the reindeer to pull such overloaded carts. Grandpa always did what he wanted. He didn’t contradict our mother when she told him off:

“I know you used to be short of logs. Leave this wood here. There’s so much forest here, you won’t burn it all in a lifetime.”

Grandpa silently put the logs in his carts, under the hides we sat on, and as I always travelled with him, he called me over and said:

“Well then, try and sit down here. Is it too hard?”

I didn’t find it very comfortable to sit on the logs, but I always replied:

“Of course not! It’s actually very soft.”

But in the new place, while the men from other tents were only just going to fetch logs, in our tent the stove was already burning.

I can remember a lot of other very interesting things. My grandpa had a very subtle sense of what we were like, and he could know in advance what we would need and what words we expected to hear. We went to a boarding school in the regional center. That year, my sister and I were in the fifth grade, and our brothers were in the seventh. As usual, at the end of October we were given winter clothes at the board school: coats, hats, mittens, dressing gowns, skiing costumes and fur boots. My sister and I were entering an interesting age, and of course we secretly dreamed of beautiful clothes. It took me a long time to get used to Russian clothing: the buttons constantly fell off, taking bits of fabric with them, and I lost my mittens and hats. The parker I was used to was a universal form of clothing: it had “three-in-one”. But I was particularly bad at wearing shoes. That was how it was all winter. After wearing new fur boots for just a month, I wore them out so badly that the left one was twice as high as the right one, on which a triple-layered sole had somehow formed. This really annoyed me. I had to constantly put my right foot on my left. At school roll call I tried to stand at the back, and when I came to school, I took off my boots as fast as I could and threw them under the bed, and put on my slippers. For a long time, I thought about how to get rid of this terrible fur boot. I even had the wicked thought of taking one from another girl. Although this was impossible: all the boots had the names marked on them with chlorine solution. Mine even had my initials burned into them. Then I decided to lose my boot. I didn’t think of anything better than to bury it near the school (there was a lot of snow that winter). But I must have buried it badly. On that evening, our teacher, coming home from her shift, noticed

my “loss”. From a distance, she mistook the boot sticking out of the snow for a puppy. Of course, from the name on it she could tell who it belonged to.

My sister Yulia said I should wait until the winter holidays, when Dad would come and bring us winter clothes. But this didn’t reassure me. I thought that soon the frosts would come and I wouldn’t be able to go to the canteen in slippers. It was strange that no one at the boarding school noticed my deformed boot and didn’t tease me about it.

One evening, after supper, when we were sitting in the games room and watching film slides, our teacher suddenly came in and told my sister and me to come out into the corridor. Not knowing what was going on, but taking each other by the hand, we went out of the games room. It was a miracle! Our Grandpa was standing at the end of the long school corridor. He was wearing a parker and hunting boots, and holding an old backpack. We could see that the backpack had something in it. Grandpa hugged us both and took us to the teacher’s room. We knew that he would give us food that he had brought from the tundra: that happened every time he visited. But instead of food, he took something black out of the bag. Yulia and I carefully watched every moment of his hands. When I could see what the black thing was, I could hear my heart beating, and it felt as if it didn’t have enough room in my chest, and was about to burst out. The backpack contained fur boots!

“How did you know?” I sighed.

What fur boots they were! New, with a shiny lining. I put them on. They fit me perfectly.

“Your mother sewed you some new boots,” Grandpa said. “When you come back for the holidays, you can wear them.”

“I’ll even wear the boots in the tent,” I announced proudly.

Our grandpa stayed with us a little while and then left, as he wanted to go to Sidorovsk by reindeer, and then back home

to the tundra. He left Yulia all the food, as she was the oldest, and told us to give a little of it to me and my brothers: meat in the morning and sweets at night.

I went into my room, when the girls were already preparing to go to sleep. In my new fur boots, with my slippers under my arm, I proudly walked to my bed. I took off my fur boots, and thought for ten minutes or so: where should I put them? I didn't need to put them by the heater, as they were dry. What about under the bed? No! That would be wrong, because my old ugly fur boots were lying there in the corner. I put them on the bedside table, wiping the surface of the table with a damp cloth. The other girls stared in wonder at my treasure. And suddenly the biggest girl in our room, the terror of all the other girls, rushed to the table, grabbed my precious boots, and tried to put them on her fat feet. She couldn't even put them on halfway, and I sighed in relief, offering the other girls to try them on. They did so in turns, looking at the boots and stroking the shiny lining. But they didn't fit any of them. They were only right for me.

The next day was Monday. I slept badly all night, woke up several times and kept imagining how I would walk (no, run!) to school in the new boots. At the morning roll call, I stood next to my sister for the first time. I put my right foot forward, and barely listened to the headmistress and the teachers. Looking down, I admired my boots. On that day I raised my hand, and even if the teacher asked me to answer at my desk, with a proudly raised head, I still walked up to the blackboard. All my marks were perfect that day. Saying that the floor was cold, I was in no hurry to get into my slippers.

Now that I'm an adult, I realized that my Grandpa knew how "carefully" I treated unfamiliar clothing. Every time he visited, he took threads, needles and a pile of buttons out of his backpack and began to mend our things. He was very caring, my Grandpa.

The last time I saw Grandpa was when I had finished my entrance exams, and I went to the village with my sister to rest for a month before our studies began. Yulia had enrolled at an institute in Khabarovsk, while I was going to Leningrad. My wise, illiterate grandpa, learning that I was going to study for five years, got upset, and asked in a childish, naïve way:

“Can’t you learn paper (this is what he called knowledge) in two years? Five years is a long time. Write day and night. Please try”.

So as not to upset him, I replied:

“I’ll try. I really will. Maybe I’ll manage.”

That was our last meeting.

Роганина Евгения Иннокентьевна

Долганский язык

ҲАЛИИП

«Барар кэм бара туран, киһи олок олорбут үйэтин иллэр», – оннук диэн һуруйбута Г. Державин барар кэм туһунан. Барбытын да иһин, өйгөр каалаллар барбыт киһилэр. Онтунҕ былыргы өс көрдүк, өйгүттэн һүтэрбэккин.

Мин кэпсэлим, Новорыбнай мууңкаһыттарын туһунан. Тыһычча тогус һүүс алта уон иккилээк дьыл. Июль ый, һакалыы – кумаар ыйа. Тһа отторо боскуой да боскуой, киһи карагын үөрдэллэр. Һалаалар һистэрэ – барыта от эрэ. Эбэ кытылыгар балыкчыттар ураһа дьһэлэрэ тураллар. Араңастарыгар кэрдиилээктэр ыйааллан, күңңэ ката тураллар. Дьактаттар балык ыраастана олороллор, күөл кытылыгар, ыттар ас көһүттэллэр, оғолор – истэк.

Айылыы һынһамакка, мууңка кэмигэр, пылаан туоларын батыһан, кумаар ыйа бүтэн, мууңкаһыттар улакан һалиип диэк барар кэмнэрэ чугаһаата.

Мин ити кэмңэ уон икки дьыллааппын, Уйбаача балтым уон дьыллаак, һин да улакаммыт. Балтыбыт Таня түөрт дьыллаак. Ылгын буолан ньырамсык, муочуу багай. Иньэм аата Нааста, агам аата Иникиэн.

«Убаа, һалиипка көһөбүт, бэлэмнээниң», – мин тээтэбэр диэтэ бригадир Испиирэ. Биһиги, оғолор, бэрт үөрээчибит көһөртөн. Тээтэм, мин диэк көрөн баран диир: «Эн, Дьэб-гиэн, каал Пиэкла эбэгэр, улакаңһын, тугун барсыаңһый биһигини гытта, биһиги ыраак, һалиипка барабыт, тыаллаак

багай буолааччы». Онно, мин тээтэбиттэн коргутаммын, таһаара таксан ытыы турдаппына, бригадир Испиирэ ааһар. «Того, ытыыгын?» – ыйытар. Онно мин: «Убаа, мин тээтэбин гытта кэпсэт, «эбэгэр каал», диир». Онно гини һаңарда: «Того каалыагый, барсыаң биһигини гытта, көмөлөһүөккүн – бээ-бээ, тээтэгин гытта кэпсэтиэм». Иньэм ону истэн үөрбүт мин барсарбыттан. Тээтэм, мин диэк дьоһун багай көрөн баран диэтэ: «Дьэ, барыс, коппоппун диэн көрөөр, эрэ!».

Кас да күнү комуна һатаабыппыт барар таңаспытын. Һүүрбэ бэһистэк июльга камныбыт. Атаарар киһилэр, оголор, кытылы толору – ол иһигэр биһигини гытта барсар ыттар. Оголор ытааһаллар, ыттар үрэллэр, киһилэр күлсэр-кэпсэтэр һаңалара ууттан дэйэр, дьэңкэ күн буолан, бэсэлээ да бэсэлээ.

Бригадирдар иэдэйэллэр: «Түргэнник! Камнаатыбыт, камнаатыбыт, уолаттар, барың, луодкалары ууга кииллэриң!»

Тиэбириннээк неводниктары кытылтан үттүлэр. Тээтэм, биһигини һүгэн неводника олордор – иньэбитин, минигин, Таняны. Биһигини гытта Биэлка эдьийим, кыыс оголок, онтута ньууччага талы һырайдаак. Оготун гини – «Людка, Людка», – диэн ааттыр.

Уйбаача тээтэтин гытта атын луодкага олордулар. Барыбыт бэлэктэнэбит, эбэгэ алтан копейкалары барагаммыт, диибит: «Эбэкээним! Этэңүэтик төннүөккэ!».

Мин караппар аныга да талы көстөр биһиги кытылтан камныырбыт – кытылга атаара кэлбит киһилэр, биһиэкэ илиилэринэн даайбыллара.

Эбэ ортотугар улакан рыбзавод катера «Борис Шестақ» көһүтэн турар. Ол катерга таһагастарбытын тиэйэллэр. Бригадаһар луодкаларын катер кэнниттэн улакан быаларынан колбоон, кытаанактык баайбыттар, лодкалар бэйэ-бэйэ орокко кырбаныммактарын.

Биһиги, катер трюмугар киирэн олоробут: Котуу, Ардыы дьактара, Биэлка эдьиим Людкатын гытта, Кыыккайа, Байыскаан дьактара. Оголортон биһигэ эрэ. Кыыккайа үгүс уол оголоок, онтулара эбэлэригэр каалбыттара.

Утуйар, таҥнар таҥастарбытын бэйбитин гытта каалаа-быппыт. Иньэм дьактаттары гытта киһилэргэ олорор, хын-һанар тэллэк оҥордулар, һырыбыт ыраак. Таһаара ичигэс күн этэ, долгуна һуок. Барыбыт, таһаара паалубага иһэбит. Аҥар киһилэр, капитан рубкатыгар олороллор. Капитаммыт бэрт үчүгэй багай, Леффлер дядя Саша немецтартан каалбыт киһи. Репрессияга, һэрии һагына кэлбит киһилэр: немецтар, калмыктар, литовецтар, латыштар ити кэмнэргэ, каайы-лара бүтэн, һирдэригэр төннүбүттэрэ. Аҥар немецтар каал-быттара, Носкуо рыбзаводыгар үлэлээбиттэрэ. Дядя Саша Леффлер капитаанныы һылдыбыта өр багай, койутаан эрэ барда, эни.

Эбэ кэңээн, һалиипка киирэн, таһаарабыт тыалырбыт. Катер кэнниттэн луодкалар бэйэ-бэйэ кырбаналларыттан, уолаттар луодкаларга олорон кэтии иһэллэр. Буустар биэк уста һылдыбаллар, аҥардара улакан багайдар.

Киһи барыта тоҥоннор трюмҗа киирбиттэрэ. Киһи тыынан, ичигэс багай. Туустак балык импит һыта эрэ каал-быт.

Итии чаайныктары кыынһара-кыынһара, чаай иһэ-бит. Орокко ким утуйар, утуйар, уолаттар каарты оонһуу-лар. Мин кинигэны аагынабын. Людка, иньэтин аттыты-гар олорон, кууклатынан онһуу-ыллана иһэр. Бэйэтэ да кууклага талы, күөк карактаак, гылбагар, калтаҥ багай өрүү аскааннаак. Койут Уйбаан, гинини ыһаһактан, биэк диэгэ: «Куукла карага».

Төһө кэми барбыппыт дүүрү, уум иһигэр истэбин: «Туру-уң, туру-уң! Кэллибит». Көрбүтүм, каатербыт тикси-бит, кытылтан ыраак багай. Һалиип, мыс Гольгино. Канна

көрүөң, улакан байгал уута тыалтан көбүөлү турар. Кыра нырдар, кытылыгар көстөллөр.

Бригадалар луодкаларын хүөрүнэллэр тыал иһигэр.

Аны өйдөөтөккө, урукку мууңкаһыт киһилэр корсун да этилэрэ, эбит. Тыал луодкаларбытын аматык һаксыһар. Кайдак эрэ гынанныр: дыактаттары, биһигини (оголору), мотуордаак луодкага тиэйэн бараан, кытылга тийдибит.

Киһи олок оморбут оңкото да һуок, былыргы ледник оннута, кумагынан бүрүллүбүт. Дьэ чүңкүк да һиир эбит, кайдак гыныагый. Биһиги бу һиргэ ый кураһын олоруокпут мууңкалыы.

Иччэлээк һытыыттан, атактарбыт арачыкаан камныыллар. Биэлка эдьийим диир: «Дьэбгиэн, бар оголору гытта кытыл үстүн, маста комуууу!» Уйбаан, Людка, мин – кытыл үстүн мастары комуудубут, биир һуурт оңордубут. Кытыл үстүн иһэммин, көрөбүн, улакан багай өлбүт киһи кириэһэ һытар. Ньууччалыы һуруктаак: «Спи покойно, сынок». Таһара билэр, кантан устан кэлбитэй. Куттанаммын, оголорго диибин: «Барыагың, бүттүбүт!» Мас һүктэн баран киһилэр диэк каамтыбыт. Тыал иһигэр, киһилэр палааткаларбытын туттулар. Оһок оттуннулар, ичигэс багай буолла.

Ол түүн айыылыы, аһаарыйаммын, утуйбатым. Һоччоттон мас комуна ол кытылга барбатагым. Койут кириэһи улаттар ууга бараппытара.

Төрдүс күммүтүгэр ого киһилэр икки луодканнан һаарбыт каастана барбытара – Гусиха диэк. Үс күн буолан бараан, илчи каас эгэлбиттэрэ. Палааткалар аайы кааһы күөстүүлэр. Ол каас минньигэһин һытаа, аныга да талы өйдүүбүн. Оччого үйэгэ лавровай листы онтон каппыт луугу миңнэ уураллар. Онтон ордук туок баарый!

Гольгинага, уу кэлиитигэр мууңкалыыбыт. Мин эмиэ мууңкага үлэлиибин, мууңка килээһин комуууһут буоламмын киирэбин. Онтон уу тардытыгар балыктарбытын

туустуубут улакан чааннарга. Эбэкээним улакан багай мук-суннара, омуль үөрэ мууңкага кэлэллэр. Ол иһигэр эжин кыра одуу балыктар түбэһэллэр: каптагай балык – ньууччалыы «камбала» онтон «морской ёж» диэн ааттаактар. Ол камбалалары мин куурдан бараан, койут бэйэбин гытта интернатка эгэлбитим, оголорго ыаллаппытым.

Август кэлэн, күннэрбит киэһэ аайы караңараллар. Иньэм балык һыатынаан элиэйкэ оңорор, һин да һырдык, караңаны батыай.

Биир күн каллааммыт алдьанан: тыал да тыал, һамыыр да һамыыр. Аан туман, туок да көстүбэт. Каллан уута барыта түспүккэ талы. Кас да күнү һамыырдаата. Байгал долгуна кытылбытыгар улакан багайдык кырбанар да кырбанар. Палааткалар истэрэ кам илийбиттэр, тэстэ тураллар. Бригадирдар комулланнар, улакан һүбэ буолла; луодкалары барытын комуйан, арыы койньуутун диэк илийккэ. Камнаары гыммыттарыгар, улакан долгунтан луодкалар быалара быстан, Дьогдоо убайым үөгүүлүр: «Кайа, уолаттар, луодкаларбыт быалара быһынна, ыһыгынныбы-ыт!». Киһи һаңата да иһиллибэт, долгунтан. Онно бригадир Испиирэ тыал иһигэр үөгүлүүр: «Уолаттар, мөккүйүмэң, тыал аһыннагына көрдүү барыаппыт ээт, ууга киирэн өлөөрү гынагыт дуо?» Ол иһин калбыт луодкалары һоһон тыа диэк тартылар, долгун уута тийбэт көрдүк.

Гольгино – бэйэтэ улакан арыы. Олорор һирбит төгүрүччү уу; канна баран, канна кэлэн, һатаныаппытый.

Мин, Уйбаан, Биэлка эдьийим, Ардыы дьактара – Котуу кураанак һир көрдөнө барбыппыт, тыа диэк. Кайалара, чэкчээкээрэ, туок да һуок. Кураанак һири булбакка, төттөрү төннүбүптү.

Кас да күнү һамыырдаак тыал астыбата. Биһиги палааткабыт кураанак һиргэ турар, онно барылар

мунньустубуттара. Түүнү быһа палааткаларын, таңастарын каранан эрэ быспыттара, утуйбакка.

Ким да дьиэгэ олорор киһи һуок: барылары туустаак балыгы карайаллар, уолаттар мууңкаларын, луодкаларын абырактыыллар. Киэһэннэ атактарыгар арыччы уйдаран бараан, таңастыын утуйаллар. Киһилэр һутааран, һаңата һуок олололор.

Алтыс күммүтүгэр Өлөксүөй огонньор – эһэм, һарсиэр-дааңңы алта чааска, үөрэ-үөрэ көтөн киирдэ: «Кайаа, уолаттар, уубут тарпыт, туруң, туруң!». Мунна ого киһилэр кытыл үстүүн үөрэ-үөрэ: «Ура-а-ура-а, тыал аһынна, тыал аһынна!» – дии-дии, үөгүлүүлэр.

Улакан тыал астыбытын кэнниттэн, икки-үс күнү быһа, киһилэр кытыл үстүн мотуордаак луодканнан көрдүү барбыттара һүппүт луодкаларын. Неводниктар ыаракан буоланнар, алдьамматактар, икки будаарка эрэ алдьаммыттар. Нэдиэлэттэн ордук абырактанарга, куурданарга барбыта, ол иһин мууңкалаан бүппүппүт. Ити кэмңэ ньуучча аспыт бараммыт, киһилэр һаакара һуок чаайы иһэллэр. Иньэм агыйаак бурдугунан, балык һыатынан катарбалары буһарар. Тээтэм, Өлөксүөй эһэм, Уйбаача күөллэр диэк бараннар, кус ытыаланаллар. Кас эрэ куһу эгэлбиттэрэ, ону иньэм күөстээн, мин испиппит.

Таня балтым, иньэтиттэн һаакар көрдүүр, иньэтэ кантан ылыай. Гини ытыырын истэн, Өлөксүөй эһэм, чээлкээ баттагын көллөрөр: «Таня, көр бу баар һаакар, ылыаң дуо?» Таня, эһэтин көрөн, диир: «Эһээ, һуок, һуок, ылбаппын». Ноччоттоон, эһэтэ баарыгар, һаакары көрдөөбөт.

Күн аайы уолаттар, һалиип диэк рыбзавод катерын көрүлээн, бинокльлэри илиилэриттэн түһэрбэттэр.

Ол һагына туок рацийата кэлиэй. Чаай иһэ олордокпу-туна, таһаара Ньүмэ һаңата иһиллэр: «Көрүң, көрүң, улакан морскуой пароходтар буруолара көһүннэ!» Онно бригадир

Испиирэ диэтэ: «Кайаа, уолаттар, комунуң, аста көрдөнө барыаппыт, туустаак балыгы бэлэмнээң». Биир мотуорунан барбыттара. Киһи барыта кэтэһиигэ буолбуттар, бинокль – илииттэн илиигэ. Ол көрөбүт, биһиги мотуордаак луодкабытын гытта моряктар улакан луодкалара иһэллэр. Тиксэллэрин көһүтэн, киһи барыта кытылга тураллар. Ол гинилэр дэлби ньуучча аһын эгэлбиттэр бэйэлэрин луодкаларыгар.

Ол астанаммыт абыраммыппыт. Киһи барыта тотонаһаан нэдиэлэ аасытын биилбэккэ каалбыттара.

Август ыйбыт бүтэрин гытта, рыбзавод катера («Борис Шестак») кэлэн, ити һиртэн Рымнай диэк төннөбүт. Киһи барыта кытылы аасыппытын кэннэ бэлэктэнэллэр: «Эбэкээним! Этэңүэтик тийэккэ!»

Мин таһаара иһэбин, Гольгино ыраатан да ыраатан иһэрин көрөбүн. Чаайкалар биһигини атаараллар, кэннибиттэн талаан көтөн иһэллэр. Койут Гольгинага ким да барбатага, ити балыктаак һиир каалбыта.

Дьыллар аһаннар, өйбөр каалбыт ити дьоллоок ого эрдэнээки кэмим, ол баар киһи барыта һүрэппэр каалбыттара. Гэриэс киһилэrim: иньэм, агам, Биэлка эдьийим, Людка онуга Таня, Уйбаан балтыларым – өйбөр тутуулан каалың!

Роганина Евгения Иннокентьевна

Долганский язык

ЗАЛИВ

«Река времени в своём стремлении уносит все дела людей», – так писал Г. Державин о времени. Но воспоминания о прекрасных людях живут вне времени.

Летом солнце стоит высоко. День похож на ночь, всё время светло. Тёплое полярное лето в разгаре. Кругом белым ковром растут полярные ромашки и загадочно смотрят с пригорков голубые незабудки. Радует глаза необычные для этих мест цветы иван-чая, растущие в ложбинах.

Новорыбная, посёлок рыбаков, широко и раздольно расположился на берегу большой реки Хатанга. Посёлок стоит на широком галечно-песчанном берегу Карго, который укрывает от наводнения, подходит для установки чумов, и причаливания лодок, катеров. А когда начинает темнеть, весело зажигаются огни на бакенах и маяках, а в хорошую погоду отражаются на реке.

С реки летом, но особенно осенью, пахнет рыбой. Там, большие рыбацкие лодки-неводники, как и люди, ждут большую рыбалку. Тогда у нас были деревянные лодки и моторы СМ-4. Берегли рыбаки их – эти лодки были кормильцами. Судьбы лодок повторяют судьбы людей. Сейчас нет тех смелых и сильных людей. Нет и тех лодок, на которых можно было не боясь, выходить в любой шторм.

Посёлок начинается с пологого берега, уходящего вдаль к небольшим озёрам. Чуть поодаль стоят рыбацкие палатки

и несколько чумов. Они будут стоять на протяжении всего лета – то сниматься, то снова располагаться. И так до глубокой осени.

Август 1962 года, мы едем в Хатангский залив на рыбный промысел, до мыса Гольгино, это напротив небольшого в заливе посёлка Сындасско.

Моя семья: отец Иникен (Иннокентий), мама Наста (Анастасия), она в бригаде была чумработницей, мы – дети; меня зовут Дъэбгизн (Евгения), мой братишка Иван и маленькая сестрёнка Танюшка. Мы с Иваном счастливы после долгой интернатской жизни быть вместе с родителями в это короткое время каникул.

Наш молодой бригадир Антонов Спиридон торопит свою бригаду: «Быстрее, быстрее, ребята, загружайте лодки, погода испортится, дорога дальняя». Дружно загружаются лодки с неводами, палатками, продуктами и вещами. На берегу суматоха: радостный визг детей, лай собак, смех, шутки.

Наконец-то мы все, кто уезжает на промысел, садимся чинно в неводник, и лодки отходят от берега. По обычаю поклонения духу воды все кидают медные копейки на воду, говоря: «Дух воды! Чтобы нам счастливо вернуться!».

Я с детства любила, когда наш папа, здоровый и крепкий, брал нас бережно своими большими руками и садил в лодку. Мама аккуратно готовила место, чтобы нам было удобно сидеть в дальней дороге. А когда лодки отходили от берега, люди долго махали нам. Это были волнующие минуты радости и счастья.

Нас три бригады. Одна из них женская, возглавляет её молодая многодетная мама, Спиридонова Анна Алексеевна.

На промысел она своих детей – мальчишек-погодков, не берёт, они остаются у бабушки. В бригаде из детей мы и ещё одна маленькая девочка, зовут её Людочка. Ваня наш

зовёт её «кукла карага» (то есть «глаза куклы») за её голубые глаза.

Она дочь тёти Шуры. Все, кто её близко знал, говорили, что отцом её был латыш Ольгерд Кродерц. Девочка – говорунья, всю дорогу поёт и смеётся своими добрыми, открытыми, голубыми глазами.

Лодки плавно швартуются к рыболовецкому судну «Борис Шестак». Все вещи заново перегружаются на судно. Нас, детей и женщин, помещают в трюм, с нами и старики. Мужчины привязывают канатами лодки на небольшом расстоянии друг от друга, и вся эта вереница привязывается за корму судна. Молодые рыбаки стоят на палубе и следят за ходом лодок. Весь этот рыболовецкий аргиш так и остался в детской памяти добрым эхом того счастливого времени.

День выдался на радость рыбакам безветренным. Все сидят на палубе, радуются хорошей погоде и любят проплывающими берегами.

«Борис Шестак» плавно и спокойно разрезает волны. Капитан судна из бывших ссыльных немцев, дядя Саша Леффлер, отличался добрым характером, за это его все любили и уважали. В его рубку заходили и выходили те, кто хотел согреться и посмотреть на залив с высоты капитанского мостика.

Немного погодя все зашли в трюм и стали пить горячий чай. Женщины разливали чай из большого пузатого чайника, который ходил из рук в руки.

Все понемногу стали уставать и заснули. В трюме пахнет солёной рыбой, но тепло и нет ветра. С залива идёт холод. Залив только недавно освободился ото льда. Всё чаще встречаются отколовшиеся маленькие и большие льдины, и даже целые пласты. Немного штормит. На палубе спокойно, приближаемся к месту назначения.

Полуостров Гольгино встречает нас своими уютными и угрюмыми берегами. Рыбаки этого не замечают. Они уже

привыкли к таким суровым местам. Судно стоит далеко от берега. Казалось бы, воды много, а судно не может подойти близко к берегу, мелко. Разгружаемся. Нас, детей и женщин, на моторной лодке увозят на берег.

Без движения во время долгой дороги у нас ноги почти онемели, и мы с радостью бегаем по незнакомому берегу. Теперь нам здесь предстоит жить до конца августа.

Пока ждём вещи, тётя Шура, я, Ваня и Людочка отправляемся осмотреть новое место. Берега невысокие, холмистые, как их называют – выдувы. Растительности совсем нет. Растут только колючие, совсем низкие от ветров незнакомые для нас цветы.

До нас там обживали эти места рыбозаводские рыбаки «Гослова». Так именовались раньше сезонные рыболовецкие бригады, которых нанимал рыбозавод. Помню их бородами, это были люди из другого, неизвестного нам мира. В посёлке их боялись. Матери пугали ими своих непослушных детей.

Мы нашли бывший ледник, занесённый от времени песком. Выходим на берег, там много плавника и начинаем собирать их для топлива. Вдруг я вижу надгробный православный крест, выброшенный волной. Там надпись: «Спи спокойно, сынок». Мне стало страшно, и я побежала прочь, чуть не выбросив дрова, которые я собрала на топливо. Откуда и каким ветром занесло его сюда? Ребята выбросили этот крест обратно в залив, но мне он долго потом являлся во сне.

Сразу после прибытия парни отправились на гусиху, за линными гусями. Через несколько дней они приехали и привезли много дичи. В каждой палатке готовили гусей, вкусно пахло гусиным супом, заправляли тогда супы сухим луком и лавровым листом. И этот запах был неповторим.

Мы снова погрузились в рыбацкие будни приливов и отливов. Ездили на рыбалку только по приливу, в невод с хорошей рыбой попадались морской ёж и камбала, которая для нас была в диковинку, и мы её сушили для коллекции.

Я много заготовила тогда сухой камбалы, а осенью, когда приехала в интернат, раздарила их подругам.

К середине августа дни стали темнее, вечерами мама делала из рыбьего жира лучину. Света было мало, но от него шло тепло, и можно было читать книги.

Однажды ночью мы все проснулись от большого шторма. Лодки рыбаки держали не на берегу, а сразу после рыбалки увозили в укромное место, в улов. Взрослые, пережидая большой шторм, играют в карты, домино, ходят в тундру за утками и ждут хорошей погоды. Но погода, казалось, испытывала терпение рыбаков. Лил проливной дождь, в палатках стало сыро, кое-где брезент не выдерживал, и между швами просачивалась вода и лилась прямо на постели. К этому добавился большой прилив. Прибежал молодой рыбак Попов Евдоким, взгляд испуганный: «Спиря, вода большая в улове, лодки оторвало, не дай бог, чтобы их унесло в залив. Надо поторопиться спасти хотя бы те лодки, которые остались!». У бригадира в глазах тревога. Его тревожное настроение перешло на всех. В нашей палатке народу собралось много. Все ждут указаний бригадиров. Две палатки, которые были ближе к берегу, залило водой. Начали разбирать палатку, собирать вещи и сносить их на сухое место. Пока предварительно сухо только у нас. Надо спасти чан, в котором засолена рыба. А чан-шеститонник уже заполнен солёной рыбой. Спиридон разбивает бригады; кто идёт пешком спасать лодки, кто спасать чан с рыбой.

Уже третьи сутки как не спим, всем не до сна. Шторм то усиливается, то стихает. Вода прибывает, вот она бьётся уже у самого порога. Дед Алексей следит за приливом воды.

Он втыкает палку и через каждые четыре часа смотрит насколько прибыла вода. Тетя Шура и женщины пошли искать сухое место, по которому можно было бы уйти всем на коренной берег. Во время наводнения мы оказались оторваны от коренного берега. Сухого места оставалось совсем немного.

Мама тихо молится, она всегда берёт с собой икону. Насколько сильна её молитва, мы убеждались не раз. На четвёртый день рано утром заходит радостный дед Алексей. Глаза блестят: «Вода отступает! Наконец-то, вода отступает!» Мы выбегаем на улицу и бежим по берегу с криком: «Ура! Вода уходит!». Бежим навстречу усталым рыбакам, радуясь событию. Ветер утих, но в заливе шторм не стихает ещё сутки. Все приходят в себя. Через неделю ждали рыболовецкое судно. Но судно в установленные сроки не пришло. Закончились продукты. Неводить не выходили, искали уплывшие неводники по всему берегу. Только на пятые сутки приехали ребята с поисков. Остальные дни занимались ремонтом лодок и неводов. Однажды вечером парни увидели в заливе корабли и поехали к ним. Через какое-то время на большой лодке с корабля приехали моряки и привезли продукты на обмен.

Обменялись рыбой и оставшимися в леднике гусями. У всех хорошее настроение. Жизнь вошла в свою колею.

Как и прежде Людочка играет в классики и поёт свою любимую песенку: «Ах, ручей, чей ты, чей?». Танюшка как обычно хнычет и всё время что-то просит принести или подать. Дед Алексей, когда она просит сахар, говорит: «Вот видишь, у меня голова белая, как сахар, сейчас я сниму голову и подам тебе». Она сконфуженно смотрит и после этого при нём никогда не просит сахару. Росла она спокойной, умной девочкой. Только жизнь её не сложилась.

Сейчас их нет в живых. Тогда они с Людочкой были вместе, так сложилась судьба, что и будучи взрослыми жили рядышком своими семьями, любили друг друга и помогали в трудные девяностые годы и ... похоронены рядышком.

Рыбалка закончилась, и мы снова благополучно загружаемся на прибывшее судно «Борис Шестак» и с добрым капитаном дядей Сашей Леффлер уезжаем в посёлок. Снова по обычаю бросаем медные пятаки, произнеся: «Чтобы счастливо доехать!». Позади нас остался неуютный берег Гольгино. Мы едем, и я наблюдаю, как за кормой чайки провожают нас, и дальние берега отдаляются от нас всё дальше и дальше. На этот берег мы уже никогда не возвратимся, и на этом закончилось моё счастливое детство.

И только во взрослой жизни я в мыслях и снах буду возвращаться на те самые суровые берега, и будут сниться крики чаек и плеск волны, и до боли знакомые и родные лица.

Roganina, Evgenia Innokentevna

Dolgan language

THE GULF

“The river of time in its current bears away all the affairs of people,” the poet Gavriil Derzhavin wrote. But memories of wonderful people live outside of time.

In summer, the sun stood high in the sky. Day and night were the same, as it was light all the time. The warm polar summer was at its height. Polar daises grew all around like a white rug, and blue forget-me-nots looked down mysteriously from the hills. The eye was delighted by the pigweed flowers growing in the gullies.

Novorybnaya, a village of fishermen, was spread out along the bank of the large Khatanga River. The village was located on a wide pebble and sand bank of the Kargo, which protects from floods, is suitable for pitching tents, and mooring boats. And when it starts to get dark, the lights come on in the fuck off, and in good weather they are reflected in the river.

There is a smell of fish from the river in summer, especially in autumn. Large fishing boats, like people, wait for the fishing to start. We had wooden boats and the SM-4 motorboats. The fishermen protected them – these boats were their means of sustenance. The fates of boats repeat the fates of people. These brave and strong people cannot be found anymore. Neither can the boats which you could take into any storm without fear.

The village starts from the river bank which stretches out in the distance to the small lakes. A little far away stand fisherman

tents and a few other tents. They will stand here all summer – they will be taken down and then moved to another place. And so until deep autumn.

In August 1962, we were going to the Khatanga gulf for fishing, to Cape Golgino, opposite the village Syndassko on the gulf.

My family: my father Iniken (Innokenty), my mother Nasta (Anastasia), she was the tent worker on the team, we were the children: there was me, Debgien (Evgeny), my brother Ivan and my little sister Tanyushka. Ivan and I are happy – after a long time at boarding school to be with our parents again during this short holiday time.

Our young brigadier Spiridon Antonov hurries up the crew: “Come on, quick, load the boats, the weather is turning, it’s a long way,” The boats with the nets, tents, groceries and items are loaded. There’s chaos on the shore: the cheerful squealing of children, dogs barking, people making jokes.

Finally, everyone who’s going fishing gets into the boat, and the boats leave the shore. According to the tradition of worshipping the spirit of the water, everyone throws copper coins into the water, saying “Spirit of the water! May me return successfully!”

From childhood I liked it when our father, healthy and strong, took us with his big arms and put us in the boat. Mother carefully prepared a place for us to sit comfortably on the long journey. When the boats left the shore, people waved to us for a long time. These were minutes of joy and happiness for us.

We have three crews. One of them is female, and headed by the young mother with many children, Anna Spiridonov.

She doesn’t take her boys fishing, she leaves them with grandma. We are the only children in the brigade, and another small girl called Lyudochka. Vanay calls her “kukla karaga” (doll’s eyes) because of her blue eyes.

She's the daughter of aunt Shura. Everyone who knew her closely said that her father was the Latvian Olgerd Kroderis. The girl is talkative, sings the whole way and laughs with her kind, open, blue eyes.

The boats moor by the fishing vessel Boris Shestak. All the belonging are reloaded on to the boat. We, the children and women are put in the hold, with us the old people., The men tie the boats by ropes at short distances from each other, and this procession is tugged by the boat. The young fishermen stand on the deck and watch the boats moving. All of this fishing remains in the childhood memories, a kind echo of those happy times.

To the delight of the fishermen, there was no wind that day. Everyone sat on the deck and delighted in the wonderful weather and watched the shores go by.

Boris Shestak smoothly and calmly cuts through the waves. The captain of the boat, Saša Leffler, from former exiled Germans, was a kind man, and everyone liked and respected him. Everyone went into this booth if they wanted to get warm and look at the gulf from the height of the captain's bridge.

After a while everyone went into the hold and drank hot tea. The women poured out tea from a big bulbous kettle that was passed around.

Everyone started to feel tired and fell asleep. There was a smell of salty fish in the hold, but it was warm and there was no wind. A cold snap was coming from the gulf. The ice had only recently broken on the gulf. We saw small and large pieces of ice floating by, and even large sheets. It was becoming a little stormy. It was calm on deck as we reached our destination.

The Golgino archipelago greeted us with its awkward and gloomy shores. The fishermen don't notice this. They're already to use to these bleak places. The ship stands a long way off the shore. It seems there is a lot of water, but the boat can't get

close to the shore, it's too shallow. We unload. We, the children and women, are taken to the shore on a motor boat.

After not moving during the long journey, our legs are almost numb, and we are glad to run along the unfamiliar shore. Now we have to live here until the end of August.

While we wait for our things, auntie Shura, Vanya, Lyudochka and I go to look at the new spot. The banks are low, hilly, and called dunes. There is no plant life at all. Only prickly flowers grow, quite low because of the winds, and completely unfamiliar to us.

Before we got here, these places were inhabited by fisherman from the "Goslov" fish factory. This was the name of the seasonal fishing brigades hired by the fish factory. I remember them as bearded men, from a world that was completely unknown to us. They were feared in the village. Mothers frightened their disobedient children with them.

We found a former glacier that had been covered in sand. We came out on to the shore, found a lot of driftwood and began to gather them for fuel. Suddenly I saw an Orthodox cross that had been washed up by a wave. "Sleep soundly, son" was written on it. I began to feel afraid, and I ran away, almost throwing away the wood I had gathered for fuel. How had the wind carried this here, and from where? I dreamt about this cross for a long time, and then the kids threw the cross back into the gulf.

As soon as we arrived, the boys went to Gusikha, for the geese, A few days later they came back with many geese. Geese were cooked in every tent, there was a delicious smell of goose soup, and back then soups were garnished with dried onions and bay leaves. The smell was unique.

Once more we got back into the fishing routine or high tides and low tides. We only went fishing when it was hightide, and along with good fish the net caught sea eggs and flounder, which was quite a surprise for us, and we dried it for our collection.

I collected a lot of them, and later when I went to boarding school, I gave them to my friends as presents.

In mid-August the days began to get dark, and in the evenings my mother made candles out of fish oil. There was not much light, but they gave warmth and you could read books.

One night we all woke up from a huge storm. The fishermen's boats were not held on the shore, and immediately after the fisherman took them to a quiet place, to go fishing. The adults, waiting for the storm to pass, played cards, dominoes, went into the tundra for ducks and to wait for the weather to improve. But the weather seemed to be trying the fishermen's patience. It was pouring with rain, it was damp in the tents, the tarpaulin did not hold everywhere, and between the seams water came dripping in right on to our beds. There was also a strong tide. The young fisherman Yevdokim Popov came running up with a frightened look in his eyes: "Spiridon, there's a lot of water in the catch, the boats have been torn away, I hope to God they're not carried out into the gulf. We need to hurry to save at least the boats that are left!" The brigadier had alarm in his eyes. His anxious mood infected everyone else. A lot of people had gathered in our tent. Everyone was waiting for the brigadier's instructions. The two tents closer to the bank began to fill with water. They started taking down the tent and gathering the things and carrying them to a dry place. It was only dry where we were. We had to save the vat with the salted fish in it. And the vat weighed six tons, it was already filled with salty fish., Spiridon broke up the brigades: some would go to save the boats on foot, some to save the vat of fish.

For the third day, we hadn't slept, no one could think about sleeping. The storm would get stronger, only to die down again. The water kept rising, it was already lapping against the entrance. Old Alexei watched the rising water. He put a stick into the ground, and watched how the water had risen every four

hours. Auntie Shura and the women went to look for a dry place where everyone could reach the main shore. During the flood we were separated from the main shore. There was very little dry space left.

Mother prayed quietly, she always took an icon with her. We had seen before how strong her prayer was. On the fourth day, early in the morning Alexei came in, his eyes shining with joy: “The water is dropping! At last, the water is dropping!” We ran outside without getting dressed and ran along the bank shouting “Hooray! The water is dropping!” We ran up to the tired fisherman, happy about the event. The wind died down, but in the gulf the storm continued for a few more days. Everyone was recovering. In a week we were waiting for the fishing boat. But it did not arrive at the scheduled time. Our food ran out. We didn’t use the net, we looked for nets washed up along the entire shore. Only on the fifth day the kids came back from their search. For the rest of the day, they repaired the boats and nets. One evening, the boys saw boats in the gulf, and went to get food in a boat. Safter a while, sailors arrived on a large boat from the ship and brought groceries to exchange,

We exchanged them for fish and the geese left in the ice. We were in a good made. Life was returning to normal.

As usually, Lyudochka was singing her favorite song: “Oh, little stream, whose are you now?” Tanyushka was whining as usual, asking to be given something. Alexei, when she asked for sugar, said: “You see, my head’s white like sugar, now I’ll take off my head and give it to you.” She looked at him in confusion, and never asked for sugar again in his presence. She grew up to be a calm, smart girl. Only her life didn’t work out well.

She’s no longer with us today. She and Lyudochka were together then, and as fate would have it when they were adults they lived next to each other with their families, loved each other

and helped each other out in the difficult years of the 1990s and... they are buried next to each other.

The fishing ended, and once more we successfully got into the Boris Shestak as it arrived, and with the good captain Sasha Leffler, we sailed back to the village. Once more, we threw copper coins into the sea, keeping with tradition, and said “May we arrive successfully!” Behind us remained the bleak shore of Golgino. We sailed, and I saw the seagulls accompanying us by the prow, and the distant shores getting further and further away. We would never return to this shore, and here my happy childhood came to an end.

Only in adult life, in my thoughts and dreams, I will return to those bleak shores, and I will dream of the cawing of seagulls and the splashing of water, and the painfully familiar faces.

Сапельникова Анна Михайловна

Саамский язык

ТĀЛ ĀКА

Ёадтĕ ТĀл Āка вĀресът, лĕйень сĕнĕсът кŭххт тĀлл кудца. Ёдтĕнĕ, ёдтĕнĕ, эххт тĀлл кудца ёадт ТĀл Āканĕ, ныммып карр, сĕрр, эйй ĵкхэл ĕнĕ. ТĀл Āка сĀррн: «Лĕяннч шŭшшĕ, кŭдтъяк, кĀдтлĕкъ!». Кудца пай шуĕшш. ТĀл Āка эфт тĀлл кудцанĕ уйтĕ. Тоалĕнч кŭдтĕй ъххтĕ.

Коаввĕнĕнĕ сĕн ъллмĕ, пыххътĕнĕ пĕррĕтĕ. Элькĕ сĕнн ълле пĕрт луннĕ. Пĕннĕ кудцагуĕйм сĕрр, пĀлл чоңт, поарр я вуадт. Йле, йле я элькĕ лŭййкĕ: «Касът лĕ мун ĵнна, касът лĕ мун ТĀл Āка?»

Ўллмĕ эллькĕнĕ сĕн шоалшĕ, выгкенĕ сĕн вĀрра. ВĀресът сĕнн уйнĕсът ТĀл Āка, роаммгуĕдтĕ. ТĀл Āка цĕлĕкĕ: «Алкак мунн култĕллĕ!»

Сапельникова Анна Михайловна

Саамский язык

МЕДВЕДИЦА

У Медведицы было два медвежонка. Вот гуляют они по лесу: один слушается маму свою, второй бегаёт, балуется, отстаёт. Мать-медведица говорит: «Хватит баловаться, отстанешь, потеряешься!» Но медвежонку всё нипочём. Ушла медведица с одним медвежонком далеко, а второй отстал, заблудился.

Нашли его люди, взяли к себе домой. Живёт медвежонок возле дома. Балуется со щенками-собачками, катает мяч, ест, спит. Жил, жил у людей и заплакал: «Где моя мама-медведица?».

Стало людям жалко его, отвели обратно в лес. В лесу он встретил медведицу, обрадовался. Она ему строго сказала: «Будешь меня слушаться!»

Sapelnikova, Anna Mikhailovna

Sami language

THE MOTHER BEAR

The mother bear had two little bear cubs. They were walking through the forest: one obeyed his mother, the other fooled around, running ahead or lagging behind. The mother bear said: “Stop fooling, you’ll get lost if you stay behind!” But the bear cub didn’t care. The mother bear and her cub went a long way ahead, and the other cub got lost.

People found the cub and took him home. The little cub lived next to their house. He plays with the puppies, plays with a ball, eats and sleeps. He lived with the people for a while, then began to cry: “Where’s my mother bear?”

The people took pity on him and took him back into the forest. In the forest he met his mother and was delighted. She said to him sternly: “Now you’ll obey me!”

Сомов Андрей Иванович

Селькупский язык, нарымский диалект

ЧАРЖЭ

Мáшэк Дрjúня квэрат.
Мат Тóпкогэт варгáк.
Мат úжáк ай оголжэшпам чумэл шэп.
Мáннан ажá эя, тábэп Ёбо нэмдэквát.
Ман авém нэмдэквát Валентина.
Ман ажáм квэлчэдэл ай máжел куп эя.
Ман авém больнiцагэт úжеха.
Авнэка ай нембiка úжихадэт колхóзкэт.
Ман авнэка Ефлáн – чумэлгуп эя.
Мi авнэкахе квэлп орálешпыхай пóккэхе, шáбыхе.
Вес чаржé чéлымба ай варгá Кривошéинский кáдэргэт.

ÓДЫТ ЭЖЕШПА

Тапчэл челд пигылымбá, тапчэл пóнэгэт пóтпа.
Кальжóмб корг кондálбы кóргэт педóгэт.
Хэр кóдэшпа, пóвек эжешпа.
Челд фаң манэмбá.
Óдыт мiнан эква варг óт.
Варг кыгé Колд, на кыгé чанж ай корék эя.
Кóчек квэл óдыт Колдóгэт.
Чек-чек квэлчэгу квэлаге, квэлп кваллэбе, нýел кайп
мужэрлэбе.
Мат нáдрам óдэп.

МАН КЫБА ЧВЭЦ – НЯРГ КЭТ ПАРГЭТ

Мат чéлымбак карáгэт Нярг кэт пáргэт.
Кара ныңгá кыгét тóпкот.
Минан мэмба варг пол мāt.
Ми варгáут тэтэмжут: амбá, ажá, мат ай тэбнjá.
Угót минан карáгэт нáгур óголажэшпэл мāt э́ха.
Эл-авém варáдэт мātкэл хúрулап: хýрлап чалéньгалахе,
хыбыньжáлап, кúршкалап шибалахе.
Ми нýжэп пажáлешпыхай мātкэл хúрулан.
Тáыт мат нáдрам квэлчэгу ай úргу.
Квэлп орáлешпыхай пóққлахе, шáбыхе, нявóдахе, кáрхе.
Шóтқэт минан орвэшпа кóчек чóбэр, кóчек пун. Кваяш-
пле вадэшпаут чóборп, таққлэшпаут пúnлап.
Орвешпа хаг каптэ, нэрэго, нежно, палго, чев, аду, карат
чобэр.
Тэбэлгула кваяшпат мажөнд фэшкэлжэгу, мажечэгу.
Квежедэл кара э́ха Нярг кэт пар. Вес қула ужехадэт.
Мат кек нáдрам на чвэцэп, кáйгэт чéлымбак, орвэшпыхак,
варгыхák.

КВЭЛДЖ

Ми варгэхáут э́дэгэт Нярг кэтпáргэт.
Ман авнэ́ка чумэлгúп э́я, мат най чум.
Ми авнэ́кахе квэлчэхаут пóққлахе, кáрлахе, мого́йхе.
Кóчек фа квэлп оррáлешпыхай кыгéгыт, тóнгэт. Пóққонд
тúдрешпыха вандж, тод, ла, нóдык.
Немб́ика о́рындэл нýел кáйп пóдэшпыхыт, квэлэл өр
кáдйлаутэ мéшпыхыт. Каче таб пярэшпыхыт оро́пляп квэлэл
о́рхе. Урúк нýек!

Ман авэм мешпыхыт квэлэл пірогалап ай пярэшпыхыт ружэл шогóргэт.

Мат нýльжик тәрбáк чумэлгулат чат: на қуп, код нáдрыт авэшпэгу квэлп – чумэлгуп, а код ā нáдрыт квэлп амгý, на қуп ā чýмэлгуп.

Нáдрам квэшкэлжэгу шóткэт ай кыгэгэт.

МАЖӨГЭТ

Óққэр бар мат тóмбак эл-авегенд гóстичэгу.

Арát э́ха. Пóтпэл нопчéлд э́ха. Нутпáргэт титла чáңгва.

Варг чаржéхе мй квэнбаут мажóнд чоборткó.

Маннán варг тýлánd э́я.

Мат тóмбак мажóнд квэшкэлжэгу, нярг паридэл ўдоп ўдэгý.

Вес чаржé калэмбá нярэгэт.

Мат квэссак няннэ, мéхтэн, начáгэт комбáм карát чóбэрп ай вадéшпам.

Омбй манэмбáк – óққэр мехт важéшпа!

На э́ха корғ-амбá ай нáгур кóргликала.

Мат паркэмбáк тэбнán, ай мй шэдэгýт квэссай чаржэн. Мат кек кычватпак.

Канáп ай тýльдэп мат квэжембам хугулжэгэт.

Кóргэл-амбá э́ха квéжедэл, коб табэнán чóголэмбэ́хá.

Чаржéхе тытымбáут орхé паркэгý, квэведрап катé-лешпэгу.

Кóргла ўпожáг чвэссе.

Нáдрам кваяшпэгу мажóнд.

КЫБАЧЭ

Оққэр бар кыбыльжига үчэжé квэсса ажă-амбáхе мажонд чóборп квэрэмжоп вадэгý.

Квэнба кыбáчэ қундáққэт-қундáққэт ай үрэмбá.

Конжэрныт таб: Түл шү тұхе коялжэмбат нýрэлагэт, шот ваттóгэт түү камжэшпат.

Кундáққэт няннэ мажь пужонд кудолбат Түл шү кыбáчэп.

Фэрэмжо квэтэмба, нынд же мендá, нутпáр чéлырна, ай Түл шү квэнба.

Омнэмбá кыбáчэ чэн пáронд ай чýра.

Манэмбá таб – мáжел лоз чáжа, чэнча кыбáчэн: «Квэлай массэ, мат адэлжлэбе тэка, қайгэт угот чумэлгýла варгыхáдэт».

Квэжедэл чвэч.

Кóчек кыгéла, тóла – начáгэт кóчек квэл.

Кóчек чóбэр шотқэт, нýрэгэт: нýрэго, каптэ, чев, шуньжéкат чóбэр, палгó, карát чóбэр, нярг чóбэр, неж.

Ноп кагырвáнна, ай кыбыльжига үчэжéлика эжемба эл-авэндэхе ваттóгэт.

Сомов Андрей Иванович

Селькупский язык, нарымский диалект

РОДНЯ

Меня зовут Андрей.
Я живу в Томске.
У меня отец есть, его Иваном зовут.
Мой отец рыбак и охотник.
Моя мама работала в больнице.
Мой дедушка Ефлан – селькуп.
Мы с дедушкой ловили рыбу сетями, удочкой.
Вся родня родилась и живёт в Кривошеинском районе.

ВЕСНА ИДЁТ

Сегодня солнце светит, сегодня на улице тепло.
Всю зиму медведь спал в медвежьей берлоге.
Снег тает, становится тепло.
Солнце ярко светит.
Весной у нас бывает наводнение.
Большая река Обь, эта река широкая и глубокая.
Много рыбы весной в Оби.
Скоро-скоро на рыбалку пойду, рыбу добуду, вкусную
уху сварю.
Я люблю весну.

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА – КРАСНЫЙ ЯР

Я родился в селе Красный Яр.
Село стоит на берегу реки.
У нас построен большой деревянный дом.
Мы живём вчетвером: мама, папа, я и брат.
Раньше у нас в селе было четыре школы.
Родители держали скотину: корову с телятами, свиней,
кур с цыплятами.
Мы сено косили домашним животным.
Летом я люблю рыбачить и купаться..
Рыбу добывали сетями, удочкой, неводом, мордой.
В лесу у нас растёт много ягоды, много грибов. Ходим,
берём ягоды, собираем грибы.
Растёт чёрная смородина, кислица, шиповник, морошка,
черёмуха, боярка, клюква.
Мужчины ходят в лес шишковать, охотиться.
Красивое село было Красный Яр. Все люди работали.
Я очень люблю то место, где родился, вырос, жил.

РЫБАЛКА

Мы жили в селе Красный Яр.
Мой дедушка селькуп, я тоже селькуп.
Мы с дедушкой рыбачили сетями, мордами, фитилями.
Много хорошей рыбы ловили в реке, на озере. В сети
попадали нельма, карась, язь, стерлядь.
Бабушка жирную вкусную уху варила, рыбий жир из
кишок делала. Потом она жарила картошку с рыбьим жиром.
Очень вкусно!

Мама стряпала пироги с рыбой и жарила в русской печке.

Я так думаю про селькупов: тот человек, кто любит есть рыбу – селькуп, а кто не любит есть рыбу – тот человек не селькуп.

Люблю отдыхать в лесу и на реке.

В ТАЙГЕ

Один раз я пришёл к родителям в гости.

Была осень. Был тёплый день. На небе туч не было.

С близкой роднёй мы отправились в тайгу по ягоды.

У меня есть большая мотолодка.

Я приехал в тайгу отдохнуть, красное крепкое вино попить.

Вся родня осталась на болоте.

Я пошёл вперёд к кочкам, там нашёл клюкву и собираю.

Вдруг вижу – одна кочка поднимается!

Это была медведица-мать и три медвежонка.

Я крикнул брату, и мы вдвоём пошли к родне. Я сильно испугался.

Собаку и ружьё я оставил дома.

Медведица-мать была красивой, шерсть на ней переливалась.

С роднёй стали громко кричать, в железные вёдра колотить.

Медведи отправились обратно.

Люблю ходить в тайгу!

МАЛЬЧИК

Однажды маленький мальчик пошёл с родителями в лес ягоду чернику собирать.

Мальчик ушёл далеко-далеко и заблудился.

Видит он: Огненный змей огнём вьётся по болотам и лесную дорожку огнём поджигает.

Далеко вперёд в чащу леса уводит Огненный змей мальчика.

Дождь начался, тут же закончился, небо прояснилось, и Огненный змей ушёл.

Сел мальчик на бревно и плачет.

Смотрит он – лесной чёрт идёт, говорит мальчику: «Пойдём со мной, я покажу тебе, где раньше жили селькупы».

Красивая земля.

Много рек, озёр – там много рыбы.

Много ягоды в лесу, на болоте: кислица, смородина, черёмуха, костяника, морошка, клюква, брусника, шиповник.

Гром загремел, и маленький мальчик оказался на дороге с родителями.

Somov, Andrei Ivanovich

Selkup language, Narym dialect

MY FAMILY

My name is Andrei.

I live in Tomsk.

I work and study the Selkup language.

I have a father, his name is Ivan.

My mother is called Valetina.

My father is a fisherman and hunter.

My mother works in a hospital.

My grandfather and grandmother worked on a collective farm.

My grandfather Eflan is a Selkup.

My grandfather and I caught fish with nets and fishing rods.

All of my family was born and lives in the Krivosheinsky region.

SPRING IS COMING

Today the sun is shining, today it is warm outside.

All winter the bear slept in his den.

The snow is melting, it is getting warm.

The sun is shining brightly.

In the spring there are sometimes floods.

The big Ob River is wide and deep.

There are many fish in the Ob in spring.

I'll soon go fishing, I'll catch fish and make delicious fish soup.

I like spring.

MY LITTLE HOMETOWN KRASNY YAR

I was born in the village of Krasny Yar.

The village stands on the bank of a river.

We have a large wooden house.

Four of us live here: my mother, father, my brother and I.

We used to have four schools in the village.

My parents kept animals: a cow and calves, pigs, a chicken and little chicks.

We mowed hay for the animals.

In summer I like to fish and go swimming.

We catch fish with nets, rods, driftnets and traps.

Many berries grow in the forest, and many mushrooms.

We go there to pick berries and gather mushrooms.

Blackberries, barberries, briar, cloudberry, bird cherry, cranberries.

The men go into the forest to hunt.

Krasny Yar was a fine village. All the people worked.

I like this place very much where I was born, grew up and lived.

FISHING

We lived in the village of Krasny Yar.

My grandfather is a Selkup, and I am also a Selkup.

My grandfather and I fished with nets and fish traps.

We caught a lot of good fish in the river and in the lake. We caught white salmon, crucian carp, ide and sterlet in the net.

Grandma cooked a delicious, thick fish soup, and made fish oil from the guts. Then she fried potatoes with fish oil. It was delicious!

Mama made fish pies and cooked them in a Russian oven.

This is what I think of the Selkups: a person who likes to eat fish is a Selkup, and a person who doesn't like to eat fish is not a Selkup.

I like to spend my leisure time in the forest and on the river.

IN THE TAIGA

Once I came to visit my parents.

It was autumn, and the day was warm. There was not a cloud in the sky.

I went with my parents to gather berries in the taiga.

I have a big motorcycle.

I came to the taiga to rest, and to drink strong red wine.

All my relatives stayed in the swamp.

I went ahead to the mounds and found cranberries there, and started gathering them.

Suddenly I saw one of the mounds rising up!

It was a mother bear and three bear cubs.

I shouted to my brother, and we went to our parents together. I was very scared.

I left the dog and gun at home.

The mother bear was beautiful, her fur shimmered.

We started shouting loudly and banging on iron buckets.

The bears went away.

I like going into the taiga!

THE BOY

One day a little boy went into the forest with his parents to gather blackberries.

The boy went a long way and got lost.

He saw a fiery snake winding through the swamp and burning the forest path with fire.

The fiery snake led the boy deep into the forest.

It started raining, and then it stopped, the sky cleared, and the fiery snake went away.

The boy sat down on a log and started crying.

He saw a wood demon approaching, who said to the boy: “Come with me, I’ll show you where the Selkup used to live”.

It’s a beautiful land.

There are many rivers and lakes, with many fish in them.

There are many berries in the forest and in the swamp: barberries, currant, bird cherry, stone bramble, cloudberries, cranberries, cowberries, briar.

The thunder roared, and the little boy found himself with his parents on the road.

Сязи Антонина Егоровна

Хантыйский язык, приуральский диалект

ТЫЛАЩ ХОЩА НЯВРЕМНАН

Ханты моньц

Ур путарна лойсанан кат ур хот. Щита кат щемья ус. Луват кат нявремел каман янман. Омилал-ащилал ялан улмел ай нявремлал пилна. Икет талан хатл каланат хоща яхмел, мет-мел. Имилал ищи. Каман рупата тайсат. Хот лыпина юх, лощ тусат. Щи порайна каман щикем талан, нави тылащ лоймал, турам хоща. Моса тахаят асса нывамат. Нявремнан ямас янман, хатмиман ай рэп эвалт. Щи рэп хот хощанна ванна ус. Щи юпина питман тынщанна ёвалмиты нох лонщам ятапща пела. Есаул па. Каслы питман. Ёх няврем, нях кассы, лощ вуй-мал, есса яха танармал, ласкамал тылащ пела. Щи янтапсы. Лынан ям улмал. Щитна нях сурна. Щиты щи ёвалты питман. Лын няхты сыянна том хот эвалт эви оми ким анкармамал, эвел ёхи вохмал, ёх няврем омелна ищи ёхи вохам. Лын ёхаш увты питсанан: «Са-са, итта йилман». Лын сора-сора мантан илпина па лощ тэрмаланан ёвалтан. Имосайна турам эвалт нави тут сэрак вущемамал, лын холна тут эвалт сэмлы есса ант питман. А моса щирна тылащ ох пусах лын хощаян ёхат-мал. Сэнк вул па ента. Вул ёсна и яха катламал, нохаш, лув пелаял сухтамал. Нявремнан туп ванты кум ант сытман, кур таяс кепа, ант ванман, лын нумасман, туп ох па и ёс таяс. Ищи курамна нохаш манты питмел. Щи ровна нявремнан охлан енитман, юнкна потамат, щи юнк мохты, нявремнан

илащ анкармаман. Илан ай урхотнан ищи курамна пентам-
сат. Мув па илан сора хищамтас. Лукки анкармаснан, мув
юканны тылащ хоща лойланан. Тылщал щита вуллы ювмал.
Лын хощаян этмал, пуращ. Вотэм туспи ики. Лув лавас,
лув Тылащ ултал. Лув ликащман ултал лын пелаян. Ненхи
хорасна этас па. Лын сэнк ант палтамаснан. Тылащ ики лын
пелаян ел нухмас, туп тур сыял вот щёван сый иты хойлиял
лын паллан хоща. Кущман сак потартас.

– Каман щарас тал манам эвалт и нэнхи холна ма пелаем
атам ант верилыяс. Луват холна ма пелаем ям ясан па сэнк
лаялсэл, хунты ма этлам. Мув нави хатл иты похны лысэм.
Итта нын питлатан ма хощаем век рупитты.

Щиты лавас па хощ пентас. Лын хощаян кат пут ракнас па
умпи. Эви, сах кималлал катащ манман, нёхамтас лощ туты.
Ёх няврем мольчанал нох сухтас антапна, эви юпина манас
лощ туты.

Нявремат тувам порайна, хот лыпина улам ненхет нох
щараммел па ким нёхаммел. Щи хорпи нави тут поханмал
хот лыпина. Сэм нох ант эллаты хорпи. Луват сэмна ван-
ман, нявремнан ента Тылащ икина нох алэмасайнан. Лув
холна уватты кум ант сытсат. Ищи курамна тылащ нохаш
питаптас. Лоям тахаялна лояс, ищи хорасал вус. Туп унлал
кат пелакна кат путы рак этас. Щит нявремнан щита лощ
алланан. Омилал-ащилал щукус пойкащсат, холласат, увсат.
Нэмаса щирел антам. Щиты щи тылащ хоща улты питсанан,
талан лощ тулнан, лунан йинк тулнан. Лын нылайнан хунты
Тылащ талан ултална. Щи пора эвалт каман щарас тал манас.
Туп па омет-ащет па нявремат пела лавилысат: «Тылащ пела
нявремнан лощ ёвалсанан, щитна тылащна вусаят». Итта
тылащ пела рупитал, лощ па йинк тулнан. Эви па ёх няврем.
Тылащ Йиран ики элты. Эвел, сах кималал катащ ракнамты-
ман, ёхал, антпал нох няремиял мантал илпина, лощ алты.
Щиты щи век улты питланан тылащ пилна. Щи.

ТЯХАРА

Там потар – ляль томпина улам вер. Щи порайна туп вурты ёх ёхатмел мун мувлув хоща. Хата рахал, калан ёх эвалт каланат нох вутэт. Куртатна па сэпанат хощ пела тутэт. Хантэт па саранат, каланна яхты ёх, ассат хурыман ултэл. Имосайна, кэвна, калан ёхат, хотат хуват, яхты питмел вурты ёх. Хой ар калан таял, щитат нэпек хоща постаMAT. И саран хот хоща ёхатмел вурты ёх, кат энамты сараннан лув пилэлна туты вутщимел. Щи саранлал хотлал кэв сарт хощанна лоймел. Щи кэв путарлал поювна па нави варасна лап энамман улмел. Хунты щи саранат туты вутщияматна вурты ёхна, лув пилэлна холна солдатат улмел, лув посканат таймел. Хунты яйнан, апщенан ел нёхамман, итл варсат пела нёхаммал. И саранал па юс хуват нёхаммал, кэв сарт пела, щита хар таха улмал, варас па поюв антам улмал. Солдатат оритты питмел. Варас кут пела нёхамтам саран, ант мощатат, сыстам таха пела нёхамтам саран, щита оритам посканна. Юхат щи тахаялна ил омтам. Хунты щи кэв сарт эвалт онасна мантына, юс эвалт ныла юх перна. Щи порайна щи вурты ёх холна нюхласмел и энамты ур ёх нэнхи юпина. Касан ур хот ванмел, касан саран хот, касан ханты хот. Щи порайна щи энамты нэнхуй калан тащал нох вуям, лув па оматты вутщиям, туп лув хонмал. Лув нэмал Тяхара. Вурты ёхат хой пела асса лавмэл: «Хунты Тяхара нан хощаян ёхатл, мохты ясан туваты. Тохащ нётты питлаты ки, нанан ищи туллув». Каланна улты ёх ассат палман па хуриман улмел. Мататлал ямат, хой ущл. Щимащ верат, антам усат илпи. Вурты ёх эвалт палты, а мосан Тяхара эвалт, хой ущл? Ханты хотатна ил хуйтэл илпина, велпаслал ил ханяттэл. Каман лаям ант хийтэл, кэсэт ил ханяттэл. Касан кэв хораят хуват вурты ёх ловна

яхтэл. Тяхара эвалт нэнхет ищи палтэл. Лув матты сэнк ямас велпаслаты хостал. Щиты палтаптамат хантэт вурты ёхна. Щитна, туп рамакки йил, ампат хоратты питлат ки, нэнхет нумастэл: «Мосан, Тяхара янхал». Хантэтна Тяхара щалитам, ямми таям. Лув нюхатлиям, ар калан таймал уранна. Нэмаса вер ант верилымал холна и нэнхуй ант веллимал, туп каланна янхам ёх элты, хотащ нёты лымал, саранат па ур ёх элты. Хонтатьлымал порайна, ищи нэмаса атам ант верилымал. Хантэт, саранат па ур ёх элты. Тяхара таймал туп и ай няврем, имел ищи энамты нын улмал. Тяхара таймал туп и мит ёх, лув лухсал холна улмал. И яха калан савиман ямас таймал. Туп мит ёхална вурты ёх элты альмал, хунты патлам атна имел хоща ёхатмална. Тяхара кимэтты па мощатам. Хощ пела тувам. Юхат хантэтна па нуса ур ёхна щалитам, лув ущмел кепа, хата лув ул, лулан ант альмел. Тяхара тувам юпина хищам каланлал матты, щит мит ёхална вуямат, имел па лувел вуймал. Щит нэнхуй юхат хойна ассат атамми таям. Хунты кэв томпина каслымел порайна, ма омилам лув ащел сунат потармал Тяхара эвалт. Щит порайна, ащар ащем сунат энамты улмал. Енас кэв эвалт Воркута вос ванна ул. Тяхара щиящ тувам. Парта юхат ант ёхатмал. Ур ёхат ищи Воркута хощанна хотлал улмел. Кутна хантэт хоща ёхты лымел. Лув саран ясанна хосмел потарты. Щитна хантэт пилна ясанлал яха ёхатмел. Тяхара эвалт лув потартымел. Хунты яха ёхтылымелна. Воркута леп. Щит.

Сязи Антонина Егоровна

Хантыйский язык, приуральский диалект

ДЕТИ НА ЛУНЕ

Хантыйская сказка

На краю леса стояли два чума. Жили там две семьи. Их дети как обычно играли на улице. Стояла лунная светлая ночь. Это было время коротких дней. Взрослые после работы с оленями находились в чуме с малышами, а двое детей постарше доигрывали свои игры на свежем воздухе. Из обоих чумов за ними присматривали.

В какие только игры не играли дети: катались с горки, тынзяном ловили палку – посох отца. Затем мальчик кинул снежок в сторону полной луны. Ему эта затея понравилась, и он велел девочке повторить то же самое. Они с озорством стали бросать снег, даже палку швырнули. Услышав смех детей, выглянула на улицу мама девочки и позвала её домой, из другого чума позвали мальчика. Дети пообещали тотчас же пойти домой, а сами торопясь и наперегонки продолжали кидать снег в сторону луны.

Неожиданно всё пространство вокруг озарило белым, очень ярким светом, оно на миг ослепило детей. Каким-то непостижимым образом рядом с детьми оказалась круглая голова Луны. Он своей большой рукой схватил обоих детей и поднял наверх. При этом ног у него не было вовсе, только голова и одна большая рука. Они с такой скоростью поднялись на небо, что головы детей покрылись ледяной коркой.

Словно через стекло дети смотрели вниз, на крошечные чумики, которые через мгновение исчезли совсем.

Луна вернулась на то же место на небе, а дети очутились на её поверхности. Только слышался свистящий, как ветер, голос Луны. Луна оказалась пожилым старцем с длинной бородой. Он сказал: «Вы меня оскорбили. Ни один человек не осмеливался кидать в меня палки и снег. Все люди обычно благодарили меня за то, что я несу им свет, и относились ко мне с почтением сколько тысяч лет... А теперь вы будете работать на меня: носить летом воду, а холодной зимой снег». С этими словами старец куда-то исчез, а около детей оказались вёдра и ковшик...

Люди в чумах очень испугались, когда вспыхнул яркий свет. Все выглянули наружу и увидели ослепительный луч на фоне чёрной ночи и круглую полную луну, такую большую, что на ней можно было увидеть детей. Луна стала прежней, только с двух сторон рта виднелись две точки, это дети-шалуны с земли таскали снег для старца Луны.

Вот уже внуки тех людей состарились, а тот мальчик и та девочка всё так же, каждый день, таскают для Луны снег зимой, а летом воду. Но их можно увидеть только в полнолуние и только три дня.

С той поры прошло много сотен лет, все родители, когда видят полную луну, в назидание молодым показывают на неё. Там продолжают работать двое детей, которые когда-то посмели обидеть ночное светило, кидали в него снег и палки, а теперь вечно живут там и носят воду или снег. У девочки распаивается ягушка от усердия, а мальчик каждый раз подтягивает нарядный ремень, перед тем как пойти вслед за девочкой. Так они там и живут вместе со старцем Луной.

ТЯХАРА

Этот рассказ о первых годах Советской власти на Урале. Перед гражданской войной в наших краях появились красные. Из посёлков куда-то увозили шаманов, а у оленеводов отбирали оленьи стада. Это было очень тревожное время.

Уральские горы. Лето. Однажды в одно зырянское стадо приехали красные с солдатами. У оленеводов записывали имена и фамилии и особо отмечали тех, у кого было много оленей. Когда стали уезжать, хотели с собой забрать двоих братьев. У них было много оленей. Молодые зыряне вырвались из рук солдат и побежали в сторону кустов. Один из братьев скрылся в зарослях ольхи. А другой повернул в сторону перевала, но там было мало кустов, а была только древняя дорога, накатанная многочисленными полозьями нарт. Солдаты стали стрелять. Совсем немного оставалось добежать до спасительного перевала, но пуля солдат догнала паренька. Он упал. Его похоронили на том месте, где убили. Первого брата не поймали. Когда уехали солдаты и их начальники, он вернулся домой.

Многие годы ездили оленьи аргиши по тем дорогам, и когда они проезжали этот перевал, недалеко от дороги видели деревянный крест. На вершине перевала останавливались аргиши, мужчины и женщины вспоминали то время и клали на землю немного сушек и конфет, затем ехали дальше.

В то время красные гонялись ещё за одним молодым ненцем. У него тогда отобрали оленьё стадо, а его самого увезли с собой, но он смог каким-то образом от них убежать. Его звали Тяхара. Красные ездили по всем чумам, к ханты и зырянам. С ними были проводники, умеющие разговаривать на языках ханты, зырян и ненцев. Всем говорили, что, если

Тяхара появится в этих краях, сразу об этом доложить, иначе их ожидает тюрьма или расстрел. У красных были олени упряжки, а иные ездили на лошадях верхом. Все оленеводы жили в страхе. Кого бояться: красных или Тяхару? Про Тяхару говорили, что он убийца, что он может всех убить. С приходом темноты, если залают собаки, люди в чумах с тревогой думали: «Может, Тяхара ходит?», а перед тем как ложиться спать, прятали топоры и ножи в чуме. Но каждый оленевод в чуме втайне сочувствовал этому ненецкому парню. Они слышали от знакомых ненцев, что Тяхара никого не убивал, просто помогал бедным ненцам и зырянам.

В то время у него было большое стадо оленей, он сам их пас вместе со своим другом, которому хорошо платил. У Тяхары была ещё молодая жена и маленький сын. Однажды, в одну тёмную ночь, пришёл он к жене. Но его друг привёл к чуму солдат и красных. Предал его. Тяхару поймали.

В то время ханты из посёлка Катровож тоже жили недалеко от горы Енас кэв, за этой горой была Воркута. Недалеко от тех мест жили ненцы и зыряне, они общались между собой.

Мой дед, Сязи Елисей Павлович, тогда был молодым парнем. Эту историю он рассказывал своим детям, когда они кочевали по тем местам, дорогам его юности. Тяхару тогда увезли в Воркуту, назад он уже не вернулся. Его друг-пастух женился на жене Тяхары, оленей он также присвоил себе. Все кочевники в чумах считали этого человека плохим, не могли понять, как можно поступать так, не по-человечески.

В настоящее время наши оленеводы уже не ездят по тем дорогам. Осталось всего два стада, которые приписаны к Питлярскому поселению Горковского совхоза.

Syazi, Antonina Egorovna

Khanty language, Uralic dialect

CHILDREN ON THE MOON

The Khanty Fairytale

Two tents stood at the edge of the forest. Two families lived in them. Their children were playing outside, as usual. It was a bright, moonlit night. This was the time when the days were short. The adults sat in the tent with their small children after working with the reindeer, and two older children were playing their games in the fresh air. The adults looked on from both tents. They played all kinds of games: tobogganing, catching a stick, father's staff. Then one boy threw a snowball in the direction of the full moon. He enjoyed this and told the girl to do the same. They began throwing snow playfully, and even threw a stick, but when she heard the children laughing, the girl's mother looked out of the tent and told her to come home. The boy's parents called him from the other tent. The children promised to come home immediately, but kept throwing snow at the moon. Suddenly, a white, very bright light flooded the entire area, temporarily blinding the children. Suddenly the round head of the Moon appeared next to the children, and with a big hand he snatched both of the children and lifted them up. He had no legs at all, only a head and one very large arm. They rose up to the sky at such a speed that a crust of ice formed around the children's heads. They looked down as if through glass, at the tiny tents which completely vanished in an instant. The moon

went back to the same place in the sky where it had been before. And the children found that they were standing on the surface of the moon. Only they could hear the voice of the Moon whistling like the wind, and he turned out to be an old man with a long beard. He said: “You insulted me. No one has ever dared to throw sticks and snowballs at me before. All people have usually been grateful to me because I bring them light, and they have respected me for so many thousands of years... Now you’ll work for me, and carry water in the summer and snow in the winter”. With these words he vanished, and buckets and shovels appeared next to the children...

The people in the tents were very afraid when the bright light shone. They all looked outside and saw a blinding light in the black night, and a round full moon with their children on it. The moon suddenly went back to the place where it had always been. And it became the same, only at the two corners of its mouth you could see two dots – these were the naughty children from the earth carrying snow for the old moon.

The grandchildren of these people are already old, but the boy and girl still carry snow for the moon every day, and water in the winter. You can only see them during the full moon, for three days.

Many hundreds of years have gone by since then, and when they see a full moon, all parents point to it, to show their children how the naughty boy and girl are still working who once dared to offend the moon. They threw snowballs and sticks at it, and now they live there for all eternity and carry water or snow. The girl’s coat comes unbuttoned as she works, and every time the boy tightens his belt before he follows the girl. And so they live there together with the moon.

TYAKHARA

This is a story about the first years of Soviet power. Before the Civil War, the Reds appeared in our region. In the villages, the shamans were taken away, and the reindeer-breeders had their herds confiscated. This was a very troubled time.

One summer, the Reds and their soldiers came to one Zyryan herd in the Urals. The reindeer-breeders were asked to give their names, and those who had many reindeer were especially noted. When the Reds left, they wanted to take two brothers with them. These brothers had many reindeer. The young Zyryans broke free from the soldiers' arms and ran into the bushes. One of the brothers ran towards the pass, but there were not many bushes there, but there was an old road that had been well-travelled by many sleds. The second brother hid himself in the foliage of an alder tree. The soldiers started shooting. The first brother was very close to the pass where he could escape, but the soldiers' bullets got him. He fell down. He was buried in the place where he was killed. They did not catch the second brother. When the soldiers and their commanders left, he returned home.

For many years, the reindeer sleds travelled along the same roads, and when they went by this pass, not far from the road a wooden cross could be seen. At the top of the pass, the sleds stopped, and the men and women remembered the tragedy, and placed a few breadsticks and sweets on the ground, then continued on their journey.

Meanwhile, the Reds were pursuing another young Nenets. They also confiscated his herd, and took him with them, but somehow he was able to escape from them. His name was Tyakhara. The Reds went around all the tents, to the Khants and the Zyryans. They had guides with them who could speak

the languages of the Khants, the Zyryans and the Nenets. The Reds told them all that if Tyakhara appeared in this region, the Reds should be informed immediately, otherwise they would be imprisoned or executed. The Reds had deer sleds, while others rode horses. All the reindeer breeders lived in fear. Who should they fear: the Reds of Tyakhara?

Tyakhara was said to be a killer, and he could kill them all. When the darkness fell, if the dogs started barking, people in the tents would wonder with alarm: “Perhaps Tyakhara is here?”, and before they went to bed, they hid axes and knives in their tents. But every reindeer breeder in the tent secretly sympathized with this Nenets man. They had heard from other Nenets that Tyakhara had not killed anyone, he simply helped poor Nenets and Zyryans. He also had a large herd of reindeer, and grazed them with his friend, and Tyakhara paid him well. Tykhara also had a young wife and little son. One dark night, he came to his wife. But his friend had brought the Reds and the soldiers to his tent. He had betrayed him. Tykhara was captured. At that time, Khants from the village of Katrovozh also lived not far from Enas kev mountain, and beyond this mountain lay Vorkuta. Not far from these places Nenets and Zyryan lived, and communicated with each other.

My grandfather, Elisei Pavlovich Syzai, was a young man at that time. He told this story to his children when they were travelling through these places and roads of his youth. Tyakhara was taken to Vorkuta, and never returned. His shepherd friend married Tyakhara’s wife, and also took his reindeer. All the nomads in the tents considered him to be a bad man, and could not understand how he could have acted in this way, quite inhumanly. Nowadays, our reindeer breeders no longer travel these roads. There are just two herds registered at the Pitlarsky settlement of the Gorkovsky collective farm.

Тридчикова Татьяна Николаевна

Хантыйский язык, шурышкарский диалект

ТЯТЬТИТЫ ТАХА

Луҕа йис, шутщаты пора ёхтас. Няврэмата каш, метты унты ёнтты рэхал. Овас мувеван хатлат хуват.

Ипораин ащев рупата элты ёхтас па ястас:

– Тятьтиты таха няврэмата лошалтыты номас тайлам.

Хотат кутпев ун, ёнтты щита умаш. Тятьтиты таха верты айкел няврэмат кутан шежк сора манас. Ма хоты мет ун дыв кутэлан усам, шишан мосас дывела уйтман ястаты, хун лошалтылajat, муй ширан.

Шутщаты хатла йис. Турмев ям, тэваң. Хатлэв муң пелаев нях молаңан вантас, ай шицкиет кашаңа арисат. Кератман ям эпал авас. Няврэмат аматман лавалсат, хун тятьтиты таха лэшатла.

Муң ищи нётты лаңхасув, туп тохи ант юварлысув: елан лойсув па лавалсув. Ши унты лойсув, хун ховиты келан ярса па так сохалан лув элтэл понса.

Ши. Вер етшас. Муң ин тятьтиты верытлув!

– Хой нёхалты питал?

– Ма! Ма!

Наталь, лув муң кутэван мет нопсаңшак ус, ястал:

– Юрэн ёхатал? Наң, Иринка, тамхатал шимал лант лэсэн. Юрэн хун ёхатал. Ванта, тата ар хоят.

Яха ёхатсув: и пелка Наталь лоис, кимет пелка па ма, кутпеван сохал элты апшилув омассат. Нёхалты питсаман. Тыел-тохэл, тыел-тохэл. Нохлы пела няхман манлув, па иллы пела ищиты. Няврэмата умаш, няхлат. Сэвлув туп ара нёхаллат, курлув элты кур луматты сохлув лакки рыйлат. Муң ши арат ар арилув. Шикем муңева яха ям!

Лұуһан тятътиты тәхаев аҗ щиты аһнт ус: аһнт ки тятъти-
сув, муҗ аҗ омассув пә потартсув. Камән потрәт тайсув! Муй
элты туп аһнт потартсув!

Мет олҗа Ира самела пох ёхтәс. Ираев аһнта карәщ ус,
хув нови сәвпи, этар хорпи сәмәҗ эвия ус. Муҗ хуҗантсув,
хоты лын велосипедән хатмистан, хоты Шайтанка ёхан пела
шушилдыты яҗхсатан. Хун щи пох ащел-аҗкел пилән мәнәс,
муҗ тятътиты отэв Ира шук юпийн шихартәс, матты, ищи
шукащәс.

Щохәр тылщев ёхтәс. Пил нәҗләм школая мәтсәт, Шут-
щаты пораин муҗ па тятътиты тахаев хоща актащдылув.
Па нохды-илды, нохды-илды. Катра иты потрәт па тулув.
Хоты муҗ уталтылув, хоты муҗев уталтыла. Сашкаев элты,
мәты иса муҗев кетамтәл, хоты тәмхәтәл тетрадем маншәс.
Ин ариты муҗ вольтсув, луҗатты вер пела щаксув. Машаев,
лув мет яма луҗатәл, «Дети подземелья» нәмпи книга патәл
унты луҗатсалы муҗев. Ай Маруся эвие элты муҗ машьяин
нумәслув. Шаха потра щаксув: хоты Марусяя луҗән муҗ
нәтсув.

Пора хашәс. Муҗ энамсув. Туп тятътиты тәхаев номәса
ёхтылдыл. «Нохды!» – тәта щи муҗ пуҗавәт донщаҗ тәлэв.
Аплакат! Похат аплакат лыпийн юшат хирлат. Щита хошам!
«Илды!» – еҗк рәп. Илды пела вот пилән хатмилув, нохды
хухәлман манлув. Камән ищки, 40 градус. Туп ёнтты каш!
«Нохды!».

– Танька, наҗ каткута йисан! Ищкийн потляян! – аҗкем
увәл.

Пә муй! Венш пуҗалҗән вуртәҗҗән, посәт еҗка ювмел,
туп каш тәта! Школая мәнты аһнт мосәл, камән тарам ищки,
туп хататдыман хошам!

Тятътиты тахаев иса нопсәмән тайлэм. Муй улапсаем
хуват ям ус, муй атәм ус – ма иса нумләм. Улапсаев и лотән
аһнт доил. Мосәл хуҗантты хошты. Улапсаенән ел мәнты
нопсәт тайты мосәл. Хоят улапса – щит матты тятътиты
таха: нохды-илды, нохды-илды...

Н. Егерь хәнты ясҗа пайтәс

Тридчикова Татьяна Николаевна

Хантыйский язык, шурышкарский диалект

КАЧЕЛИ

Наступило лето, начались каникулы. Весело ребятишкам, можно беззаботно играть, тем более летний северный день длинный-длинный.

Однажды папа пришёл с работы и сказал, что хочет во дворе построить качели. Двор наш замечательный. Он большой, очень уютный, там весело проводить время. Что мы там только не затевали! Выдумкам не было предела.

Новость про будущие качели быстро разнеслась среди местной детворы. Мне, как старшей, приходилось отвечать на вопросы малышей, уточнять время, обсуждать детали, мечтать...

Наступило воскресенье. Погода с утра прямо-таки задалась. Солнышко весело подмигивало строителям, птички радовали бойким щебетанием. Пахло какой-то неизъяснимой свежестью. Ребятишки радостно переговаривались. Когда среди взрослых закипела работа, радости ожидающих не было предела.

Нам, конечно, хотелось помогать, но наша работа – не мешать. Качели должны быть прочными, чтобы выдерживать всех качающихся. Конечно же, должны простоять долго-долго. Вот они – крепкие верёвки, а на них длинная прочная доска.

И началось волшебство.

– Девчонки, кто будет раскачивать?

– Я! И я! – послышалось со всех сторон.

Рассудительная Наташа смеётся:

– А силы-то хватит? Ты, Иринка, сегодня каши мало ела, посмотри, как нас много, не выдержишь!

Конечно, испробовать раскачать качели хотелось всем. Спор быстро разрешился. С одной стороны доски встала Наташа, с другой – я, посерединке – наши три сестрички. Усилие, другое... Качели качнулись и поплыли высоко, высоко. Личики разгорячённые, косички подпрыгивают. У кого-то в сторону летят шлёпки, тапки. Радостный смех и песня. Одна, другая. Поём хором, дружно, громко. Мы вместе, плечом к плечу, а это главное.

Детская дружба, что может быть лучше! Качели сплотили нас. Летом они никогда не пустовали. Если мы не раскачивались – разговаривали. Наивные, как теперь кажется, детские мечты, искренние разговоры. Мы поверяли друг другу свои девичьи секреты.

Первой влюбилась Иришка. Невысокая, хрупкая, с длинной русой косой, голубыми глазами и длинными пушистыми ресницами, предметом нашей зависти. Мы, затаив дыхание, слушали, как они катались на велосипедах, ходили на речку Шайтанку, тогда ещё полноводную. А потом он уехал вместе с родителями. И наши качели тихо поскрипывали, вторя Ирочкиному горю.

Сентябрь, как и случается, подошёл незаметно. Подружки отправились в школу. А в свободное время – качели. Вверх – вниз, вверх – вниз. И занимали друг друга рассказами про удачные ответы и не очень. Про контрольную, которая была, как всегда, не вовремя. Про Сашку, который проходу не даёт, а сегодня вообще порвал тетрадку. Наши весёлые песни сменились чтением вслух. Качели замедляли полёт, Машенька, она читает лучше всех, открывает книгу, и разговоры сразу замолкают, превращаемся в слух. «Дети

подземелья» произвели на нас сильное впечатление. Прочитана последняя страница, а мы молчим, каждый по-своему переживает судьбу маленькой Маруси. А потом вдруг разом заговорили о том, что каждый из нас мог бы сделать в той ситуации, когда на глазах угасало маленькое существо. Мы были единомышленниками. Тихо раскачиваемся, думаем об ответственности за тех, кто рядом.

Прошло время. Друзья повзрослели. Но наше тёплое отношение друг к другу осталось. Воспоминания, как качели, согревают души. «Вверх» – вот она, салехардская снежная зима. Сугробы-то какие намело! Мальчишки роют тайные ходы. Тепло под снегом! «Вниз» – ледяная горка, быстро едешь и бегом наверх. Ну и пускай за 40, зато весело. «Вверх»:

– Танька, с ума сошла, обморозишься! – кричит обеспокоенная мама.

Куда там! Щёки горят огнём, варежки колом стоят, а весело, весело. В школу не надо, холодно, а на горке тепло.

Меня качели сопровождают по жизни. Это не только взлёты и падения, которые я пережила. Главное – умение слушать и слышать, полученное там, в детстве, на качелях. И золотое правило – качели, как и жизнь, не стоят на месте. Движение вверх должно быть непременно. Это и полёт мысли, успешные дела, настроение, с которым эти дела свершаются.

Tridchikova, Tatyana Nikolaevna

Khanty language, Shuryshkar dialect

THE SWING

Summer arrived, and the holidays began. The kids were delighted, as they could play happily, especially since the summer days in the north are very long.

One day, Dad came home from work and said that he wanted to build a swing in the yard. Our yard was wonderful. It was big and inviting, and we enjoyed spending time there. The things we got up to there! There was no limit to our imagination.

The news about the swing quickly spread among the local kids. As the oldest, I had to answer the little ones' questions, tell them how long it would take and other details, and imagine things...

Sunday arrived. The weather was wonderful in the morning. The sun happily winked at the builders, and the birds delighted us with their cheerful chirping. There was a smell of indescribable freshness. The kids talked happily. While the adults worked busily, the joy of expectation knew no bounds.

We wanted to help, of course, but our job was not to get in the way. The swing had to be solid to hold all the kids. And it would have to last for a long time. The ropes were strong, and it had a long, solid plank.

Then the magic began.

“Girls, who wants to push?”

“I do! I do!” came shouts from all around.

The sensible Natasha started laughing:

“Are you strong enough? You didn’t eat much porridge today, Irinka, see how many of us there are, you won’t be able to!”

Of course, everyone wanted to have a go at pushing the swings. The argument was soon resolved. On one side of the board stood Natasha, I stood on the other, and our three sisters stood in the middle. We pushed and pushed... The swing started to go higher and higher. The girls’ faces were hot, and their plaits flapped up and down. Someone’s slippers went flying. There was Happy laughter and singing. We sang all together, happily and loudly. We were together, side by side, and that was the main thing.

Childhood friendship, what can be better than that!? The swing brought us together. It was never empty during the summer. If we didn’t swing on it, we talked. Children’s dreams that seem naïve today, and heartfelt conversations. We trusted each other with our girlish secrets.

Irinka was the first to fall in love. She was short and fragile, with a long plait, blue eyes and long eyelashes that we envied. We heard with baited breath about how she and her boyfriend rode bikes, and walked to the Shaitanka river, which was still full-flowing. But then she went away with her parents. And our swing quietly creaked, repeating Irinka’s sorrow.

September, as always, crept up unexpectedly. We went back to school. But we spent our free time on the swings. Up and down, up and down. We talked about our marks at school, some good, some not so good, and about tests which always came at the wrong time. About Sashka who didn’t let you get past him, and once even tore up your exercise book. Our happy songs were replaced by reading aloud. The swings got slower, and Mashenka, who read better than anyone else,

opened a book, and we stopped talking and listened instead. “Children of the Underground” made a big impression on us. We read the last page, and we fell silent, each of us thinking about the fate of little Marusya. Suddenly, we started talking about what each of us could have done in this situation, when a young life suddenly faded before your eyes. We were fellow-thinkers. We quietly swung, thinking about responsibility for the people close to us.

Time went by. The friends grew up. But our warm feelings towards each other remained. Memories, like the swing, warm our hearts. “Up” – there it is, the Salekhard snowy winter. Such enormous snow drifts! The boys dig secret passages. It’s warm under the snow! “Down” – the snow slide, you go down quickly and then run back up. Even if it’s below 40 degrees, it’s still fun. “Up”:

“Tanka, don’t be crazy, you’ll freeze to death!” shouts Mama in alarm.

What does she know! Your cheeks burn like fire, your mittens are as hard as rocks, but it’s so much fun. You don’t have to go to school, it’s too cold, but it’s warm on the slide.

The swing accompanies me through my life. It’s not about just the rises and falls I have experienced. The main thing is the ability to hear and pay attention to the things you gained in childhood, on the swing. And the golden rule is that the swing, like life, doesn’t stay in one place. It’s essential to keep moving upwards. To have imagination, to be successful in what you do, and to always stay in a good mood when you do it.

Яковлева Олеся Юрьевна

Эскимосский язык

УПА БЫНКАМ МИЛЮК'УТАК'

Юпигыстун ун'ипаг'ан. Аюмик, пик'ут, тана киях'тыка-гук'. Киях'сималг'ик иваг'иних'та нулих'к'ульх'ик ынкам лъкык авак'утаг'ах'тумак. Танан'ук' ан'люку рамкытулг'и юхтук'ам нунаг'ым Ун'азим. Илян'ани угин'а упаях'тук' тугулюку ан'ылг'и калн'апыгак', укистак', упаниг'усик', к'амийык ынкам ан'ьятак'. Ката нын'а, упатулг'и асин'а – упаних'тук'. Иўырн'а упа ависимаг'. Напта таўан'инак' милюк'утак' ынкам амсякылг'и упа. Сюна укихтук' тагитук, сяпи лън'ит. Упам пи милюк'утак':

– К'уякамкын, иляй!

Милюк'утак' акитик':

– К'уякамкын, нуналгун!

Упам апта:

– Кина ипа хўан'кутыгнын' нык'ник'атху ун'азиг'мит?

Милюк'утам акита:

– Ынтак'ун хўан'а к'аюх'лъягк'ун кыстак'ат нык'ыка нык'нипихнилюку.

Упа пик':

– Ыткун югыт хўан'а манах'талюн'а намалтъык'ук' ан'ылг'имун рамкымун налини малг'угыгнун. Хўан'а нык'ыка уран' нык'нилг'и. Ныг'ак'ат атуным нык'ан'анун тыг'игат аг'ипалъюку, кумлямалюку, гаг'люку налини мысих'к'ун аякаг'люку. Нык'ын'лъяг'ак'ит имгутак'лъюки сушастут, акумусимита алн'унак сямун. Апат ынкам

нын'бют мыг'ак'ут к'аянын'. Таг'нух'ат пиник'ак'ит к'ам-
нан'и макух'люки к'айн'итнын' кан'рух'тат ынкам
мамах'ит. Нык'нигук'! Милюк'утак' пилятах'тук':

– Хўан'а нык'них'тун'а сяма атуг'бюгнагун'а.

Упа:

– Нака, хўан'а, хўан'а нык'них'тун'а!

Акук'атук упанкук милюк'утанкук. Туг'умг'атук.

Упа ынкам милюк'утак' атуным:

– У-гук!

Тыпак к'упах'тук.

Муг'уньих'та:

– Каай! Ёыне! К'упах'тук. Малък'ун лъкык! Пиник'ыль-
ык'укут атуным илякульх'ини ах'тирах'пынамта, таўатын
пинаюкамта упатун милюк'утастун.

Илят, киях'льюта пинитун! К'амах'тук'. Тфай!

ХЎАН'А РАМКЫКА

Хўан'а атк'а – Олеса, юпигыстун Нумын'а налим Айвы-
лик. Югинак' к'уля сипнык'люку аг'винлык уксюк'ун'а.
Киях'так'ун'а Санкт-Петербургыми. Хўан'а касиман'а Таси-
мын', Чукотким автономным округаның. Хўан'а рамкыка
ан'ук'. Аңаюк'алгун'а. Лън'ит аг'винлыгнын' таг'нух'ак'ут.
Пин'ают аг'наг'ах'ат, пин'ают мыкылг'их'ат. Анын'ак'а
к'ыпх'аг'ак'ук' – тыг'икусяг'них' тыңулюни. Хўан'а панил-
гун'а Ксениямын', юпигыстун Лин'ыля. Стаманын' ин'лю-
лык уксюк'ук'. Нáká – Ларисан'ук', юпигыстун Гытхын'а.
Лън'а к'ыпх'аг'ак'ук' таг'нух'алг'утами, апых'туг'ис-
тын'ук'. Атака – Юран'ук'. Лън'а кынын'лъях'тын'ук',
к'ыпх'аг'ак'ук' дизельными.

Хўан'а апалгуюх'тун'а Ақылъқамын' ынкам нын'бюлгу-
ях'тун'а Аймитхуымын'. Апама ихи улимаюх'лъях'тут. Югыт

пик'ылг'ит «ихи к'алмыг'ракихнилюки». Хўан'а мыкыстах'алюн'а аптак'ыхкыхка апака. «Сян'ами льпык ихытын нак'ам к'алмых'тигатат? Апама пик'ыхкаңа, тымн'и таўатын киях'нилюку алых'к'ун. Апама улимамак к'амийык. Тук'уқаңунакык. Лън'ан улимамак унах'симын' ынкам тапх'амын'. Апака альхык'агук' Ун'азими. Ун'азик' – тахках'так' юпигыт нунаг'ат. Апама ун'ипамсюгутақ'ан'а Ун'азимын'. Слъя сыг'лыг'унг'ани, иг'ивгаг'ми к'аюткыльюку ун'ипаг'ак'ылг'и. Лън'ан ун'ипак'ак'а аюмик' кияг'ныг'а, ан'лилъыни, атани ынкам нани.

Апама атан'а – Пугима. Пугима ан'ьяг'них'тын'укагук', муг'унъих'тын'умак. Лън'а наких'лъяхтук', унан'ьюх'лъяхтук'. Уксюми сифтак'ыхкани уткусыт. Лън'а наптак'ылг'и кавипигмын', к'атылг'имын'. Упынг'ами ан'ьяг'уг'ак'ылг'и, айвыг'аг'ак'ылг'и, аг'выг'аг'ак'ылг'и. Хўан'кута лякаг'мин'укут. Апама ун'ипамсюгутақ'ан'а. Нака мыкыстах'алюку, лън'ан апан'ан пиник'ых'лягума, к'унпын' пагик'ак'ыхкан'а. Пугима игляхтух'лъягумақ. Ынкам хўа на́ка к'авак'ыстанг'ани, лън'ан к'унпын' тах'тух'так'нъилюку. Пугимаг агихльюку, пиныг'мини «пусин'их'ай» – якуқлъюни. Хўан'а на́ка тах'туг'ак'ылг'и игляганын' ынкам к'ияк'ылг'и. Апама нан'ан – Ы́ак'ам, аг'ьюг'ак'ыхкан'а лън'а, тах'тух'тинг'ани. Ы́ака – укиникыхсях'туқ ун'увалюни. Лън'ан укиникак'и юпигыт пилюгуги. Аг'ильюгыт, к'ульигыт ных'сяқувинг'аг'мын', аткугыт, канагаяг'ыт. Ы́ак'а кылюкыхтых'лъякагук', укиники канагаяг'ыт мак'игатут, иман'игатут. Аюмик' сыг'лытун укиникат канагаяг'ыт ювг'иг'уаг'ак'ыхкан'ит. Имиг'люки мыг'мын', сх'апагак'ыхкан'ит. Иўын мак'ынг'ата, тугун'игалькан'ит. Макылг'ит кылюхтунилюки таўатылн'ут улимакат.

Хўан'а нын'ьюк'а – Аймитхаўын Ольга. К'ыпх'ах'лъякагук' таг'нух'алг'утами. Аймитхаўын манаг'ьяг'ьюных'тумак'. Ынкам хўан'алью манаг'ьяг'ьюных'тун'а лън'атун.

Илян'ани кигми, хўан'кута рамкывут ан'ьяг'умак' Тасимун. Сляя амсянамак'. Таг'ин'ани апама сифсима ныгах'пак, хўан'кута нын'ьюк'ульх'игни сяг'наях'тукут нунивагмын'. Сна Тасим ик'ан'итьпихтук'. Пук'льясимак', рыпаль уйг'ак, к'ынак' угук'намак'. Хўан'кута матах'амта ангимакут, най-вами пугимасимакут. Маюмакут найг'амун. Найг'амын' укигумакут аситмун. Тумылхлягуфтук'. Тумыт аюк'ыфтут К'иўамун. Мын'тыг'альых'туфтук'. Аюмик' Тасими киях'-тыкагутюпигыт. Хўан'а апама атан'а Кайн'ын тасиг'мин'ук'. Апама ун'ипак'ак'а. Аюмик' Тасими югыт киях'так'-н'ьата улывак'сях'тук' найва ынкам нўхтак'сях'тут юги Тасим к'улн'анун. Ёйтку мык' мин'льиньыг'ани юги Тасим итагнатун выг'утак'ут мын'тыг'амыхнун. Тасик' хўан'амни тыг'игнамак'. Тагани киях'льютың апанкут нын'ьюх'а-пут, ипам мын'тыг'апигни киях'так'сях'тут. Тамакут мын'-тыг'апигыт тыг'икусят амиритның улимак'сяк'ан'ит. Илюн'анисях'тут аграт, амимын' так'ыхкат, натитнун сяхтақит умураг'инат айвыг'ым амири. Талгўа тагани кынык'сялг'ит наних'аг'мын'. Лыган нак'ам аг'нат так'утак'ыхканит угитын' пилюгугмын'. Киях'симак' тагани навг'утирак', юпигыт тукфимак'ыхкан'ит к'уйиль-хытнын' к'уйн'ит амитнын', аймакын'итнын'.

Сяма юпигыт тымкак'увинг'амын' камкакылг'ит. Тамакын камыглютын тыг'икусяг'ниг'ак'ылг'ит. Тыг'икусян'ак'ылг'ит панамын' капльюки. Кынлын'ит ипыхлягыт, тугутмын' налини уйг'агмын улимакат. Унакыхкат калыв-наюката, аўатах'палиг'ак'ыхкан'ит. Тагани к'унпын' ан'ья-пихкун иглых'так'ылг'ит.

Хўан'а апалгуях'тун'а Ульхумын'. Апака ынкам нын'ьюк'а сяниг'мылн'угук. Нын'ьюк'а Лин'ыля акулг'аг'-вигмин'ук. Лън'ит уназиг'мин'ут. Лин'ыля укиникых-тых'лягьях'тук'. Лън'а к'ыпх'амак' укинививми, умил-гулюни. Укиникатын' агляльюки Портамун акикак'ит.

Лън'ан укиникак'и ихат, стульюгыт, насяпырат улима-
кат нуг'амын'. Алъя ун'ипак'ак'а нын'ьюма. Лин'ыля аг'у-
ляльыхлягунилюку. Вувалъями кытваг'люни аг'уляк'ыл-
г'и кайн'уюхпынани. Илян'ани хўан'а сх'апагак'анка
игак'ыхкат утук'ат. Нын'ьюма игақақлъюки ун'ипат ын-
кам ун'ипамсюгумак' киях'талъыг'мын' аюмим.

Яковлева Олеся Юрьевна

Эскимосский язык

УПА И МИЛЮКУТАК

Эскимосская сказка

Давно это было. Жил-был охотник с женой, и было у них много детей. Это была большая семья самого крупного эскимосского посёлка Уназик.

Однажды муж пошёл на упалку, взяв с собой: большой мешок, укистак', упаловку, нарту и ан'ьятак'.

Пришёл до места, где много на дне упы – упачит. А упы нет и нет... Поймал лишь милюк'утак' и небольшую упу.

Вдруг на бухту опустился туман и накрыл их.

Упа говорит милюк'утак':

– К'уяканка, иля! Здравствуй, друг!

Милюк'утак' отвечает:

– К'уяканка, нуналгун! Здравствуй, земляк!

Упа спросила:

– Кого из нас больше предпочитают есть ун'азиг'мит?

Милюк'утак' ответила:

– Пожалуй меня, потому что моё мясо считают лакомством!

Упа сказала:

– Когда люди меня наловят, хватает на большую семью, а то и на две. Моё мясо сочное. Едят с мясом морского зверя в сыром, замороженном, вареном и жареном виде. Готовят суши, салаты. Дедушки и бабушки пьют бульон. А дети любят

грызть мою внутреннюю оболочку и сосочки-отверстия.
Нык'нильюку! Вкусно!

Милюкутак снова сказала:

– Я вкусная и полезная!

Упа:

– Нет, я, я вкусная!

Набросились упа и милюк'утак' друг на друга. Начали бороться.

Упа и милюк'утак' одновременно воскликнули:

– У-гук!

И лопнули.

Охотник:

– Ка-ай! Ёуни! Лопнули. Так им и надо! Будем любить и уважать друг друга, не ссориться по мелочам, чтобы не случилось такого, как с упой и милюк'утак'ом. Друзья, давайте жить дружно!

К'амахтук'. Всё. Тфай!

Примечание.

Упа – асцидия, съедобное морское животное овального, красно-бурого цвета, с двумя сосочками-отверстиями, другое название «морская картошка».

Милюк'утак' – один из видов съедобных асцидий, название происходит от глагола **милюг'миг'ак'ук'** / **милюк'утаг'ак'ук'** – несколько раз кидает, бросает (перед тем как есть, эти асцидии бросали о камни, чтобы размягчить).

Упанигусит – орудие лова (приспособление с несколькими крючками для доставания асцидий со дна моря). Обычно называют «Упаловка».

Укистак' – пешня.

Ан'ьятак' – дорожные припасы.

К'уяканка, иля! – Здравствуй, друг!

К'уяканка, нуналгун! – Здравствуй, земляк!

Ун'азиг'мит – чаплинцы (жители посёлка Уназик, самого крупного эскимосского посёлка).

Нык'нильюку! – Вкусно!

У-гук! – сигнал к одновременному поднятию тяжестей.

Ка-ай! – сожаление, отрицание.

Ўыни! – неловкость, неудобство, насторожённость.

К'амахтук' – Всё.

Тфай! – тьфу (обычно эскимосы говорят в конце, после рассказа сказки или истории: «Тфай!»).

МОЯ СЕМЬЯ

Моё имя Олеся, по-эскимосски Нумын'а или же Айвылик. Живу в Санкт-Петербурге. Я приехала из посёлка Новое Чаплино, которое находится в Чукотском автономном округе, на самом краю огромной нашей Российской Федерации.

Моя семья большая. У меня есть родители. У них шестеро детей. Три девочки, три мальчика. Мой старший брат работает охотником. У меня есть дочка Ксения, по-эскимосски её зовут Лин'ыля. Моя мама – Лариса, по-эскимосски Гытхын'а. Она – воспитатель в детском саду. Мой отец – Юрий. Он – электрик, работает на дизельной электростанции.

У меня был дед Ак'ыльк'ак' и бабушка Аймитхаун. У деда руки умелые, всё могли делать. Люди говорили: «Руки золотые». Когда я была совсем маленькой, спрашивала дедушку:

«Почему твои руки не блестят?», и дед отвечал: «Так живёт поговорка». Дедушка мастерил сани без единого гвоздя. Он делал их из цельного дерева и верёвки. Дед родился в Старом Чаплино. Старое Чаплино – это древнее эскимосское поселение. Дедушка рассказывал мне про него. В плохую погоду, вечерами, за чашкой чая повествовал о жизни эскимосов в былые времена, о том, как он рос, о своём отце и маме.

Его отца, моего прадеда, звали Пугима. Пугима был бригадиром. Ещё он был хорошим охотником. Зимой расставлял капканы, ловил песцов и лис. Весной ходил на лодках, добывал моржей, китов. Мы из рода лякаг'мит. Дедушка мне рассказывал. Маму мою, совсем маленькую Гытхын'у (Ларису), дед сильно любил, всегда нянчил. Пугима был громогласным. Когда моя мама начинала засыпать, он опрометчиво будил её своим голосом. Пугима заглядывал в колыбельку и ласково, с осторожностью произносил: «Котёнок». Но моя мама от звука его голоса просыпалась и начинала плакать. Пугиму его жена Ёак'а всегда ругала от этого. Ёак'а при жизни была мастерицей. Она шила национальную эскимосскую одежду. Рукавицы, штаны из нерпичьей шкуры, кухлянки, торбаса. У неё был очень ровный шов, сшитые торбаса не портились, не протекали. Раньше торбаса тщательно проверялись. Набирали воду в них и наблюдали. Если выходила вода, не брали. Протекали те, где был широкий шов.

Моя бабушка Аймитхаун Ольга – много лет проработала в детском учреждении. Аймитхаун любила ходить на рыбалку. И я тоже люблю ходить на рыбалку, как и она. Однажды летом моя семья плыла на лодке в Тасик'. Погода выдалась хорошая. Там дед поставил сеть, а мы с бабушкой пошли собирать нунивак (растения). Берег Тасик' очень чистый. Было жарко, даже камни и песок были горячими. Мы разделись, гуляли и купались на озере. Забрались на сопку. По сопке сверху спустились вниз к дороге, которая

вела в сторону Кивака. Много там жилищ. С далёких времён в Тасик' жили эскимосы. Моего деда отец – Кайн'ын – родом из Тасик'. Дед мне о нём рассказывал. Раньше, когда в Тасик' жили люди, озеро часто заливало их. Тогда люди перебирались в другое место, повыше, чем Тасик'. Лишь вода отступала, жители Тасик' снова возвращались в свои жилища. В Тасик' мне понравилось. В те времена, когда жили деды и бабушки, они жили в ярангах. Эти настоящие жилища делали из шкур морских зверей. Внутри были пологи из шкур оленей, в коридоре полы настилали толстыми моржовыми шкурами. Источником огня тогда служили жирники. Женщины полностью одевали свою семью, шили всем одежду. Вёлся обмен. Эскимосы закупали у оленных людей шкуры и туши оленей. У эскимосов была обувь из нерпичьих шкур. Они в них обувались, ходили на охоту. Добывали копьём морских зверей. Наконечники копья острые, сделанные из клыка зверя или камня. Чтобы добыча не утонула, привязывали её к надутым шкурам. Тогда только на байдарках ходили.

У меня был дед Улх'у. Дед и бабушка Аймитхаун Ольга из рода сяниг'мылн'ут. Их мама, моя прабабушка Лин'ыля, хорошо шила, в пошивочном цехе была начальником. Она мастерила перчатки, торбаса, шапки из пыжика. Сшитые вещи везли в посёлок Провидения и там продавали. Ещё, по рассказам моей бабушки, Лин'ыля хорошо танцевала. На празднике она выходила на середину и танцевала не стесняясь. Бабушка записывала рассказы и любила вспоминать о прошлой жизни. Я с интересом рассматриваю старые фото.

Yakovleva, Olesya Yurevna

Eskimo language

UPA AND MILYUK'UTAK'

An Eskimo story

A long time ago, they say, there was a hunter and his wife who had many children. This was a large family in the largest Eskimo village of Un'azik. One day the husband went hunting, and he took a large sack, an ukitstak', upalovka, sled and an'yatak'.

He came to a place where there were many upa on the bottom. But no upa came... He only caught a milyuk'utak' and a small upa.

Suddenly a mist came down on the bay and covered them.

The upa said to the miluk'utak':

“K'uyakanka, ilya!”

The milyuk'utak' replied:

“K'uyakanka, nunagun!”

The upa asked:

“Which one of us does the un'azig'mit like to eat the most?”

The milyuk'utak' replied:

“It's probably me, because my meat is a delicacy!”

The upa said.

“When people catch me, it's enough for a big family, or even two. My meat is juicy. They eat it with the meat of the sea creature with cheese, in frozen, boiled or fried. They prepare sushi and salads. The grandfathers nad grandmothers drink

the stock. And children like to chew my inner skin and sucker holes. Nyk'nilyuku!”

The milyuk'utak' said again:

“I'm tasty and healthy!”

“No, I'm delicious,” said the upa.

The upa and milyuk'utak' started fighting.

The upa and milyuk'utak' (together):

“U-guk!”

The sea creatures burst.

The hunter said: “Ka-ai! Uyni! They've burst. Let's love and respect each other and not quarrel about little things, so that we don't meet the fate of the upa and the milyuk'utak'.”

“Friends, let us live together in peace! K'amakhtuk'! Tfai!”

Notes.

Upa – an ascidian, an edible sea creature. Oval, red and brown, with two sucker holes. It is also called a “sea potato”;

Milyuk'utak' – a species of edible ascidian. The name milyuk'utak' comes from the verb *milyug'mig'ak'uk'*, *milyuk'utag'ak'uk'* – to throw something several times; before it is eaten, these ascidians are thrown at a rock to soften them;

Upanigusit – a hunting implement (with several hooks to pick up ascidians from the sea floor). Usually called “Upalovka”;

Ukistak' – ice-pick;

An'yatak' – travel supplies;

K'uyakanka, ilya! – Hello, friend!

K'uyaknaka, nunalgun! – Здравствуй, земляк! Hello, fellow countryman

Un'azig'mit – residents of the village of Un'azik (Chaplino) – the largest Eskimo village

Nyk'nilyuku! – Delicious!

U-guk! – signal to lift heavy weights

Ka-ai! – regret, denial

Uyni! – awkwardness, inconvenience, wariness;

K'amakhtuk' – That's all.

Tfai! – phooey (usually Eskimos say “Tfai”! after telling a story).

MY FAMILY

My name is Olesya, and my Eskimo name is Numyn'a or Aivylik. I live in St. Petersburg. I came from Novoe Chalpino in the Chukotka Autonomous Oblast. I have a large family, my parents have six children, three girls and three boys. My eldest brother is a hunter. I have a daughter Ksenia, and her Eskimo name is Lin'ylya. My mother is Larisa, her Eskimo name is Gytkhyn'a. She works as a kindergarten teacher. My father is Yury. He's an electrician, and works at a diesel power station. I had a grandfather called Ak'ylik'ak' and a grandmother called Aimitkhan. My grandfather was good with his hands and could make anything. People said he had “golden hands”. When I was small, I asked my grandfather: “Why don't your hands shine then?”, and he replied “that's just how the saying goes». He made a sled without a single nail. He made it from wood and ropes. He was born in Staroe Chaplino. This is an old Eskimo settlement. Grandpa told me about Chaplino. In bad weather, in the evenings over a cup of tea, he told me about the life of Eskimos in the old days, about how he grew up, and his father and mother. My other grandfather was called Pugima. Pugima was a brigade leader and hunter. He was a good hunter. In the winter he set traps, and caught snow foxes and foxes. In the spring he hunted walruses and whales in a boat. We are from the Iyakag'mit clan.

My grandfather told me. My mother, Gytkhyn'u (Larisa) was very small, and my grandfather loved her and always looked after her. Pugima had a loud voice, so when my mother was just going to sleep, he always woke her up. Pugima looked at her and said "Kitten" – he was careful. My mother would wake up from the noise of his voice and start to cry.

Uak'a told off my grandfather when he woke my mother up. Uak'a sewed the national Eskimo costume. Gloves, pants of seal hide, dresses and boots. Uak'a sewed very even seams, her sewn boots never leaked. In the past, poorly sewn boots were checked thoroughly. The boots were filled with water. If they leaked, they were no good. Ones that had a wide stitching leaked. My brother Aimitkhaun Olga worked for a long time at a kindergarten. Iamitkhaun liked to go fishing. I also like to fish, like she did. Once in summer, my family took a boat to Tasik'. The weather was wonderful. My grandfather put down a net, and my grandmother and I went to gather Nunivak (plants). The shore of Tasik' is very clean. It was hot, even the stones and the sand were hot. We got undressed and sawm in the lake. We climbed on to a mound. We went down the mound. There was a road that led to Kivaka. There were a lot of houses there.

Eskimos have lived in Tasik' for a long time. The father of my grandfather Kayn'yn was born in Tasik'. My grandfather told me a lot about him. When people used to live in Tasik', the lake flooded them. So people moved to another place higher up than Tasik'. When the water dropped, the people who lived in Tasik' returned to their homes again. I liked it in Tasik'.

When my grandfathers and grandmothers were alive, they lived in yarangs. These are houses made of the skins of sea creatures. There were canopies of deer hides inside, and in the corridor thick walrus hides lay on the floor. Blubber was a source of fire for a long time. And the women dressed their men completely, sewing clothes for them. There was an exchange.

The Eskimos bought reindeer hides from the reindeer breeders, and gave them boots of seal fur. The hunters wore them when they went hunting. They caught sea creatures with spears. The tips were sharp, made of tusks or stones. To stop the prey from sinking, they tied it to inflated hides. They only went hunting in canoes back then. I had a grandfather called Ulh'u. My grandfather and grandmother are from the syanig'myln'ut clan. Grandmother Lin'ylya was good at sewing. She worked in a sewing workshop, she was in charge of it. She took the sewn items to Provideniya and sold them there. She sewed gloves, boots and hats. My grandmother Lin'ylya also danced well. At parties she'd go into the middle of the room and dance, she wasn't shy at all. Sometimes I look at old photos. Grandmother told me about life in the old days.

ПОЭЗИЯ
НА РОДНЫХ
ЯЗЫКАХ

 POETRY
IN NATIVE
LANGUAGES

Баксарина Валентина Николаевна

Лауреат, телеутский язык

ҚОДЫР ЭЧКИ

Тамынды қуча тут жат.
Эм јубалып сүлеп жат:
– Қарыпадым, күч чық жат,
Јадар јажым түген жат –
Ордымма қуча тапқар.
Қойлор аға ачын жат,
Көстөрдөң јаш төгил жат:
«Сағышқа түшпадылар,
Қуча педреп јүрјалар».
Эчки јүгүрүп кел жат:
– Қуча полом! – қыйғыр жат.
Эрмекти оңдолбойат,
Сағалмынаң силкип жат,
Тоқтобойло марап жат.

Қойлор аға көстөп жат,
Пағырғанча қатқыр жат.
Қуча тамында жоқто,
Қодыр эчки паш пол жат.
Оңдың пажына чықпайат,
Пирде неме айдалбайат,
Көстөр оқ айланыш жат.
– Эчки, қошмоқтонјаң ба?
Писти өчөштирјаң ба?
Пар мынаң, кедери пар,
Эчкилериңди табал!
Кем полјитаның пилтур,
Ордыңда ла отыртур!

ҶОЙ

Ала Ҷой оромчо пар јат,
Орой пажын пулақтат јат.
Пойы пойын көрин јат,
Ала тонын сийман јат.
Удура келгенди көрбөй,
Пирде неме толобой.
Мўўсти қадай тудубий јат:
– Сўзўбийем! – Ҷыйғыр јат.
Јаның јажын толобойат,
Тууғандарды оңдобойат.
Пойы пойын ла сўп јат,
Соғойоқтоп тўгўр јат.
Кўндер пар јат, јыл эртип јат,

Ҷойдың јажы эм Ҷожыл јат.
Чечен пазық Ҷыйрайпады,
Ала тоны тилепады.
Ҷайдаң киже қатқыратан,
Ҷайдаң тууғандар табатан?
Эрмектежер – кижі жоқ!
Урыйберзе – тууған жоқ!
Пажычақ салбақтапады,
Тиличеги қысқарпады.
Ҷарыпарған – ой кирпады!
Јалынып, Ҷой ўренпады!
Јашта тың қорқызынған –
Эм јаңыс јадақалған!

ҶУШТАР

Чуланда Ҷуштар јат јат,
Анда табыш патпайат,
Тоқтобой қоқылдапјалар,
Ўзере уғышпайалар,
Ҷанатмынаң қағышјалар,
Нени-нени жеңишјалар.
Петўк тўнўкке таң јат,
Јаман көсмынаң көр јат:
– Ҷайда, узығар јапқар,
Меең айтқаным тыңдағар!

Алу эрмек апарбағар,
Пилбегенде – тоқтоқалғар,
Уйаларға отырғар,
Јымырқаларды тууғар!
Ҷуштар қанатты сал јат,
Ордыларға отыр јат.
– Жоқ эрмекти чығарбағар,
Эзигерди пулғабағар.
Ҷоптың пажына чықпас,
Учы-пажын аң тапас!

ПУҒА

Пуға тоқтобой жүр жат,
Ұнин үспей оқтоп жат.
Туйғақмынаң жерди қақ жат,
Туйғақтаң от чачыл жат.
Пуға қолту педреп жат,
Айабайла талдап жат:
Мының көстери қыйғаш,
Пооң жүзи тын апағаш,

Анда қулағы жалбақ,
Тигең қуйруғы мамақ.
Талдаған, талдаған,
Жаңысқан артықалған.
Ойғур сөстөрди уққар,
Жүрегерге салынғар.
Талдағаны – тас полор.
Тайанғаны – сас полор.

ТҮЛКҮ

Түнүкте түлкү отыр жат,
Көзинең жаш төгил жат.
Ары-бери эрткендерге,
Урузын қабарлап жат:
Пажы ур жат тоқтобойло,
Тумчығынаң суу ақ жат,
Қулағына табыш тол жат,
Жүреги тың қағыл жат.
Сас қалығы ишке чык жат,
Түлкү урјам, теп, жат жат.
Қойон јанажа турбизе:

– Не керек? – теп, чыңыр жат, –
Көрбөйаң ба, мен урјам,
Көстөрим ачалбайам!
Айу јанажа турбизе,
Төрт айаққа турби жат,
Қамағын тарсылдадып,
Айуға пашқой сал жат.
– Ооо, қултур мен, – эзен жат,
Түлкү түлкү ле полор,
Анаң нени алаға.
– Мен ойлу, – теп, эзен жат.
Алузы қамағында.

АЛУ ҚУШ

Ұыш жерине тўн тўш жат,
Орой қуштар сонып жат.
Алу қуш ла уқтабайат,
Тостоқ көстөрин жапайат,
Қара тўнде қарап жат,
Төгөзө неме пил жат.
Кем кемынаң найлаш жат,
Кем нени қани апар жат.
Сөстөр пирде айтпайат,

Пойында ла тудун жат.
Ұыш қалыққа чығарбайат,
Ўзере чағыштырбайат.
Алу қуштаң ой аларға,
Табыш сөсти жайратпайла,
Көргөнди көрбөгөн пол,
Уққанды уқпаған пол.
Тилиңе чалчөк салқой,
Пилгенди пилбеген пол!

Баксарина Валентина Николаевна

Лауреат, телеутский язык

КОЗЁЛ

Вожак отары слабый стал.
В отставку просьбу он подал:
– Найдите, овцы, молодого,
Чтоб я спокойно доживал,
Дела ему все передал.
За вожака все испугались,
В раздумье впали все тотчас:
«Кого, кого найти сейчас?»
Козёл навстречу им бежит:
– Я буду вожакom! – кричит.
Словами речь собрать не может,
Но бородой своей трясёт.
Копытом землю грозно роет,
При этом блеет ни о чём.
Кругом все овцы засмеялись:
– Иди, козёл, куда идёшь.
Среди козлов быть можешь главным,
Но в нашем стаде ты негож.

ОВЦА

Жила была овца крутая,
Такая смелая была.
Родных своих не уважала,
Обидой сердце им сожгла.
Одну себя овца любила,
Красу свою так берегла,
Что не заметила, как быстро
Совсем состарилась она.
Увы, года те не воротишь,
Красу былую не вернёшь.
Деньгами дружбу ведь не купишь,
Назад никак не повернёшь.
И вот совсем одна осталась,
Воды ведь некому подать.

КУРЫ

Шум в чулане, перья вьются,
Пыль стоит до потолка.
Куры квохчут и дерутся,
Но понять о чём – нельзя.
А петух так злился, злился,
На насест так резко взвился.
– Кукареку! – закричал, –
Замолчите, вам сказал.
По местам все разойдитесь,
Лучше яйца принесите.
Сплетни все не разберёте,
Правду в них вы не найдёте.

БЫК

Бык кругами хороводит,
Искры бьют из-под копыт.
Время брачное подходит,
Бык невесту ищет тут:
Чтоб была она красивой,
И характер не строптивый.
Вот бросает бык свой взгляд:
Сильно морда белая,

Тут глаза наискосок,
А у третьей хвост не тот,
У четвёртой масть не та.
Выбирал, выбирал –
Никого не подобрал.
Так и ходит до сих пор,
Никому не нужен он.

ЛИСА

В норе лиса лежит, хворает.
Всем про болезни говорит,
Как сердце болью раздирает,
В ушах шумит, в висках стучит.
Сама при этом мысли греет:
«Я на работу не пойду,
Пускай другие ноги бьют,
Я лучше дома посижу».
Тут заяц мимо пробежал,
Лису проведать забежал.
Она как громко закричит,
Об пол хвостом как застучит.
И зайка быстро убежал,
Но всё медведю рассказал.
Вот до лисы медведь пришёл.
Стучится в дверь – из дома стон.
Лиса с постели быстро встала,

Перед медведем на пол шлёп.
Пола слезами умывает,
Но глаз лукавый не смыкает.
Медведь на лиску долго смотрит,
Но взгляд суровый не отводит.
– Скажи, лиса, зачем ты врёшь,
Ведь с ложью долго не живёшь?
Ведь выше всех себя ты ставишь,
Но в этом радость не найдёшь,
А только больно упадёшь.

СОВА

В ночном лесу темно и тихо,
Все звери в норах мирно спят.
Одна сова в ночи не спит,
Сидит в дупле себе, сидит.
Глазами круглыми моргает,
Во тьму ночную всё глядит
И ничего не говорит.
Сама-то знает, кто с кем дружит,
Кто что творит в тиши ночной,
От болтунов секреты слышит
И видит, кто чего несёт.
Нам у совы бы поучиться,
Ума у этой птицы взять,
Слова скабрёзные не знать,
Чтоб их друг другу не кидать.

Baksarina, Valentina Nikolaevna

Teleut language

THE GOAT

The leader of the pack grew weak
He asked to retire:
“Find a young one, my sheep,
So I can live my life peacefully,
Give him all my work.
Everyone was scared for the leader,
Everyone began to think:
Who could they find now?
A goat came running up to them:
“I’ll be the leader!” he cried
He couldn’t make a speech
But he could shake his beard.
He fiercely stamped with his hoof
And bleated about nothing.
All the sheep laughed:
“Go on, goat, go on your way.
Maybe you’re the chief of the goats
But in our herd you’re no good.”

THE SHEEP

Once there lived a clever sheep,
She was very brave.
She didn't respect her family
And made them angry with her.
The sheep only loved herself,
And protected her beauty
That she did not notice how quickly
She soon became very old.
Alas, you can't return years,
And regain your former beauty.
You can't buy friendship with money
And you can never take something back.
And she remained all alone,
With no one to give her water.

CHICKENS

Noise in the coop, the feathers fly
Dust rises up to the ceiling
The chickens are clucking and fighting
But no one can say why.
But the rooster was so very angry
"Cock-a-doodle-doo!" he cried.
"Be quiet, I said.
Everyone go to their places.
Bring me eggs instead
You can't understand all the gossip.
You won't find truth in it."

THE BULL

A bull is wandering in circles
Sparks fly out from his hooves
The mating time is coming
The bull looks for a mate:
One that is beautiful
And one that is meek and mild.
The bull sees one he likes
This one's snout is too white
This one's eyes are too wide
A third one has an ugly tail
And the fourth has a shabby coat.
He tried to pick one out –
But couldn't choose one he liked.
And so he's alone to this day,
No one needs him now.

THE FOX

A fox lies in a burrow, she's ill
And tells everyone about her illness:
How her heart pains her,
There's a roar in her ears, and her head is pounding
But one thought keeps her warm:
I won't go to work
Others can wear themselves out.
I'd rather sit at home.
Then came a hare running by,
The fox ran out to see it
The fox cried out so loudly
And beat its tail on the ground.

And the hare swiftly ran away,
But told everything to the bear.
The bear came to the fox
It knocked on the door, and heard a groan
The fox quickly got out of bed
It crawled to the bear on the floor.
It washes the floor with its teas
But the cunning eye did not turn away.
The bear looked long at the fox
But did not turn its stern gaze away.
“Tell me fox, why do you lie,
You can’t live long with a lie?
You put yourself above all the rest,
But you won’t find joy in this,
And you’ll only fall down in pain.

THE OWL

It’s dark and quiet in the forest at night,
The beasts are asleep in their burrows.
Only the owl does not sleep at night
It sits in a hollow of a tree
And blinks its round eyes,
It looks into the dark night
And says nothing.
It knows who is friends with whom
And who does what in the silence of the night
It hears the secrets from chatterboxes
And sees who carries what
We could learn from the owl
And be sensible like it
Not to know malicious words
So as not to throw them at one another.

Сязи Антонина Егоровна

*Дипломант I степени,
хантыйский язык (приуральский диалект)*

ТЫҔАЩ ИКИ

Ханты моньц

Пуращ ТыҔащ ики, вотэм ТыҔащ ики
Турам хуват шэңк хув яңхас,
Волды метас, щёмлы питас.
Лыты лытты питас, щутщаты лытас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Вул менял пусаң елан сыялас.
Курал алмал, тутал вушитмал.
Пуращ ТыҔащ щиящ манас.
Вотэм ТыҔащ хотна лаңас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Вул менялна парса омасты,
Вул менялна лавса лын пиҔанна лыты.
Менял лантал кавармас,
Сора пасан омтамтас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Пуращ Тылащ ики, вотэм Тылащ ики
Мидал ил мохитас, пасан хоща омсас
Йикал пилна, менял пилна.
Ям лытат лыс, лант еншас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Щикем ямас щутшас, мидал нох понас,
Туп охал ай йир, хощ холмал.
Хув ант лайласас, менял каркам ус.
Тылащ ики ким этас, ятапшаял вус.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Па елащ манас, мувал енитас
Пуращ Тылащ ики, вотэм Тылащ ики
Палаң кут эвалт, турам тут кут эвалт манас.
Волды метты питас, сэңк такан метас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Кутап менял пусаң елан сыялас.
Куурал алмал, тутал вуцитмал.
Пуращ Тылащ щиящ манас.
Вотэм Тылащ хотна лаңас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Кутап менялна парса омасты,
Кутап менялна лавса лын пилална лыты.
Путал есса ант сак етсас,
Путал есса хув сак каврас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Пуращ тылащ ики нюр саңкамса,
Вотэм Тылащ ики есса маңанмаса.
Ши кумна лантал кавармас,
Менял пасан омтамтас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Пуращ тылащ ики милал ил мохитас,
Вотэм Тылащ ики пасан хоща омсас
Йикал пилна, менял пилна лыты хатас.
Ям лытат лыс, лант енщас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Щикем ямас щутьщас, милал нох понас,
Туп охал ай йир, такан сак холмал.
Менял ант тэрмалас, хув сак пут кавартас.
Тылащ ики ким этас, ятапщаял вус. Елащ манас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Щиты манас. Мув еңитас,
Волды такан метас, ил нёрщас.
Ай менял пусаң ши пуляң сыялас.
Нох туңматыяс пуращ Тылащ ики. Щиящ манас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Ай менял велаш тутал алас,
Ай менял велаш путал омтас.
Ай менялна парса ил омасты.
Ай менялна лавса лын пиланна лыты.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Пуращ Тылащ ики ил ши омсас.
Вотэм Тылащ ики волды олмал ёхтас.
Ил маңанмаса, ил воямса.
Хув-ван хуяс, нох вератса.
Ай менялна лыты вохса.
Ай менялна ям пасанна оматса.
Йикал пилна, менял пилна лысат
Ям лытат, ям лант ещсат.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Нары хоща вуты хатас, есса щутьщас,
Милал нох понас, охал маласас.
Ох йирал кутпал моса холмал.
Ким этас, ятапщял вус, елщ манас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Пуращ Тылащ ики, вотэм Тылащ ики
Мув еңитман елщ манас.
Вотэм Тылащ ики, тусаң пуращ ики
И мантал эвалт охал холты питас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Щиты муv еңиттал эвалт, щиты муv сыйиттал эвалт
Охал холты питас, такан метты питас,
Волды пурщамаса, волды охлы питас.
Йиклална ёхи ларемаса, имел хоща туса.
Усаң йикна лёхитса, тут пилна, кев сыв пилна ёлатса.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Ай ох йирна па этса, йилап юрна па ёхатса.
Есса щутьщас па пора ёхтас,
Па муv еңитты манас.
Энамты ёхат хорасна манас,
Энамты йикет хорасна сусмас.
Мувал мохалтал эвалт, юрал ёхтас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Охал кутпална ёхтас, улапсэл кутпална питас.
Ям юраң нави Тылащ
Мувал ал воңхрыял, мувал лотаххи йис.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Касаң хатлатна охал энмас,
Касаң хатлатна юрал ёхтас.
Талаңни йитал моса, щиты щи еңитас,
Щиты щи мувал сыйитас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Щиты яхтал эвалт пурщаматы питса,
Охал волды ента питас,
Охал волды хощ вотса,
Йикдал нумдытас, меньдал нумдытас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Щиящ янхты номас вус,
Щиящ янхты лытты питас,
Кус лув хотал ванна ус,
Йикал пела каремас, тохи манты лытса.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Вул менял нох ши килас, тут пусчал нох ши этас,
Илампа пут кавартас, Тылащ ики тохи манты питас.
Пуращ Тылащ ики, вотэм Тылащ ики
Турам хуват сэнк хув янхас,
Волды метас, волды щёмды питас,
Лыты лытты питас, щутьщаты лытас.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Алаң сахат хуньл хус вул йикална вуса,
Ила хуньл хус кутап йикална вуса,
Ным пела улам хус ай йикална вуса.
Улдал хоща волиллат, щиты лойлат.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Ащел мохты антат манал, ащел щиящ ант каремал,
Тылащ ики, лув па вус ай нави, ай хус.
И яха янхты, и яха мув енитты.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Ищкина ванна вулды, мелакна ел эслылды.
Щиты ши янхлаңан, щиты ши уллаңан.
Кутна Тылащ ики пурщамиса,
Кутна Тылащ няврем хорасна питыдыса. Щи.

ИЛА ВУРТЫ НАЙ

Ила вурты най,
Этар восты турам.
Нуяң эвтам вай,
Тусаң верам сурам.

Хатл ими ёхи манас,
Велаш этам Тылащ партас:
«Турам хуват хусат луңта,
Щи юпина парта мана».

Ур томпина хуньл лаңас,
Турам хоща калэл хищас.
Щёмлы Тылащ нохаш хуңхас,
Хусат пилна и юр верас.

Тылащ похнам лотах лонщ
Ермак иты хутлиял.
Ур лыпина ныты тащ
Лалпи иты волиял.

Киярт катлам путы ур
Щахарры нюр ювмал,
Ас путарна улты ур,
Ур хот щита холмал.

Ур хотна па кур алам,
Тут султамлал нохаш рыйлат.
Хот лыпина пасан омтам,
Исукладыи нёха дылат.

Хот еңатман хоптэт суслат,
Хата рахал щахар верлат.
Ухлат кутна имет яңхлат,
Ёхи лытат каслат.

Алаңсахат холна патлам
Ур хот ил па пайтам.
Дойтангысат, ухлат кирсат,
Ас томпина мантсат.

Онас манам няра юсэл
Сохам иты нярасмал.
Ташел востам вутаң юсэл
Кул иты таласмал.

Ас томпина онас питас,
Хатл ими нох ши килас,
Милал понас, послал сумтас,
Ишки хатл верас.

Онасна манты ёхат,
Онасна манты ныңат
Ишки хоща вер ант тайлат,
Хосам элсох луматман.

ЛУЙМАС

Тунял луңев нумдытты
Томатта хатлэв иты.
Ши порайна сэңк вул хомпат
Ас путарна вуты рыйсат.

Таласам турам хуват так вот похал
Палңат мансыман, лукки нюхлыман,
Ерт похлат пилна яңхал.
Морам хотна ялан уллув наев даялман.

Нох эхтам хасапн ант воямлаюв,
Ал щиты хуйлув.
Талта ел манты кус верев ус па
Есса волылув, ант тэрмалалув.

Такан дайлам хатлэв ёхтас,
Вес ванты хорпи тэван ёхтас.
Роваң наев турмев хоща тут хорпи,
Щикем такан каврам питас.

Щимаш каврам хатлатна
Лыты ант лытлаюв холна.
Каслты пела лытлув,
Мосайлув яха акатлув.

Ила пела ёлахна
Хотэв илпа паятлэв.
Мосайлув муң алсаллув,
Хопев пела лэлсаллув.

Мувев, Иңнев, Вотэв пела
Елащ ямас улты щирна
Ям лытатат омты лысув,
Ох понман па пойкащисув.

Луймас эвалт, елащ мантэв илпина,
Охна йирам щашкан лэрат
Юх хоща йирилысув, ям улапса ураңна:

Парта па ат ёхатлув,
Тумтакан па ат уллув.
Най ишалт муң керласув,
Куртэв пела муң мансув,
Щита талэв щи тайсэв.

Сязи Антонина Егоровна

*Дипломант I степени,
хантыйский язык (приуральский диалект)*

СТАРЫЙ ТЫЛАЩ ИКИ. СТАРИК-ЛУНА

Хантыйская сказка

Старый Тылащ ики
По небу долго ходил.
Седой Тылащ ики
Совсем ослабел, очень устал.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
Вдали над чумом дым увидел –
Старшая невестка печку затопила.
Чтоб еду сварить, свет в чуме зажгла.
Старый Тылащ туда пошёл и в чум зашёл.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
Старшая невестка садиться велела,
Покушать с ними она пригласила.
У неё еда сварилась,
И быстренько столик свой поставила.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Старый Тылащ, седой Тылащ
Вместе с сыном и его женой
Сел за стол и шапку снял.
Хорошо поел, лант попил.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Старый Тылащ хорошо отдохнул,
Только лишился краешка головы.
Шапку надел, посох взял и вышел,
Довольный проворством невестки.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Старый Тылащ землю крутить опять пошёл.
Седой Тылащ сквозь облака шёл,
Сквозь сияние северное проходил,
Очень устал, проголодался, покушать захотел.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Вдали над чумом дым увидел –
Средняя невестка печку затопила.
Чтоб еду сварить, свет в чуме зажгла.
Седой Тылащ туда повернул, к сыну зашёл.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Средняя невестка садиться велела,
С ними покушать его пригласила.
Еда у неё ещё не готова –
Подождать и отдохнуть его попросила.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Жарко стало престарелому Тылащ ики,
Захотелось вздремнуть седому Тылащ ики.
Только уснул, а его разбудили,
И дети его к столу пригласили.

Старый Тылащ ики шапку снял,
Седой Тылащ ики к столу сел.
Вместе с сыном и его женой сидел,
Вкусный лант попил, хорошо поел.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

После отдыха шапку натянул,
Ещё больше лишился краешка головы.
Не торопилась невестка, отдохнуть дала.
Тылащ ики взял посох, вышел и пошёл.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
 Старый Тылащ землю крутил,
 Приклонился о посох, совсем устал.
 Вдали над чумом дым увидел.
 Младшая невестка печку затопила, и он туда пошёл.
 Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
Младшая невестка только проснулась и встала,
Печку затопила. Еду варить поставила.
Ему садиться она велела
И с ними покушать его пригласила.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
 Старый Тылащ ики на нары сел,
 Седой Тылащ ики спать захотел.
 Задремал, а затем уснул.
 Его разбудили, наверно долго спал.
 Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
Младшая невестка поесть пригласила,
Она накрыла богатый стол.
Вместе все попили и поели,
Вкусную еду, горячий лант попили.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
 На нары сел, отдохнул после еды.
 Голову пощупал, почти полголовы нет.
 Шапку натянул и вышел на улицу,
 Взял свой посох и опять пошёл.
 Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
Пока землю крутил, пока землю обходил
Старый Тылащ ики, седой Тылащ ики,
Голова стала исчезать, уставать стал.

Совсем состарился. Безголовый упал.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
 Сыновья домой его крутанули,
 К жене его привели.
 С водой из чаги они его помыли,
 С огнём и с паром от горячего камня.
 Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Три дня с паром и огнём очищали,
Небольшой кусочек головы вылепили.
Словно переродился, силы пришли. Омолодел.
Времечко пришло, и он опять пошёл.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
 Молодым парнем шагнул он из дома,
 Хорошо окрепшим юнцом.
 Пока землю обходил, голова росла
 Пока землю крутил, сила приходила.
 Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Голова до середины выросла,
Середина жизни словно прошла,
Всю окрестность светом полил,
Всю землю лунным светом осветил.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.
 С каждым днём всё больше голова.
 С каждым днём всё больше прибывало сил.
 Пока голова до нормы доросла,
 Он всю землю крутил и всё обходил.
 Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Пока так ходил, стариться стал.
Совсем круглая, а уже седая голова.
Вспомнил сыновей и их жён,
Захотелось их проведать.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Задумал к детям сходить Тылащ ики,
Желание у него появилось, у Тылащ ики.
И хоть дом его был близок,
К старшему сыну повернул и туда пошёл.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Старшая невестка уже проснулась,
Дым показался, печку затопила.
Подумал старый, наверно еду приготовила.
Тылащ ики к сыну пошёл.

Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Старый Тылащ, седой Тылащ
Вместе с сыном и его женой
Сел за стол и шапку снял.

Хорошо поел и лант попил.

Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Утреннюю звезду взял себе старший сын,
Вечернюю звезду взял себе средний сын,
Полярную звезду взял себе младший сын.
Над чумом каждый повесил, чтоб сверкала.
Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Чтоб отец их мимо не прошёл,

Чтоб отец их к ним приходил.

А Тылащ ики себе взял

Маленькую звёздочку светлую.

Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Чтоб вместе ходили.

В холод к себе подпускает,

В тёплую погоду подальше отпускает.

Так и ходят на пару, вдвоём веселее.

Кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай, кай.

Старый Тылащ к сыновьям ходит,

Старый Тылащ обновляется и очищается.

А затем опять повторяет свой путь

Вместе со звёздочкой. Ну и пусть!

ВЕЧЕРНЕЕ КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Вечернее красное солнце,
Безоблачно синее небо.
Как кисы с орнаментом
Изящно расшитое небо.

Женщина-День собралась домой,
Только что рождённому Месяцу сказала:
– По небу звёзды сосчитай, мой дорогой,
Затем назад иди домой.

За лесом солнце закатилось,
На небе краска лишь осталась.
Беспомощный Месяц поднялся наверх,
Со звёздами общее сделал усилие.

Бледный снег, Месяцем освещённый,
Как атласная ткань блестит.
Стадо в лесу виднеется,
Как золотишки меж деревьев сверкают.

Инеем объятый тёмный лес
Весь в следах оленьих.
Вдоль Оби стоящий лес –
Чумы там поставили.

В чуме печку затопили,
Из трубы искры летят.
Внутри чума стол поставили,
Мясное блюдо едят.

Вокруг чума олени бродят,
Там и сям ягель ищут.
Женщины между нартами ходят,
Для семьи с нарт продукты берут.

Утром ещё темно –
А чум уже убрали.
Оленей собрали, нарты запрягли,
На ту сторону Оби поехали.

Где онасы стройно проехали,
Там ниткой дорога легла.
Где стадо оленьё гнали,
Широкой верёвкой дорога тянулась.

Едва на ту сторону онасы перешли –
Как Женщина-День проснулась и встала.
Шапку надела, варежки натянула
И холодный день сотворила.

На онасе ехавшим мужчинам,
На онасе ехавшим женщинам
В тёплых одеждах
Мороз нипочём.

ЛЮЙМАЗ

Я вспомнила прошедшее лето –
Как будто вчера было это.
Огромные волны свирепо
Ложились на берег обской.

По хмурому небу порывистый ветер
Гнал стаю разорванных туч.
А мы в мокром чуме
Ждём солнечный луч.

В натянутом пологе вовсе не спится,
А просто лежим. Нам бы уехать,
Да мы не спешим.

Но вот наступил тот день долгожданный –
Вода на Оби, будто зеркальная,
И солнце такое, словно огненный шар,
Лишь только печёт, посылая нам жар.

Такая жара у нас здесь бывает,
Что даже у всех аппетиты сбивает.
...Лишь только на Люймаз прохлада легла,
Как мы разобрали свой чум торопливо.

Но, чтоб не обидеть Владыку воды,
Владыку ветров и Владыку земли,
Сначала мы им выставляем еды,
Всё самое лучшее. И... поклон до земли.

А на прощанье Люймазу мы дарим
Цветные полоски с монетками на конце:
Чтобы вновь вернуться,
Чтоб удача нас не оставляла,
Сделав круг по солнцу... А затем,
Уехали в посёлок, и там прозимовали.

Syazi, Antonina Egorovna

*Diploma of the I degree,
Khanty language, Uralic dialect*

OLD TYLASHCH IKI. THE OLD MOON

The Khanty fairytale

Old Tylashch iki
Roamed the sky
Gray Tylashch iki
Was weak and tired
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.
 He saw smoke over a tent
 The elder daughter was heating the stove
 To cook food, she lit the fire
 Old Tylashch went into the tent
 Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.
The daughter asked him to sit down,
She invited him to eat with her.
Her food was ready,
And she put it on the table.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch, grey Tylashch
With the son and his wife
Sat at the table and took off his hat
He ate well, and drank the lant.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch rested well,
He only lost the edge of his head
He put on his hat, took his staff and left,
Happy with the sister's efficiency
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch went to spin around the world again
Grey Tylashch went through the colds
He passed through the northern lights
He was tired, and hungry, and wanted to eat
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

He saw smoke above the tent
The middle sister was heating the stove
To cook food, she lit a fire in the tent
Grey Tylashch turned there, and went to the son.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

The middle sister asked him to sit down
She invited him to eat.
Her food was not yet ready
She asked him to wait and rest.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch iki felt hot
Grey Tylashch iki felt sleepy
He fell asleep, and they woke him up
The children asked him to the table
Old Tylashch iki took off his hat
Grey Tylashch iki sat at the table
He sat with the son and his wife
Drank delicious lant and ate well
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

After he rested he pulled on his hat
He had lost even more of the edge of his head
The sister did not hurry him, she let him rest
Tylashch iki took his staff, and off he went.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch spun round the earth
He bent on his staff, he was very tired
Above a tent, he saw smoke
The youngest daughter was heating the stove, and he went to her.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

The youngest sister had only just woke up,
She was heating the stove. She was cooking food.
She asked him to sit down
And invited him to eat with them.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch iki sat on the bench
Grey Tylashch iki wanted to sleep
He dozed, and then fell asleep
They woke him, he had probably slept for a long time.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

The youngest sister invited him to eat
She laid a rich table,
Together they ate and drank
They ate delicious food, and drank hot lant.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

He sat on the bench after the meal and rested
He felt his head, almost half was gone
He put on his hat and went outside
He took his staff and went off again.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

He spun round the earth, while he passed the earth
Old Tylashch iki, gray Tylashch iki,
His head started disappearing, he grew tired

He was very old. He fell down headless.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

The sons rolled him home

Brought him to his wife

They washed him with water from the basin

With fire and steam from the hot stone

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Three days with steam and fire they cleansed him

They put a small piece of his head on

He was reborn, his strength returned.

He was grown young

The time came, and he set off again.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

As a young man he strode out of the house

A youth in his prime,

As he passed the earth, his head grew

As he spun round the earth, his strength came.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

His head grew to half its size

Half of his life had passed

He bathed the environs with light

He illuminated the whole earth with moonlight

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

With every day his head was bigger

With every day more strength came to him.

Until his head grew to normal size

He circled the earth and passed it all

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

While he passed, he began to get old.

He was quite round, and his head was grey.

He remembered the sons and their wives,

He wanted to pay them a visit.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

He decided to go to his children, Tylashch iki
He felt the desire, Tylashch iki
Although his home was close
‘He turned towards his eldest son and went there.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

The oldest daughter had woken up,
The smoke was rising, the stove was heated
He thought the food was ready,
Tylashch iki went to his son
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch, grey Tylashch
With his son and his wife
Sat at the table and took off his hat
He ate well and drank lant.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

The eldest son took the morning star,
The middle son took the evening star,
The youngest son took the polar star.
Each one hung above the tent, to sparkle.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

So their father would not pass them by,
So their father would visit them.

And Tylashch iki took for himself
The little bright star.

Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

So they would travel together.
He let the cold in,
And kept it away in warm weather
So they travel together, it’s better with two.
Kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai, kai kai.

Old Tylashch goes to visit his sons,
Old Tylashch is renewed and cleansed.
And then he repeats his journey again
With the little star. Let him!

THE RED EVENING SUN

The red evening sun,
The cloudless blue sky.
Like kisy with a pattern,
An embroidered sky

The Mother Day was headed home
And said to the newborn Moon:
Count the stars in the sky, my dear
And then go home.

The sun went down below the forest
Only color remained in the sky
The helpless Moon rose up
And worked together with the stars.

The pale snow, lit by the Moon
Shines like satin fabric
The herd seen in the forest
Sparkles through the trees like gold.

The dark forest enveloped in frost
Covered in reindeer tracks
Along the Ob the forest stands
Tents were put up there.

In the tent the stove was stoked,
Sparks fly from the chimney
A table was placed in the tent
The people are eating meat.

Reindeer roam around the tent
Looking for reindeer moss
Women walk between sleds
Taking the food for the families.

In the morning it's still dark
The tent has been taken down
The reindeer pull the sleds
To the other side of the Ob.

Where the onas glided by
Like a thread the road stretched on
Where the reindeer herd was driven,
Like a rope the road stretched on.

The onas passed to the other side –
The Mother Day has woken and risen
Put on its hat and mittens
And created the cold day.

The men who travel in the onas
The women travelling in the onas
Pay no attention to the frost
For their clothes are warm.

LUIMAZ

I remembered last summer –
As if it were yesterday.
Enormous waves fiercely crashed
On the bank of the Ob.

In the gloomy sky the howling wind
Drove a flock of scattered clouds
And in the damp tent
We wait for a ray of sun.

In the stretched canopy we cannot sleep,
We simply lie. We should leave,
But we do not hurry.

But now the long-awaited day has arrived –
Water on the Ob is like a mirror
And the sun is like a fiery ball,
It only heats, bringing us warmth.

Sometimes the heat here is so intense,
It even takes your appetite away.
...Only on Luimaz the cold came down,
As we took down our tent hastily.

But not to offend the Lord of the water
The Lord of winds and Lord of the earth
First we leave out food for them,
Only the best. And we bow to the ground.

An in parting we give Luimaz
Colored ribbons with coins on the end,
So we return again,
So good fortune does not leave us,
Making a circle to follow the sun... And then,
We left for the village, and spent winter there.

Шадрина Людмила Денисовна

*Дипломант II степени,
селькупский язык, нарымский диалект*

НАДЭРТЭЛ ЭДЛИКА МИНАН

Надэртэл эдлика минан,
Чоглаг ай кведжь оққэрмыгэн.
Тат палгалк нильджи чвэчэгэн эйянд,
Ватт көгэт кыбыльджига мат.
Хыджарогэт эннэгэт манджэджешпа кве,
Кадэшпыт туйпөхе мека чаптэ чве,
Молаликагэт хайткайла –
Ундó ай тóмба óдыт.
Фáек нынд кат ай тáэт
Фэшкэлджэгу, кужат нуньджанд.
Óдэл чаблика чэнча мека
Тилджерла ирэл кáдэрлаутэ.
Надэртэл эдлика минан,
Эйят көгэт то, маджь, нүр.
Қаймнай кведжее ā тánвáут,
Нынд кужат-та чéлымбак мат.

Шадрина Людмила Денисовна

*Дипломант II степени,
селькупский язык, нарымский диалект*

ДЕРЕВУШКА МОЯ РОДНАЯ

Деревушка моя родная,
Тишина и покой кругом.
Ты одна у меня такая,
У дороги мой маленький дом.
Над окошком склонилась берёза,
Шепчет хвоей мне сказку сосна,
А на веточках капельки – слёзы –
Значит, снова пришла весна.
Хорошо здесь зимой и летом
Отдыхать от мирской суеты,
А осенний листочек приветом
Прилетит из моей мечты.
Деревенька моя родная,
Рядом озеро, согра, лес.
Ничего я лучше не знаю,
Это чудо моё из чудес!

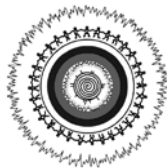

Shadrina, Lyudmila Denisovna

*Diploma of the II degree,
Selkup language, Narym dialect*

MY LITTLE VILLAGE

My dear little village,
Surrounded by silence and peace,
You are my one and only,
My little house by the road.
The birch tree leans over the window,
The pine tree whispers a tale,
And on the branches are drops – tears –
This means spring has come.
It is good here in winter and summer
To rest from the worldly fuss
And an autumn leaf with a greeting
Flies out of my dream.
My dear little village,
With lakes, swamps, and woods all around
I don't know anything better
My miracle of miracles!

Сапельникова Анна Михайловна

*Дипломант III степени,
саамский язык*

ПҮДЗЭ ПЫННЕЙ

Тате ноахтлэдтэ нурр п̄арр̄н,
Пүдзъят̄ вуэпесть,
К̄опче в̄ийем тор̄в̄в,
Мешей сунне ш̄урр тоарем т̄олл.
Вольте пүдзъят̄, уйтэ тоарре.
Векэхт̄ ол̄лмэт̄, выгэ п̄ерк.
Эфт вер чофта элькэн̄ р̄яшкхэ,
Вэдзе коаммэль ярка луз.
Куэсс̄ пугк ёвехт̄,
Уйнэсьт –
Р̄упп̄ьсесь в̄эдз ли ч̄арэсьт,
Пүдзъя векехт̄ сунне.
Манна, куэсс̄ с̄онн пудэ сыййта,
Эльге елле, ноахтлэдтэ.
Пий с̄онн муштсэлле я с̄аррнэ:
«Парна муштэ, манде
Пүдзъя м̄йнэн̄ лев!»

КАНЬЦ

Виллькесь пӯдзья чārэсьт карр,
Чоахпесь пәннга с̄он э̄л угк,
Тōнн пәннга ель угк,
Адт̄ь мыйй аллькэп̄ь с̄иррэ.
Аллькэп̄ь эфтэсьт в̄идже,
Аллькэп̄ь эфтэсьт каррэ,
Аллькэп̄ь эфтэсьт нюччкэ,
Аллькэп̄ь эфтэсьт с̄иррэ.
Мыйй адт̄ь э̄лlepь чārэсьт.

НИЙТА

Удцэ нийта,
Гули с̄ахплиңк,
Вēдзь сон тоге, тиге!

Ака б̄адз сон:
«Нийта, касьт л̄й?
Муне āхкэв, э̄кля в̄иса?!»

ЯННА

Мунн сада мата висе я̄нна,
Адт̄ь оара, муштсэла мунн тонн,
Кохт йнцэ айкалт к̄оадз̄ьях я̄нна,
Я э̄кьна, мыйй ебп̄ь ти кос коаммлак вуэдт̄э тонн.
Тонн ēннэ вегхех̄ь мыйе я̄нна,
Тонн лях мин к̄ут̄ькэсьт я̄нна.
Мыйй шоабшэп̄ь я мушт̄ъеп̄ь тон.

ТОАССЪК МЫННЭ ВYРЭ АДЖЯ

Тонн кулак аджа мыннэ тоассък вырэ,
Мыйй мушшътэпъ, кōххт мйнэтъ мātъхекъ,
Чѐццклэ ляшкэмъ нӯррь я муррьй кōпче...
Мунн мушта, кōххт тонн ёадак чārррэ,
Пӯдзэтъ мātъхекъ пынне,
Мунн мушта, янна тōнэнъ яввра воаррдэтъ я шылетъ куль.
А пāштма вуэнч мунн муштсэла,
Ни куэссъ мунн тэн эм вуаййлэтъ.

Сапельникова Анна Михайловна

*Дипломант III степени,
саамский язык*

**ОЛЕНЕВОДУ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...**

Жил пастух молодой,
Он упряжку на свадьбу готовил,
Но случилась беда –
Началась Великая Отечественная война.
Он с упряжкой ушёл на войну.
А, однажды, во время бомбёжки
Он к оленям своим прилёг.
А когда этот свист прекратился,
Он увидел – олень его спас.
Там на поле, среди снегов, алая кровь.
Остался лежать олень –
Его верный и добрый друг.
Всю он жизнь после этого боя,
Помнил и берёг северного оленя.

ДРУЗЬЯ

Бегает по тундре белый оленёнок,
Лаает на него чёрненький щенок.
«Ты не лай, собака,
Дай мне лучше лапу.
Будем вместе бегать,
Будем вместе прыгать,
Будем вместе мы играть,
Будем тундру изучать».

ДЕВОЧКА

Маленькая девочка,
Шустрая, как мышка.
Бегает и прыгает,
И не устаёт!

Ищет её бабушка:
«Не устала, девочка,
Внученька моя?!»

МАМА

Я что-то устала, мама,
Сижую, вспоминаю тебя,
Как рано ты утром вставала,
А вечером спать поздно легла.
Как время быстро пролетело,
Мама, ты многому нас научила.
Мама всем нам помогла.
Ты в сердцах наших, мама, осталась.
Мама, помним и любим тебя.

Я ТАК СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ, ОТЕЦ

Ты слышишь, папа, я скучаю,
Тебя нам очень не хватает,
Мы помним, как учил ты нас:
Аркан кидать и ягоду морошку собирать...
Я помню, отец, как ты в тундру ходил,
Оленей ты там для упряжки учил.
Я помню, как рыбу ты с мамой ловил,
А вкус шашлыка остался в памяти навсегда.
Всё это я не забуду никогда.

Sapelnikova, Anna Mikhailovna

*Diploma of the III degree,
Sami language*

**DEDICATED TO A REINDEER-BREEDER
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR...**

There once lived a young shepherd,
He prepared a sled for his wedding
But disaster struck –
The Great Patriotic War began.
With his sled he went to war.
And when the bombs were falling
He lay next to his reindeer
And when the whistling stopped
He saw the reindeer had saved him.
There in the field, among the snows, flowed scarlet blood.
Only the reindeer stayed lying there –
His true and faithful friend
All his life since this battle
He thinks about his reindeer.

FRIENDS

A little white reindeer runs through the tundra
A little black puppy barks at it
Don't bark, little dog
Give me your paw instead
We will run together
We will jump together
Together we will play
And learn about the tundra.

THE LITTLE GIRL

A little girl,
Fast as a mouse
Jumps and runs
And doesn't get tired!
Her grandma looks for her:
"Aren't you tired, my little girl,
Granddaughter of mine?!"

MAMA

I feel tired, Mama
I sit and remember you
You would get up so early
And go to bed so late
Time has passed so quickly

Mama, you taught us much
Mama, you helped us all
You stay in our hearts, mama
We remember you and love you.

I MISS SO YOU, FATHER

Hear me, father, I miss you
We all miss you so much
We remember what you start us
To throw a lasso and gather frost berries...
I remember you'd go into the tundra
Where you would tame the reindeer
I remember you catching fish with mama
And the taste of it cooked on the open fire,
All these things I will never forget.

Веретнова Галина Павловна

Дипломант III степени, эвенкийский язык

ГУННЭ

Сигдылэлэ осиктачиду тукаладу
Тамнаксаду, нямапчуды симулады
Угуду Бугады бидерэн, Угу Бугады
Эникэн Буга, бидерэн Угуды Дюды.
 Нуңан дяличи бихин
 Эвенкилвэ одёдёно ханҗадяран,
 Нуңан аят Дулинду Бугаду бидэн,
 Нуңан кутучи халанду бидэн.
Эни Буга нуңандун гуннэвэ бурэн
Агива, муе аят одёдё-ми,
Бэйңэлвэ со аят этэетчэ-ми,
Ниматвэ окин-да анҗадя-ми.
 Энинвэ Тогово одёдёгин,
 Нуңанман амтыл илача
 Илмактал, Бугады дярин
 Окин-да этэн сиврэ.
Мунду ин эрумкун бихин,
Бэе, мэнми одёдекэл!
Авадыр синҗи дюлэптыды?
Ичэткэл, синҗиду җалэлду бододёрон.

Веретнова Галина Павловна

Дипломант III степени, эвенкийский язык

ЗАВЕТ

Средь сказочной, волшебной, звёздной пыли,
В туманной тёплой тишине
Живёт она, в чертогах, в Верхнем мире,
Эни Буга, Вселенная, Эне...
 Она мудра, в ладонях древних
 Эвенка держит, нежно бережёт,
 Чтоб он достойно жил на Средних землях,
 Был счастлив, сберегая род.
Эни Буга ему завет дала особый:
Беречь тайгу и вод священных гладь,
Хранить зверьё, и то, что добыл,
Всем братьям, сёстрам пораздать.
 Хранить и чтить огонь священный,
 Что предками далёкими зажжён,
 Для будущих потомков, для Вселенной
 Неугасимым будет он.
Ведь краток миг, нить жизни оборвётся
Эвенк, себя вовек храни!
Что будущим твоим зовётся?
Оно в твоих руках, взгляни.

Veretnova, Galina Pavlovna

Diploma of the III degree, Evenk language

THE COMMANDMENT

Among the fabulous, magic stardust
In the misty and warm silence
She lives in the chambers of the Upper World
Eni Buga, the Universe, Ene...

She is wise, in her ancient hands
She holds the Evenk and protects him
So he can live well in the Middle lands
And be happy protecting the clan.

Eni Buga gave him a commandment
To preserve the taiga and the sacred waters
To protect the beasts, and to share what he catches
Among all the brothers and sisters

To preserve and revere the sacred fire
Lit by the distant ancestors
So for future descendants, and for the universe
It will be inextinguishable.

The moment is short, the thread of life breaks
Evenk, preserve yourself for eternity!
What is called your future?
It is in your hands, just look.

Антонова Антонина Михайловна

Вепский язык

**К̄АНЊЦ С̄АРРНЭВ:
«Т̄АҺТЭБП̄ М̄ЕР ЛУЗ»**

К̄анн̄џ с̄аррнэв: «Т̄аҺтэбп̄ м̄ер луз».
Виррэ мыннэ, мунн эмм т̄ат.
Тамьпе жоарр я пугк л̄й в̄иресь.
Мыннэ к̄есся вый̄лэ ч̄иррэ.
Ан̄ь л̄эв ч̄ушк я м̄эгкяр л̄эв,
П̄ајк л̄й я̄вврай, в̄уйнас в̄эрс.
Вуэҗсэ вуайй.
Ч̄арэсьт удцьхэн̄ь к̄о̄аввсэ в̄уайй
Поалкас милътэ в̄анн̄џце
Касьт узэмь луэмнэт̄ь
Пуна вуэррьп̄ель я Васьк д̄эдя,
Янна, ажа но я мунн,
Виджьсэ п̄аке м̄илльтэ аввта
Касьт п̄аррнэвудэсьт с̄ирэмь м̄ыйй,
Санька, Владька но я мунн.

МУШШЫТЭПЬ

Ч̄арр – моантар̄айянт,
Куэттка коаллэш лях ёммьне.
Пастэх тэнн ёммьнэсьт,
Чудзэ копчэн̄ я пынэн̄
Чуэз лийен̄ ш̄ур танна.
Кёсса, ван̄цлэнне нуэдэн̄,
Т̄алльва, выйемь туэррьв альн
Пугк ч̄арр вуэйен̄ выйе я ван̄н̄це.
Ч̄иррэ нюэссь кыррьдтэ соагк – оалкхуввэ туармуж.
Нюэссь соагк, кыррьдтэ пугк ёммьне.
Ляшшкэм нурэт̄ я харьйэт̄
П̄ёрртэсьт к̄үдтэн̄ пугк пастэх.
Пыссэт̄ кидтэ сыйй воалльтэн̄,
Уййтэн̄ лушше н̄урр п̄арна.
Пугк л̄оссесь лыххк к̄үдтен̄
Вуэлльке альн пуаррса олмэт̄,
Я удць п̄арнэ альн.
П̄үдзэ п̄эллен̄, ёммьне пай кыррьдтэ.
В̄уррьтэ р̄одт солдхэт̄ моаст.
Тиде эххт а̄ка, нагрэсьт с̄он уйнэ,
Пуэдтэв п̄арна, ёлльмэн̄ ев пугк.
Ялмушш эввдэсьт пай ёадтай
Аллькэв муштсэллэ с̄инэт̄ я л̄үжкчэдтэ пай.

Антонова Антонина Михайловна

Вепсский язык

**ДРУЗЬЯ ТВЕРДЯТ:
«ХОТИМ МЫ К МОРЮ»**

Друзья твердят:
«Хотим мы к морю».
А я, поверьте, не хочу.
Там жара и всё чужое,
Там всё как-то не моё.
Мне бы в тундру на всё лето.
Пусть мошка и комарё,
Гладь озёр и чистый воздух.
Отдохнуть от суеты.
В тундре в детство возвратиться,
По тропиночкам пройти,
Где ходили за морошкой
Сестра Полина с дядей Васей,
Мама, папа, ну и я.
Пробежаться по горушке
Где играли ребятнёй,
Сашка, Владик, ну и я.

ПОМНИМ

Тундра – место прадедов,
Сердцу дорогая земля.
Пастухи там оленей пасли,
Тогда большими были стада.
Летом пешком, зимой на упряжке
Всю местность объездить могли.
В тундру, как и всем везде,
Пришла плохая весть – началась война.
Пришлось на ружья сменить
Свои арканы и хореи.
Уходили служить пастухи молодые.
Все тяготы жизни на плечи легли
Стариков и совсем ещё юных ребят.
Боялись олени, дрожала земля.
Родня их ждала возвращенья.
Бабушка знала, видала во сне –
Вернутся ребята живыми не все...
Но жизнь пойдёт как и прежде.
Живые будут помнить их вечно.

Antonova, Antonina Mikhailovna

Vepsian language

**MY FRIENDS SAY:
“LET’S GO TO THE SEASIDE”**

My friends say:

“Let’s go to the seaside”.

But would you believe, I don’t want to.

It’s hot and all unfamiliar.

Nothing there is mine.

I want to go to the tundra for the summer.

Despite the gnats and mosquitoes,

For the pure lakes and clean air.

To rest from all the fuss.

To return to childhood in the tundra

Walking along the paths.

Where we went to gather cloudberryes

My sister Polina and Uncle Vasya

Mama, Dad and I.

To run up the hill

Where the kids were playing.

Sashka, Vladik and I.

WE REMEMBER

The tundra is the place of our forefathers
A land that is dear to our heart.
Shepherds grazed reindeer there,
The herds were large in those days.
On foot in the summer, in winter on sleds
You could travel through the whole region.
In the tundra, like everywhere else
Bad news arrived – war had begun.
We had to take up weapons
And put down our lassos and sticks.
Young shepherds went to fight
All the troubles of life on their shoulders,
Old men and young boys.
The reindeer were scared, the earth trembled.
Their families awaited their return.
The grandmother knew, she had dreamed it
Not all the men would come back alive.
Life will go on as it did before.
I will remember them forever.

Арбачакова Любовь Никитовна

Шорский язык

* * *

Туған Оңазымға келгеним,
Туған үтем сайылчаттыр.
Суғ ле ақканыба, ақчаттыр.

* * *

Иче-аба тағларымға шыққаным,
Тегри-плеқке турғусқан мақкыжақ
Турған озуба иириктеп-партыр!

* * *

Алыптығ ныбақтарды уғуп,
Алыптардын сооба парып,
Меен қарақ чаштарым
Ақ мончуқ чилеп тоғланча.
Қайт индиг айдас алыптар
Қай ныбақты ла чат-қалды?

* * *

Эртен сооқ күскү темнеринде
Прасқа ақ тубан түшкенде,
Ырақтаң ақ чаллығ ат
Қалықта-қалықта,
Керек черинге четпенча.

* * *

Қам маттап қамнап-келип,
Меең чүрегим чазарға санапча...

Ааң үгезинде чылтрап-келип,
Җудай ичези толуқтың көрча.

* * *

Җам теп аданған қара қат
Җам түүрүн позуғ члеп шапча.
Тағ ээзилери келгенда полза,
Җазыр орғақты уқ-полбан,
Миндоқ тезибискеннер полар.

* * *

Җара қартыға тегри үстүнең
Палық аңнап, айланышча.
Мен тезе арығ чүрегимме
Ааң сооба учуғарға санапчам...

* * *

Күзеген суғдағы күнге
Алтын ташты шелгеним,
Күн үрүктенген озуба
Күн тооза абырланды.

* * *

Кечен ле өскен пести
Җазыр қара салғын
Ыра-ыра тартып-салтыр.

* * *

Мен қастачыбым, кер сөсчибым,
Ат-пулутқа мүнүп одурғамче,
Алтын чаллығ адычақ чүгеним
Арғыжағым қолунда пек тутсын.

Арбачакова Любовь Никитовна

Шорский язык

* * *

Родной Анзасс я посетила,
Родимый мой дом уже рушится,
Один лишь ручей журчит,
Отзываясь смехом,
Как в детстве.

* * *

На родовую гору я поднялась:
Отцом приставленный
К кедру лаз вовсе уже истлел...

* * *

Слушаю родные сказания
О великих богатырях!
Слёзы ручьём так и катятся...
Ну почему те герои-алыпы
Сохранились лишь в эпосе?

* * *

Холодным осенним утром всегда,
Сквозь туман на реке Мрассу,
Конь белогривый
Всё мчится куда-то,
Но доскакать не может.

* * *

Шаман камлает неистово,
Пытаясь излечить мою душу...

А в переднем углу его дома лучится
Печальный лик божьей матери.

* * *

Шаманкой себя называющая
В бубен так колотила,
Будто гвозди вбивала.
Если и были поблизости духи,
Разбежались уже непременно.

* * *

Высоко хан-беркут кружит,
Себе земную добычу высматривает...
Я же с самыми чистыми помыслами
Устремляюсь к небесному летуну...

* * *

Я камушек бросила солнцу
В речную гладь.
Солнце встревоженное
Долго не могло успокоиться.

* * *

Снежный колючий ветер
Сорвал лепестки кандыка.
Вчера он цветущим был.

* * *

Я – художник, поэт,
Почти взнуздаю облако-коня!
Пусть кто-то на этой земле
Крепко держит мой повод.

Arbachakova, Lyubov Nikitovna

Shor language

* * *

I visited my native Anzass,
My childhood home had gone,
Only the creek was gurgling,
Responding with laughter
Like in childhood.

* * *

I climbed my native hill:
The ladder my father had placed
By the cedar was burnt completely...

* * *

I hear the familiar tales
Of great heroes!
The tears pour down in rivers...
Why are the Alpy heroes
Only preserved in epics?

* * *

In the cold autumn morning,
Always through mist on the river Mrassu,
A white-maned horse
Is galloping somewhere,
But it cannot get there.

* * *

The shaman burns incense
Trying to heal my soul...

And in the front corner of his house
The sad face of the Mother of God shines.

* * *

The woman who called herself a shaman
Hit the tambourine so hard,
As if she was banging a nail.
If spirits had been nearby,
They certainly would have fled.

* * *

The lord of the eagles soars above
Looking for prey on the ground
With the purest thoughts
I strive to the flyer of the skies...

* * *

I threw a stone at the sun
Reflected on the river surface.
The alarmed sun
Took a long time to calm down.

* * *

The biting snowy wind
Tore the petals off the lily.
Yesterday it was blooming.

* * *

I, an artist, a poet
Have almost tamed the horse cloud!
Let someone on this earth
Hold tightly to my reins.

Арепьева Зоя Дебубтеевна

Нганасанский язык

ЛУУ

Таңкэтэ сети мелы”зэсызэм,
Кобтуа луу сотелэсузэм.
Мули”гитэ кэйңэирся нуну”сузэм
Дүрымымэ дязэту” дебтусузэм.
Нербы катарэ мантэ сылыте тиидятуо хонты.
Ку” баса сотүр колызытыэ бэлырэкы.
Кобтуа бэлы дэнтаагэ кэйңи”тим.
Сотүртэнынэ нилунэниимэны хоżэтэндум.
Нилунэниимэны маагалите деру”тум,
Сотелэсуодейнэ луу”мэнынэ тумтэсутэмэ.
Таңкэтэ сети мелы”зэсызэм,
Кобтуа луу сотелэсузэм.

Стихэ” хотэдүтү ня ”детэмэны С. Н. Жовницкая

ХҮНСЕРЭЭДИЭ КОЙКЭ

Мэнэ – койкэм, мэнэ дүкура”инэ.
Минтиагэны – тамтура”инэ, минтиагэны – мили”динэ.
Нондитым тансэрээ корузэ хяйтэны.
Ниндым никэмэ нэмтүде”.
Нэмэбтурудүнэ, хейбымтыры”инэ.
Тэмээны кэндэ”эм, ниндым буонанду”.
Ниндым маагэлите дильсити”, маагэлите деру”тум.

Мануны мәнә маӟә койкә исүом.
Курәдикүө тансә койкә исүом.
Сытың муунсуом, тансәӟуң лыкугәтә тидярсуом.
Минтиагәны – тамтура”инә, минтиагәны – мили”динә.
Никәмә дүку”ом.
Тыминя сани исүӟәм, кәрутоту тумтаӟа.
Әтыәмә дүлсы”әм, дерәмуо ися кона”ам.
Дүөбсиай нихыаӟым бүү” баарбәнәнану.

Стиха” хотәдүтү няя ”детәмәны С. Н. Жовницкая

ДИӟАР

Мәнә няя” нүом, ны” нүокү Дитаракум,
Десыгәйне нимтидиә мәнә Диӟар.
Тоньдиайтисы нөӟә” дерны, дигәнини
Хотәдиәй бәнтуо” туобтугуйсүом.
Мәнә няя” кобтуам, нимә Дитараку,
Десыгәйне нимтидиә мәнә Диӟар.
Мерә нонсукәтынә, бәнди” хуо кунду” катанә
Хүөти” сынерырсы, ләӟи” кәтынә кунду”.
Мәнә няя” ным, ны Дитаракум,
Десыгәйне нимтидиә мәнә Диӟар.
Нүөне бәтудя, хоӟә” си ися кона” ам,
Няя” сиәде букварә хоӟү” өм.
Мәнә няя” имидим, имиди Дитаракум,
Десыгәйне нимтидиә мәнә Диӟар.
Мәнә нүой тенимтыгуйсиәм,
Няя” сиәде нягәй тенинагәтың,
Теныңыры” моу терә”, тану тансәнимәны
Кә” лику, дясәгәә нимә хонтыә – «Няя».

Хүнсэрээтэ коухүнү” тэбтэра
Россия тенынсытэ тороуэзаниимэны
Курэди тэтубу ня” тансэ.

Стихэ” хотэдүтү ня ”детэмэны С. Н. Жовницкая

САШОКЭ

Каңгүтекүө Сашокэ дүрымы дебтудүө.
Куниа дүгу”тэса Бэрэңэ” түүбү.
Сырайкуо сүрүмээны, хотэдиэ”мээны,
Сэрээмты матудя лэзи”сиэ хуурэ”.
Бэну”таса, кунтунантудүүзэ.
Тэмээны, нирининти ңэненсэкэ сиэрэ
Сырайкуо сүрү дерны, нинтуте ани”э хирэмякунини,
Кэндэ” ңэзи”э, ня” кэндэй.
Дяңурэниидя, дяңурэниидя сытың хорү”сүө”.
Сээзы ларкэмэбтудүзэ синдеты кунсыэ.
Тэбкэлэсиизэ, кээлыти тантэлэсүүтэ”.
Эу, тетуга кунтага”адя ирини” дөзүрхазу”.
Дяңурэниидя, дяңурэниидя ня” тансэ дүтырынягэ.
Донтагээ ңомтэдя, кэндэ няндүмү небсэбты”э.
Мунунтуорэку исүо «Хуасибоу» бэйка”айдя.
Дяңурэмээны дүгу”тэса, дигэй түүдя,
Ирити” сәдеймэны берисиэ.
Кэндэ”, ня” кэндэ”, ңэненсэкээ сиэрэ мантэ
Сэрээмту ңэтэрэбтудүө”.

Стихэ” хотэдүтү ня ”детэмэны С. Н. Жовницкая

Арепьева Зоя Дебубтеевна

Нганасанский язык

ПАРКА

Нить оленью тонко закручу,
Парку девичью сегодня я сошью.
Из орнаментов мотивы соберу
И историю свою вам расскажу.
В свете меха тайна есть у каждого своя.
Окантовка бисера – как песня рыбака.
Песню девичью тихонько я пою.
В стежках мелких судьбу свою плету.
О судьбе своей не ведаю ничто,
Лишь по парке разгадаю я её.
Нить оленью тонко закручу,
Парку девичью сегодня я сошью.

СТАРИННЫЙ ИДОЛ

Я – койка, я – идол, меня потеряли.
Быть может, продали, а может, отдали.
Стою я в углу у чужого огня.
И силы свои не чувствую я.
Меня накормили, согрели теплом.
Мне холодно здесь, говорить я хочу.
Но слов я не слышу, посланий не знаю.
Ведь раньше я был посредником в доме.
Я был оберегом какого-то рода.

Я их охранял, беду отводил и род сохранял.
Из дома родного меня увезли,
Быть может, продали, а может, отдали,
И магия силы потеряна мной.
Я буду игрушкой, загадкой простой.
Я долг свой исполнил – теперь я чужой.
Уж лучше бы вместе с хозяином рода ушёл.

ДИЗАР

Я девочка «Ня», я девочка «Лучик»,
И имя родители дали «Дизар».
И лёжа в траве на высоком яру,
Я звёзды пыталась считать.
Я девушка «Ня», я девушка «Лучик»,
И имя родители дали «Дизар».
Я рано вставала, ложилась с закатом.
Мне мысли всегда не давали заснуть.
Я женщина «Ня», я женщина «Лучик»,
И имя родители дали «Дизар».
Детей воспитала, учителем стала.
Алфавит создала, букварь написала.
Я бабушка «Ня», я бабушка «Лучик»,
И имя родители дали «Дизар».
Я детям и внукам наречия,
Дифтонги и звуки с любовью писала.
Чтоб помнили люди о малом народе
С коротким и звучным названием «Ня».
Пусть в прошлом останемся мы навсегда,
Но в доле России есть лепта народа под названием «Ня».

САШОК

Когда-то Сашок мне случай один рассказал,
Как в тундре блуждал, как в Бырранги попал.
По белому снегу, по звёздам в пути
Дорогу домой он не мог всё найти.
Усталость томила, хотелось уснуть.
И вдруг, словно дивный мираж,
Средь белого снега на невысоком холме
Он санки нашёл, нганасанские санки нашёл.
На Север, на Север направлены были они.
И сердце его так тревожно забилось в груди.
Оно защемило, и слёзы невольно скатились из глаз.
Ох, как далеко уходили деды,
На Север, на Север, чтобы род сохранить.
Он тихо присел, рукой по полозьям провёл,
Как будто спасибо сказал старикам.
По тундре кружа, в горах побывав.
Дорогою предков Сашок проезжал.
И санки, нганасанские санки, подобно мираж,
Дорогу ему указали в тот раз.

Arepyeva, Zoya Debubteevna

Nganasan language

THE PARKA

I wind the reindeer thread tightly
I'll sew a girl's parka today.
I'll gather a pattern from ornaments
And I will tell you my story.
Every fur has its own secret
A fringe of beads like a fisherman's song,
I sing a girl's song quietly.
In the little stitches I weave my fate.
A fate of which I know nothing
That can only be guessed from the parka.
I wind the reindeer thread tightly
I'll sew a girl's parka today.

THE OLD IDOL

I'm an old idol, and I have been lost.
Perhaps I was sold, or given away.
I stand in the corner by somebody's fire.
And I do not feel my strength anymore.
I was fed, and I was warmed.
I'm cold here, and I want to speak.
But I can't hear words, and I don't know messages.
For once I was the helper in the home.

I was the talisman of a clan.
I protected them, and preserved their kin.
But I was taken from my home.
Perhaps I was sold, or given away
And the powers of my magic have been lost.
I'll be a toy, just a simple puzzle.
I've done my duty, now I am a stranger
Better I'd left with the head of the clan.

DIZAR

I'm a "Nya" girl", I'm a "Luchik" girl,
And my parents named me "Dizar".
As I lay in the grass on the tall bank
I tried to count the stars.
I'm a "Nya" girl, I'm a "Luchik" girl
And my parents named me "Dizar".
I rose early, and went to bed at sunset.
My thoughts did not always let me sleep.
I'm a "Nya" woman, I'm a "Luchik" woman
And my parents named me "Dizar"
I taught children, I became a teacher.
I created the alphabet, and wrote the letters.
I'm a "Nya" grandma, I'm a "Luchik" grandma
And my parents named me "Dizar"
For my children I wrote down with love,
Adverbs, diphthongs and sounds.
So a small people are remembered.
With the short and sweet name "Nyaa"
We left our path back in the past
But Russia has a people named "Nyaa".

SASHOK

Once Sashok told me a story
He was lost in the tundra, and came to Byrrangi
Through the white snow by the stars on his path.
He could not find the way home.
He was tired and wanted to sleep,
And then, like a mirage
In the white snow, on a low hill,
He found a sled, a Nganasan sled
It was facing towards the north
And his heart beat so wildly in his chest.
It thudded, and tears fell from his eyes.
Oh, how far the ancestors went.
To the north, to preserve the clan.
He ran his hands along the runners.
As if saying thanks to the elders
Circling the tundra, passing the mountains
Sashok passed the road of the ancestors
And the sled, the Nganasan sled, like a mirage
Showed him where the road lay.

Берелтуева Дарья Муханаевна

Эвенкийский язык, бургузинский диалект

УНУКАНМИ

Дылачакан, дылачакан!
Унуканмав нямалгикал!
Илдамит хэгдылдэн.
Илдамит хуктылдэн.
Чог-чог-чог, чог-чог-чог,
Чог-чог-чог, чог-чог-чог.
Унуканми хэгдылдэн,
Унуканми хуктылдэн.

Гарпавукса дылачадук,
Няңнягит уңиңнэдук.
Унуканми хэгдыллэн,
Унуканми хуктылэн.
Чог-чог-чог, чог-чог-чог,
Чог-чог-чог, чог-чог-чог.
Унуканми хэгдыллэн,
Унуканми хуктыллэн.

Унукакан, унукакан!
Катарчи б̄дяңас.
Горотки сурудеңэс,
Агйтки, урэлтыки.
Чог-чог-чог, чог-чог-чог,
Чог-чог-чог, чог-чог-чог.
Горотки сурудеңэс,
Агйтки, урэлтыки.

АЛЛА-БИРАКАН

Мигдындери биракан,
Эенденэ бомагит,
Гиллиндери мучит,
Мит дуннэвэ иссан.
Тар Алла биракан.
Алла, Алла, Аллакан!
Он-ка муңис алакан.

Урэлдук чуптывукса,
Дюр акинми нодаксэ,
Агиганма сэриденэ,
Илдамит туксанан.
Тар Алла биракан.
Алла, Алла, Аллакан!
Он-ка муңис алакан.

Меванми долчатна,
Аманними нэлэксэ,
Сомат мэгдэденэ
Баргикла эендерэн.
Тар Алла биракан.
Алла, Алла, Аллакан!
Он-ка муңис алакан.

МЕВАНМАВ КУРБУДЕРИ ХАМАКАЙ-ДУННЭВ...

*Посвящается памяти Петра Степанова
и предков-бэрилтучеров*

Нян, нян толкиндув эмэдери,
Нян, нян улгурилвэ гундери.
Нян, нян эдырди эдындевдери,
Нян, нян тыгдэлди тыгдэвдери,
Баргу-бира дагадун бидери,
Дуннэв минңи – Хамакай!

Горогит синтыки мучумудянал,
Мит мевандивар дёнчэдерэв:
Кунтэкэчэрвэ хуталадяриватын,
Юври дылача гарпалдукин;
Инңэкэтэлвэ, чукалва-да
Сомат балдыдяриватын.

Нэмкукэрвэ хулакарва
Мэңумэ авданнакардивар
Эдындук силгэндеривэтын.
Авдулва кэвэрдули оңкодёриватын.
Бээлвэ делилвэ кирамкит
Бэркэт олломотчариватын.

Дюр амбахал харамилватын ичэдерэв,
Тарил учэлэпты бидэвэр
Ахир мунду улгучэндэрэ:
Он амтылты хэгдылдечетын.
Он ахал авдулвар иргитчэчэтын,
Он эдэл бэюрвэ бэитчэчэтын,

Илан акнил, Полкон, Майор, Степан,
Бэрилту хутэлин Тэпкэгир омоктук,
Хамакай дуннэду уринчэтын.
Бэйсэн хававан сакса хулидук,
Хутэлдүвэр ая биния итыгачатын.
Бэрилтүчэр гуннэ гэрбитын.

Эхи-кэ надыги дялартын
Дуннэ Дэрэнду бидерил!
Мэрңи сагдылвар итылватын
Часки дялдувар, индувар итывгат.
Энэл омңоро гуннэлвэтын,
Дуннэдүвэр бэркэт хавалдянал бигэт.

Берелтуева Дарья Муханаевна

Эвенкийский язык, бургузинский диалект

СОЛНЫШКО, СОЛНЫШКО!

Солнышко, солнышко!
Согрей моего жеребёночка!
Чтобы скорее он вырос,
Чтобы быстрее поскакал.

Припев: Чог-чог-чог, чог-чог-чог,
Чог-чог-чог, чог-чог-чог.
Чтобы мой жеребёнок подрос,
Чтобы мой жеребёнок поскакал.

От посланного с небес
Солнечного лучика
Мой жеребёнок подрос.
Мой жеребёнок поскакал.

Припев: Чог-чог-чог, чог-чог-чог,
Чог-чог-чог, чог-чог-чог.
Мой жеребёнок подрос,
Мой жеребёнок поскакал.

Жеребёнок, жеребёнок!
Будешь быстрым рысаком,
Далеко поскачешь,
В леса и горы.

Привет: Чог-чог-чог, чог-чог-чог,
Чог-чог-чог, чог-чог-чог.
Далеко поскачешь,
В леса и горы.

РЕЧКА АЛЛА

Бурливая речка,
Вытекая из ущелья,
С прозрачной студёной водой.
До наших мест дошла.
Та речка Алла.
Алла, Алла, Аллинка!
Как вкусна твоя водица.
Вырвавшись из горных цепей,
Оставив двух братьев,
Пробуждая всех жителей,
Стремительно бежит
Та речка Алла.
Алла, Алла, Аллинка!
Как вкусна твоя водица.

Слыша зов сердца,
Опоздать боясь,
Очень спеша,
К Баргузину течёт
Та речка Алла.
Алла, Алла, Аллинка!
Как вкусна твоя водица.

РОДНОЙ САМАХАЙ

*Посвящается памяти Петра Степанова
и предков-бэрилтучэров*

Вновь и вновь в моих снах,
Вновь и вновь на моих устах,
Вновь и вновь ветрами овеваемый,
Вновь и вновь дождями омываемый
У Баргузин-реки родной мой Самахай.

Издалека спеша к тебе вернуться,
До боли в сердце вспоминаем:
На зорьке – красноватые пригорки,
Цветущую черёмуху и травы.

Тонкие осинки серебристыми листочками
На ветру дрожащие.
Скот, пасущийся в степи.
Мужчин, острогой тайменя
Умело добывающих.

Остовы двух амбаров видим:
Они ведут свой неторопливый разговор,
Вспоминая, как наши родители выросли,
Как женщины за скотом ходили,
Как мужчины добывали зверя.

Три сын Бэрилту – Полковник, Майор, Степан –
Из рода Тэпкэгир издавна жили в Самахае.
Нелёгкий труд охотника с детства познав,
Они детям хорошую жизнь завещали.
Имя их Бэрилтучэр.

Их седьмое поколение сегодня
Живущее на земле по имени Дырен!
Заповеди своих предков
В мыслях, в своей жизни установим.
Не забывая ими сказанное,
Будем жить на своей земле достойно.

Bereltueva, Darya Mukhanaevna

Evenk language, Barguzin dialect

LITTLE SUN, LITTLE SUN!

Little sun, little sun!
Warm my little stallion!
Make him grow up big
Make him gallop swiftly.

Chorus: Chog-chog-chog, chog-chog-chog,
Chog-chog-chog, chog-chog-chog.
Make my stallion grow
Make my stallion gallop.

From the little ray of sun
That was sent from heaven
My little stallion grew up
My little stallion galloped.

Chorus: Chog-chog-chog, chog-chog-chog,
Chog-chog-chog, chog-chog-chog.
My little stallion grew up
My little stallion galloped.

Little stallion, little stallion!
You'll be a fast racer,
You will go a long way
Into the woods and the mountains.

Chorus: Chog-chog-chog, chog-chog-chog,
Chog-chog-chog, chog-chog.
You will go a long way
Into the woods and the mountains.

THE RIVER ALLA

A torrid river,
Flowing from a gorge,
With transparent icy water.
It has reached our lands
The river Alla.
Alla, Alla, Allinka!
Your water tastes so good.

Breaking free from mountain chains.
Leaving your two brothers,
Waking all the people
It runs so swiftly
The River Alla.
Alla, Alla, Allinka!
Your water tastes so good.

Hearing the heart's call,
Afraid to be late
Hurrying again
It flows to the Barguzin
The River Alla.
Alla, Alla, Allinka!
Your water tastes so good.

NATIVE SAMAKHAI

*To the memory of Pyotr Stepanov
and the Beriltucher ancestors*

Again and again in my dreams,
Again and again on my lips,
Again and again swept by the wind
Again and again washed by the rain
My native Samakhai by the River Barguzin.

From afar I rush back to you,
Remembering with pain in my heart
At dawn, how the hillocks are red
With blossoming cherry and grass.

Slender aspens with silvery leaves
Waving in the wind
Cattle grazing in the steppe
Men armed with spears
Catch the salmon trout with skill.

We see the frames of two barns:
People are talking together
Remembering how our parents grew up
How the women tended the cattle
How the men hunted the beasts.

The three sons of Beriltu, Colonel, Major, Stepan,
From the Tepkegir clan lived long in Samakhai
The hard work of the hunter, learnt from childhood,
A good life they passed on to their children.
Their name is "Beriltucher".

Their seventh generation, today
Lives on the land named Dyren!
We maintain their ancestors' precepts
In thoughts and in our lives.
Not forgetting the words that they said,
We will live on our land with dignity.

Жукова Ольга Юрьевна

Вепский язык

SÜGÜZEN MUJUD...

Sügüzen mujud – pakuine, rusked,
Sügüzen haju – märktunu hein,
Sügüzen äned – lendajad kurged,
Sügüzen magu – gar’bol da sen’.

Sügüzen pajo ližadab tuskad,
Sügüzen sädo – vihmaspäi paik,
Sügüzen holed – tal’vehe uksed,
Sügüzen meled – hillene kaik!

MIDÄ TEGI KEVÄZ’?

Midä tegi keväz’?
Kaiken lumen keraz’,
Sulaveden oti,
Lämäd tulläšt toi.

Midä kuli keväz’?
Veslid änid severz’.
Tedan, kezan vastha
Udes sädatoi.

MI OM KEZA

Mi om keza:
päipašt, räk,
kebnad sobad,
pal'l'az jaug.

Mi om keza:
vihand norm,
änikoid jo
rästtud korm.

Mi om keza:
lebun aig,
radon holed
heittud kaik.

BABUKOIHE

Nedalin vihmui,
Puodištui – kac!
Tat kucub mecha:
«Kerate, laps'!»

Puzuižed, veičed
Kerdale ottud.
Ezmäine babuk
Minai jo löütud!

BABOIN KÄDED

Igän rados baboin käded,
Äjan tehta mahtaba:
Lehmän lüpsta, tahtast peksta,
Lämüd noskid kudoda.

Noriš voziš harav kädes,
Värtin hotkas punoihe.
Paštud magukahid pirgoid –
Käzitego mugoine.

Nügüd kobaidaba hilläs,
Vanhtunuded, pehmedad.
Midä navediba tehta?
Otta üs'kha vonukad.

Жукова Ольга Юрьевна

Вепский язык

КРАСКИ ОСЕНИ

Всполохи осени – жёлтый и красный,
Запахи – прелость заросшей тропы,
Голос – небес журавлиные связки,
Тяга осенняя – клюква, грибы.

Осени долгая песня печальна,
Нет у дождика ниток сухих,
Осень – преддверье зимы изначально,
В час запустения мысли тихи.

Перевод с вепского Олега Мошникова

ЗАБОТЫ ВЕСНЫ

Много дел весенних!
Снег стряхнуть с коленей,
Подсушить все лужи
Ветерок помог.

Что за гам весенний?
Птичье новоселье!
К лету первоцветом
Вышила платок.

Перевод с вепского Олега Мошникова

ПРО ЛЕТО

Вот так лето:
Солнцепёк,
Представленье
Голых ног.

Вот так лето:
Зеленя,
Рвёт ромашки
Ребятня.

Вот так лето:
Лепота!
Отдыхаем –
Без труда.

Перевод с вепского Олега Мошникова

ЗА ГРИБАМИ

Кончился дождик,
На небе – синь!
Батя торопит:
«Радуйся, сын!»

Нож и корзинку
В лес захвати».
Мой – самый первый –
гриб на пути!

Перевод с вепского Олега Мошникова

БАБУШКИНЫ РУКИ

В деле руки у бабули,
И работа спорится:
Ест корова, дышит тесто,
Вязь носков не колется.

Ворошили сено вилы,
Пело веретёнышко,
Пирожок в руках – что месяц,
Колобок – что солнышко.

Без забот слабеют руки,
Праздно не лежат они.
Что родимым нынче в радость?
Нянчиться с внучатами.

Перевод с венского Олега Мошникова

Zhukova, Olga Yurevna

Vepsian language

THE COLORS OF AUTUMN

The flashes of autumn – yellow and red,
The smells – the musty overgrown path,
The voice – the cranes in the sky
The lure of autumn – cranberries and mushrooms.

The long song of autumn is sad
The raincoat has no dry threads
Autumn's the gateway to winter
In the hour of despair, thoughts are quiet.

THE CARES OF SPRING

Are their many things to do in spring?
Dust snow off your knees
Dry out all the ponds –
The wind has helped.

What's that springtime racket?
The birds are back again!
A scarf of chamomile
Has been sewn for the summer.

ABOUT SUMMER

This is summer:
Baking sun
And a show
Of bare legs

This is summer:
Turning green,
Daisy are torn
By the kids:

This is summer:
Beautiful!
We relax –
Without a care.

MUSHROOM PICKING

The rain has stopped,
The sky is blue
Dad is eager:
“Good news, my son!

Off to the woods
With a knife and basket”.
The first mushroom we see
On the path is mine!

GRANDMA’S HANDS

Grandma’s hands are busy
And the work goes smoothly
The cow eats, the dough rises
And the knitting needles click

Pitchforks rake the hay
And the spindle sings
A bun is like the moon
A pie is like the sun

Hands without work grow weak
They do not lie idle
What makes the family happy?
To look after the grandchildren.

Иженбина Наталья Платоновна

*Селькупский язык, иванкинский говор,
среднеобский диалект*

ҚОЛПАШЕВСКАЙ ШӨШҚУПЫЙ ҚОЛЬМЫ

Минани лэр энджа, лэр эджалгва
Шөшқулап Сибирьқыт лэрышпа.
Лэр шөшқулап, қвэлчиқулап
Лэрлап ми сваң тангвэшпа.

Припев: Эджлел, лэр эджлел
Лэр минани шөшқулап!
Эджлел, лэр эджлел
На минани қвэлчықулап!

Миғнут шөт авыралджэшпа.
Миғнут Ролд өдэлджэшпа.
Мадёгыт сурулла чаджэшпа.
Табла миғнут аза ларэлджэшпа.

Припев.

Оккырни чардье сваң элджэшпа.
Шөшқуй шэ қагырджэшпа.
Оккырни миғнуджэшпа,
Кажнай на тангылджэшпа.

Припев.

Иженбина Наталья Платоновна

*Селькупский язык, иванкинский говор,
среднеобский диалект*

ПЕСНЯ КОЛПАШЕВСКИХ СЕЛЬКУПОВ

Льётся песня над сибирскими просторами
Про селькупов – таёжных людей.
Песни петь мы умеем задорные,
Как работать и жить на Земле.

Припев: Льётся, льётся песня
 Про селькупов – сибирских людей.
 Льётся, льётся песня
 Про отважных и смелых людей.

Лес и речка нас кормят и поят,
Поклоняемся вежливо им.
Никакой зверь в тайге нас не тронет,
Не посмеет обидеть своих.

Припев.

И пусть племя моё процветает,
И гремит наш остяцкий язык,
И пусть каждый у нас это знает,
Что роднее нам нету Земли.

Припев.

Izhenbina, Natalya Platonovna

Selkup language, Ivakinsky dialect

SONG OF THE KOLPASHEVO SELKUPS

The song pours over vast Siberia
Of the Selkups – people of the taiga
We can sing fervent songs
Of how to work and live on the Land

Chorus: The song, the song it pours
Of the Selkups – Siberian people
The song, the song it pours
Of people courageous and brave

The forest and river give us food and water
We worship them with respect
No beast in the taiga will touch us
It will not attack its own.

Chorus.

And may my tribe flourish
And our Ostak language thunder
And let everyone here know it
That there is no Land dearer to us.

Chorus.

Кожевникова Людмила Владимировна

*Селькупский язык, иванкинский говор,
среднеобский диалект*

МАТ КЫБАННОҒЫТ ҚОЛДОВЫТ

*Посвящается памяти отца
Киргеева Владимира Кузьмича*

Мат кыбанноҕыт Қолдовыт
Авдигавыт қванэшпак,
Мат свақ лёрлап лёрэшпак –
На маннани тюп лёрлап.

Өтонд поққликап таттынджак,
Ўдинд қвёллика энджа,
Ўдимығыт қвэқлчикай энджа,
Нюйдимы ай сва энджа.

Чвэчқыт тякушлап нульджэшпак,
Чвэчқыт уп оралешпак,
Армагай унди потэшпак,
Нюйдимытқо шағетпак.

Қвединди минани чвэчла,
Кыгела, маққала эят,
Машып мадь нэмдыква
Машып мадигу этышпа.

Мат мадёғыт маннымбак,
Мат сва суруп лаквэнджак.
Кужат нева квадынджа,
Треухып кат медынджа.

Мат тўльсәкап онәк инджак,
Мат саңгликап тўлешпак,
Кужат пестун қвадынджа,
Табынандо зипун сөтынджак.

Курьеп запруду нўльджәшпак,
Петтяп тальдел қватынджак,
Фитили мат маннынджак,
Тодып мат оралэнджак.

Шөт шөшқулап авырешпа,
Ролд ай мадигу авырешпа.
Свәшқлап, чобырлап, пунлап
Вадәшплел, чаджлел, илел!

Телт шөшқуй эл свау эя.
Телт шөшқуй қвей лакватча:
Қайып манджызак, на лөрәшпа,
Оккырнинай нүнәшпа.

*Перевод на селькупский язык
Н. П. Иженбиной*

Кожевникова Людмила Владимировна

*Селькупский язык, иванкинский говор,
среднеобский диалект*

ПЕСНЯ ОТЦА

*Посвящается памяти отца
Киргеева Владимира Кузьмича*

Еду, еду в обласке
Я по матушке-реке,
Еду, песни я пою –
Это Родина моя.

Брошу в воду я сетёшку –
Будет к ужину рыбёшка.
Уха выйдет знатная,
Вкусная, богатая.

Я силки поставлю в поле,
Куропатку заневолую.
Из неё супец сварю
И для вкуса посолю.

Широки наши просторы:
Есть и реки, есть и горы,
И дремучая тайга
На охоту ждёт меня.

Я в лесу капкан проверю –
Буду рад любому зверю.
Если заяц попадёт,
На треух зимой пойдёт.

Прихвачу с собой ружьишко,
Может, стрельну косачишку.
Если попадёт пестун,
Из него сошью зипун.

На курье ставлю запруду,
Щуку к вечеру добуду.
Фитили проверю я
И поймаю карася.

Остяка кормит тайга,
И охота, и река.
Шишки, ягоды, грибы –
Не ленись, иди, бери!

Жизнь остяцка хороша!
Целый день поёт душа.
Чего вижу, то пою,
Никогда не устаю.

Kozhevnikova, Lyudmila Vladimirovna

Selkup language, Ivakinsky dialect

THE SONG OF MY FATHER

In memory of my father Vladimir Kuzmich Kirgeev

In my boat I row
Down the mother river
I sing songs as I row
For this is my home

I throw my net into the water
I will catch some fish for supper
It can go into a soup
Delicious and so rich.

I'll put snares in the field
And I'll catch a partridge
I will make a soup from it
And add salt for taste

This land of ours is wide
With many rivers and mountains
And the dense taiga
Awaits me for the hunt

I'll check the trap in the wood
I'll be happy to catch any beast
If I catch a hare
I'll make a hat from its skin

I take my gun with me
Perhaps I'll shoot a grouse
If I shoot a bear cub
I'll sew a coat from it.

At the long river bay
I'll catch myself a pike
I'll check the trips
And catch a carp

The Ostyak is fed by the taiga,
By hunting and by fishing.
Pine nuts, berries, mushrooms
Don't be lazy, take them!

The Ostyak's life is good:
The heart sings all day long:
What I see, I sing,
And I never tire.

Конева Екатерина Петровна

Хантыйский язык, шурышкарский диалект

СУС ПОРА

Суса йитӓл порайн,
Унтэв хорам ернас лумӓтмӓл.
Хорам, лыптаң пащар тайн,
Вонщам отӓт каламомел.

Сус па арщир пищ щи тайл,
Ёлхаң алңӓл, пошам алңӓл
Рувӓң хатла лув верлалы.
Этрӓң хатла па верлалы.

Сус па луң пилӓн ёнтӓл,
Кашлы лув хун эсӓлалы.
Верлы лув хун эсӓлалы.
Тащ энмалтам рувӓң луңӓл.

Вальюх кутӓн ма щи шушлам,
Холта кашӓң ӓт пурамлам.
Молтас сый ма ӓт па верлам.
Сорнең унтан номсэм шеңк ям.

Конева Екатерина Петровна

Хантыйский язык, шурьшкарский диалект

ОСЕННЯЯ ПОРА

Осень наступила,
Лес в цветном наряде.
И стоит рябина,
В красном сарафане.

Осень-кудесница,
В ней много перемен.
То холодно, то жарко,
То пасмурно, то ясно.

Осень на прощанье
С летом поиграет.
И богатства лета,
Приумножить надо.

Меж густых багульников,
Тихо, тихо я иду.
Лишний шум не создаю,
Чистым воздухом дышу.

Koneva, Ekaterina Petrovna

Khanty language, Shuryshkar dialect

AUTUMN

Autumn is here,
The forest is colorfully dressed
And the rowan ash stands
In a red tunic.

Autumn is a sorceress
It has many changes
From cold to hot,
From cloudy to clear

Autumn plays with summer
As it says farewell.
The riches of summer
It takes and multiplies.

Between the thick wild rosemary
Quietly I walk
I make little noise,
And breathe the pure air.

Лонгортов Никита Владимирович

Хантыйский язык, шурышкарский диалект

МА РУТ МУВИЕМ

Умӓщ Овкуртыем!

Тата утлал шикӓт, Кев элты ёхан овӓл.

Хой тата сӓма питӓс – ой таял.

Хорам таха муvem шуӓян ям арат!

Ёхан хуват ул тӓлия курт

Хой рут ширӓн катра тӓлан уллӓт,

Хул велман уллӓт, ӓт шуклалӓт

Куш ищки улӓ, вотас – холӓп вантлӓт.

Ёхан нохлы Кевев ул.

Шита опращлув, ащилӓм па антилӓм усӓт.

Ин унты кевн

Улы шавиман хоятӓт уллӓт.

Улы хотӓн уллӓт, ухалӓн яӓхлӓт,

Иса манэм лэр па ям.

Сама рахты ваншак вош, щир пил лухӓс тайман!

Ма па куртыем ишакман аматлӓм!

Лонгортов Никита Владимирович

Хантыйский язык, шурышкарский диалект

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА!

Овгорт, прекрасное село!
Здесь лес густой, река течёт с Урала.
Тому, кто здесь родился – повезло,
Красивых мест в моём краю не мало!

Вблизи села есть много деревень.
И все фамильные, такое встретить редко,
Рыбачат рыбаки, и им совсем не лень —
В мороз и стужу проверяют сетки.

А вверх по Сыне находится Урал.
Там жили все предки мои и родители.
И сейчас среди гор и скал
Живут оленеводческих традиций хранители.

И дом их был чум, а транспорт – олени,
И всё мне родное и нет мне милее
Родного села и верных друзей!
И ей я горжусь, отчизной моей!

Longortov, Nikita Vladimirovich

Khanty language, Shuryshkar dialect

MY LITTLE HOMELAND!

Ovgort, a wonderful village!
The forest is dense, the river flows from the Urals
Those who were born here are lucky!
There are so many beautiful places here!

Near the village are many farmsteads
Where everyone's friendly, a rare thing indeed,
The fishermen are always busy fishing
They check their nets in the frost and the cold.

And upstream from the Syn lie the Urals
Where all of my ancestors lived.
The mountains and cliffs are the home
To the keepers of reindeer-breeding traditions.

The tent was their home, and their transport the reindeer
But still there is nothing dearer to me
Than my native village and my true friends!
I'm so proud of it, this homeland of mine!

Сэротэтто Илья Владимирович

Ненецкий язык

НЕДАРМА

Сехэрэвна мюдва” миҥа!
Недармам’ нёдава”
Маня” тына танабина”
Маям’ ехэрава”.

Илма” нерняри
Маня” минреҥгува”
Нюкуцина” етри’
Нядабаҥгуна”.

Ңарамбато’ пыдо’ ҥод’
Сидна” нядабаҥгу”,
Ненэй илма’ тарерим’
Ңамгэхэрт нида таблаҥгу!

Недарма нёдава’ сер
Сехэрэвна мюд” миҥа”.
Нядасавэй ян(эй) мер”
Тына” танабина”!

Сэротэтто Илья Владимирович

Ненецкий язык

АРГИШ

Едет наш аргиш
По маршрутам давним,
Гоним мы оленей,
И беды не знаем.

Жизнь свою вперёд
Мы пронесём
И своим детишкам
Мы поможем в жизни.

Вырастут они,
Будут помогать нам,
Только так нашу жизнь
Ничто не остановит.

По тропам наших предков
Едет наш аргиш,
К ягельной земле скорей
Гоним мы оленей.

Serotetto, Ilya Vladimirovich

Nenets language

NYADARMA

Our sleds pass by
Along ancient routes
We drive the reindeer
And know no fear.

We bring our lives
Onwards and forwards
And we will help
Our children in life.

They will grow up,
And they will help us,
Only that way our lives
Will never be stopped.

On the paths of our ancestors
Our sleds are travelling,
To the reindeer moss lands
We are driving the reindeer.

On the nomadic roads,
As our wise ancestors taught
With all of our reindeer
We ride in the tundra.

Тодышев Иван Николаевич

Телеутский язык

ЈАС

Қачан жасқы келебеди,
Јелең-тонды чечебедим.
Пашқа пөрик кийбедим,
Оромчо ойноп жүрдим.

Кере күн ле ойноп жадық,
Энең сөзин ундуп жадық.
Ұйдең арты эске кир јат,
Қачан ай теңереге чық јат.

Қорығып үйге кир жадық,
Арбанчық туруп уқ жадық.
Је, қайдазың, јас келди,
Сақтадым узаақ аны!

Күндерге јас сүгүн жадым,
Пала чылап, ойноп жадым.
Мени кижі тудалбас,
Сақтабалдым сени, јас!

АЙЫЛДАҢ АРЫ ЭЗЕН ЈАДЫМ

Айылдаң ары эзен јадым,
Јанғанымма сүгүн јадым.
Тууғандарым толтыра ла,
Пай кижии теп, эм жүрјадым.

Тууғанмынаң пайлап јадым,
Келгемде ле, тойлош јадым.
Је, јақшы палдар өссин,
Аба-эне сүгүнзин.

Палдарды аластап јадым
Јақшы сөсти мен айт јадым.
Төгөзө той секир јадым,
Чылағанча сүгүн јадым.

Полғондо той – јақшыға,
Кичү пала эм сақдарға.
Кичү палады өскирерик,
Айтқан пилее – улыжарық.

Јүректе јақшы полпады,
Тууғанмынаң пайлападық.

КҮСКҮ

Күскү күндер парабеди,
Оромдо сууҕ полобеди.
Јулу киймдерди педрем,
Пөрик, желеңди кийем.

Қушқачақтар учабеди,
Јыбран, айу уқтайбеди.
Қайың қақтар саргалјалар
Салқын мынаң учупјалар.

Томоноқтор жоғолды.
Уй кижиди отты салды.
Оттың јанда јылынјам,
Тамқы тартып отырјам.

Тодышев Иван Николаевич

Телеутский язык

ВЕСНА ПРИШЛА

Как только приходит весна,
Пальто и шубу в шкаф убираю.
Зимнюю шапку снимаю
И на улицу играть убегаю.

Целыми днями играем,
Материнский наказ забываем.
Вспоминаем о доме тогда,
Когда луна уже на небосводе.

С опаской заходим домой,
Молча слышим ворчание мамы.
И пусть ругает, ведь пахнет весной.
Как мы её долго ждали!

Я радуюсь тёплым дням,
Как ребёнок, днями играюсь.
Удержать меня дома нельзя,
Я дождался тебя, весна!

КОГДА ДУМАЮ О ДОМЕ

Когда думаю о доме,
Я кричу: «Виват!
У меня родни премного,
Стало быть – богат!».

Ежегодно родня прибавляется,
Свадьбы играем подряд.
Родители пусть успокоятся,
Молодым проведём обряд.

За столом мы подарки вручаем,
Молодым наставленья даём.
А потом до усталости пляшем,
И за здравие чарку испьём.

Когда свадьба – это здорово!
Пополнения ждать в семье.
Пусть живут молодые счастливо,
Мы поможем всегда и везде.

И теперь на сердце слаще,
Стали мы роднёй богаче!

ОСЕНЬ

Осенние дни наступили,
Прохладно на улице стало.
Одежду из шкафа достали,
Чтоб душу мою согревала.

Птицы на юг улетели,
Суслик с медведем уж спят.
Листочки берёз пожелтели,
По воздуху с ветром летят.

Исчезли давно комары,
И печки в домах затопили.
Самокрутку набитой махры
С соседом вдвоём разделили.

Todyshev, Ivan Nikolaevich

Teleut language

SPRING IS HERE

As soon as spring arrives,
I put away my coat.
I take off my winter hat
And run outside to play.

We play for days on end,
Forget what our mothers said.
And we only remember our homes
When the moon is in the sky.

We go home with alarm,
Listen in silence to mother
She can tell us off, we can smell the spring
We waited for it so long.

I am happy about the warm days
Like a child, I play for days
You can't make me stay at home,
I have waited for you, spring.

WHEN I THINK ABOUT MY HOME

When I think about my home
I shout out “Hooray!”
I have a big family
That means I am rich!”

Every year the family grows,
Weddings one after another.
Let the parents be happy,
We hold the ceremony for the young

At the table we give presents
And give the young couples advice,
And then we dance till we drop
And drink to the newly-weds’ health.

A wedding is a wonderful thing
To wait for the family to grow
May the young couple live happily
We’ll always help them out

And now the heart feels sweeter,
Our family has become richer!

AUTUMN

The autumn days have come,
And now it's cold outside
I take my clothes from the cupboard
So they can warm my heart.

The birds have fall flown south
The squirrels and bears are asleep.
The birch leaves have turned yellow
And fly in the air with the wind.

The mosquitoes have long since vanished
And the stoves in the houses burn.
With my neighbor, I share
A roll-up of shag tobacco.

Юнкер Пётр Петрович

Хантыйский язык, сургутский диалект

СЭМАМ СÄВРӘМӘЛ, ÄЛӘ МӘТА ВӘЛИ ЛӨҢҚӘТ

Сэмам сәврәмәл, әлә мәта вәли лөңқәт.
Ма пухәл оләңа мәнләм,
Сүйләх-кейләх. Йәңки. Пәтәләм. Әй мәта ли пә әнтәм.
Аләң қуһьәлнат мант йәта әнтә йөвәтл.

Ма па пәләки па ләки мәнмин пастахә сөчләм.
Мәң чопәң рос қәлты тулув панә қәт-қәт өйавтлув.
Тьу өт, мувәли әнтәм панә әнтә пә вәлтал.
Сэмәм сәврәмәл, әлә мәта илә һьәтьәм қүйәт.

Өңтәң һьирмәт-йухәт мөчхә.
Ыттән высәт мөчхә, най әнтә қөптәм қотәтнә.
Вөнтәт мөчхә, қәт кәлә муләм панә пәхтә түхрәң вөнт.
Сэмам сәврәмәл, әлә мәта тумран.

Перевод на хантыйский язык А. Арантеевой

ҖОТ ПӘ ВӘЛИ СӘМХӘН ИЛӘ ПУНЧМИН

Җот пә вәли сәмхән илә пунчмин,
Җот пә вәнт онт төрәм сәңқи кевертл.
Ма йастәләм йәм ньаләм чөпнат,
Җәднә пә вул ма қәнччә қуйәм.

Җәдхә вәнтәт панә йох әй лота әнтә питәт,
Мәң ликув мәнлүв, қунтә әйқа мәнлүв.
Әс қунтә мәң әнтә әйқа вәсув, тьут пухәлхә нәмтәли,
Лыптәт-помәт ләли мөчхә мәнлүв.

Сухмәтәт ай мөқ йәхнә төримтәлат,
Панә лүк сүй, әлә мәта най витьәхтәтә вөв,
Йох нөқ питта партл. Манси.
Панә қантәх йох, панә йархан йох пә мәңат пыхәртләт.

Панә лүвә мәң ликув чәкнат кирәхләл.
Атәм пухәл, куть, ар пыкет атәм вәр, кәк қот.
Ма пәхтә вәнчәт көл вуләх вәрнат
Ныпека чәвиләләм чөвәты панә атәм өты.

Панә кәнһар ләңәттәтә қө уңәл лөккәл әй тьу сөхит
вөлдәхән,

Сәмхәлнат нәви қора лүқәл.
Төхә мөчә қәлхә мәң мәнүв, қөт вокул йох
Җәтләт мөчә виңкув панә силуэт пуләт,
Мувәли нәвис сувтәпнат қанччә қө қуратәл,
Вөхәл сәмәң, қачәң өта авәл панә әлә мәта қөл вутә қө.

Әс қунтә ма әнтә қанччә қө, төп мәхи вәрәм пуль,
Лүвә йомәтнә архә тули сөрәм пөм қөрасәп вәс.
Җалтам пырнә мант төңәмтәләт.
Әс қунтә әнтә төңәмтәләт, найа липтә!

Перевод на хантыйский язык А. Арантеевой

АҢКИТЬЭТЕМА

Қәнтәқ қә тьәртәл печқанәлнам,
Өвәр ванч сөхәл пәхтыс сипиряк.
Лұв манчл, күнтә йовәтл
Ылә көрәхтаә йәхәм ньуқи қутәлә.

Панә сухмәтәң йух онт.
Төп-төп пумәң вот похәл,
Панә йавән пәхтаә йәл.
Панә авил алохтийәлә ымәл,
Әлә мәта наптәх овтыя, лүв, лүв.

Перевод на хантыйский язык А. Арантеевой

Юнкер Пётр Петрович

Хантыйский язык, сургутский диалект

**СЕРДЦЕ СТУЧИТ,
КАК КОПЫТА ОЛЕНЬИ**

Сердце стучит, как копыта оленье.
Я выхожу за границу деревни.
Тихо. И сыро. Темно. Никого нет.
Утро с восходом меня не догонит.

Я, извиваясь, иду иноходью.
Мы часто теряем и редко находим
То, чего нет и, возможно, не будет.
Сердце стучит, словно порванный бубен.

Мимо кустов и деревьев сохатых.
Мимо окон, непогашенных в хатах.
Мимо лесов, где туман и урман.
Сердце стучит, как об зубы варган...

ПОКУДА ОЛЕНЬИ ЗЕНИЦЫ ОТКРЫТЫ

Покуда оленьи зеницы открыты.
Покуда таёжное небо кипит.
Я буду твердить отчеканенным ритмом
Как только умеет мой личный пиит.

Покуда леса и народ не осели,
Мы путь сей осилим, коль вместе пойдём.
А коль мы не в месте, что кличут селеньем,
Под вздохи сирени попрём напролом.

Берёзы качнутся в младенческом вальсе,
И ток глухаря, словно теславский шаг,
Заставит очнуться от прихотей.

Манси

И ханты, и ненцы поддержат наш такт.

И пусть наш поход обернётся страданьем.
Могилы, запои, распутство, тюрьма.
Я смуглые лица нелепым стараньем
В бумагу укрою от снега и зла.

И бедный читатель, не выразив скулы,
Зеницами вцепится в белый портрет.
Покуда по туда мы шли, где вогулы
По суткам плелись и плели силуэт,
Что бледною краской измызгал поэт,
Ранимый, наивный и мнимый поэт.

А коль не поэт я, а только лишь слепок,
Пусть жёлтое лоно омоют дожди.
Меня после смерти наверно оценят.
А коль не оценят и после, сожги!

ПРАДЕДУ

Остяк камлает над прицелом,
Высокий смуглый сибиряк.
Он ждёт, когда вернётся целым
В свой ветхий чум. И березняк.

Обдаст слегка июльский ветер,
И станет смуглою река.
И дочь взберётся на колени,
Точь-в-точь на важенку, сама...

Yunker, Pyotr Petrovich

Khanty language, Surgut dialect

THE HEART BEATS LIKE A REINDEER'S HOOF

The heart beats like a reindeer's hoof.
I go to the boundary of the village
It's dark, damp and cold. There's no one here
The dawn has not caught up with me yet.

I meander on the path, I amble on.
We often lose and rarely find
What isn't there, and perhaps never will be
The heart beats like a torn tambourine.

Past the bushes and forked trees.
Past the windows still light in the huts.
Past the forests of mist and dense trees.
The heart beats like a mouth harp on the teeth...

WHEREVER THE REINDEER'S EYES ARE OPEN

Wherever the reindeer's eyes are open
Wherever the taiga sky boils
I will state with emphatic rhythm
As only my inner poet can

Where forests and people aren't settled
We will master that path, if we're going together
And if we're not in a place called a village
Under the sighs of lilies we will trample on.

The birch trees shake in a babyish waltz,
And the courtship of quails, like a Teslavsky step
Wakes you from sleep with its whims.
The Mansy,
Khanty and the Nenets keep our beat.

And may our march end in suffering.
Graves, binges, debauchery, jail.
With my clumsy efforts, I will hide swarthy faces
From evil and snow under paper.

And the poor reader, with expressionless jowls
Fixes his eyes on the white portrait.
To where the places we went, where the Voguls
Wandered for days weaving silhouettes,
Besmirched by the poet with pale paint
The vulnerable, naïve, would-be poet.

And if I am no poet, but only a cast,
May the rain wash away the yellow expanse.
Recognition will come to me after my death
But if I am not recognized, burn me!

TO MY GREAT-GRANDFATHER

The Ostyak casts spells on the rifle sight
The swarthy, tall Siberian.
He waits until he can return
To his timeworn tent. And the birch

Rustles in a slightly July wind
And the river grows swarthy
And the daughter drops to her knees
Just like a reindeer, all by herself...

ЖЮРИ
ТРЕТЬЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«ГОЛОС СЕВЕРА» – 2021

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ:

Кривошапкин Андрей Васильевич, член Союза писателей России, народный писатель Республики Саха (Якутия)

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ:

Вейсалова Нина Глебовна, заместитель председателя, вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ по вопросам образования, родных языков народов Севера и проектной деятельности

Зубов Сергей Фёдорович, директор Санкт-Петербургского филиала АО «Издательство «Просвещение»

Рудинская Вера Николаевна, долганская писательница

Власова Екатерина Сергеевна, детская писательница

Лаптева Галина Павловна, хантыйская писательница

Кривошапкин Михаил Васильевич, эвенский писатель, победитель Второго литературного конкурса «Голос Севера»

Чернышова Светлана Леонидовна, руководитель Санкт-Петербургского отделения АКМНСС ДВ РФ, доцент кафедры этнокультурологии ИНС РГПУ им. А. И. Герцена

Бельды Екатерина Николаевна, сотрудник аппарата Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, секретарь жюри конкурса

JURY
OF THE THIRD LITERARY COMPETITION
“VOICE OF THE NORTH”

JURY CHAIRMAN:

Krivoshapkin, Andrei Vasilievich, national writer of the Sakha Republic (Yakutia)

MEMBERS OF THE JURY:

Veysalova, Nina Glebovna, deputy chairperson, vice-president of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East for education, native languages of peoples of the North and project management

Zubov, Sergei Fyodorovich, director of the St. Petersburg branch of Prosveshchenie Publishers

Rudinskaya, Vera Nikolaevna, dolgan writer

Vlasova, Ekaterina Sergeevna, children’s writer

Lapteva, Galina Pavlovna, khanty writer

Krivoshapkin, Mikhail Vasilievich, Evenki author, winner of the Second Writing Competition “Golos Severa”

Chernyshova, Svetlana Leonidovna, head of the St. Petersburg Branch of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Associate Professor of the Department of Ethnology of the INS RSPU named after A. I. Herzen

Beldy, Ekaterina Nikolaevna, specialist of the Department for Work with Regions of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North

ЯЗЫКОВЫЕ ЭКСПЕРТЫ ТРЕТЬЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА «ГОЛОС СЕВЕРА» – 2021

Валенкова Виктория Васильевна – ассистент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ (Санкт-Петербург)

Гашилов Аркадий Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Дедык Валентина Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков, культуры и быта коренных малочисленных народов Севера КГАУДПО «Камчатский институт развития образования» (пгт. Палана, Камчатский край)

Докучаева Ольга Илекувна – учитель родного (ненецкого) языка и литературы (г. Тарко-Сале, ЯНАО)

Жовницкая Светлана Нереевна – заместитель директора Таймырского муниципального казенного учреждения «Информационный методический центр» (г. Дудинка, Красноярский край)

Заксор Любовь Жоржевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Иванова Эльвира Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ (Санкт-Петербург)

Коробейникова Ирина Анатольевна – президент Томской региональной общественной организации «Союз КМНС Томской области» (г. Томск)

Кудрякова Нина Семёновна – заведующая отделом фольклора и этнографии Таймырского Дома народного творчества (г. Дудинка, Красноярский край)

Кусамина Римма Александровна – учитель селькупского языка (г. Тарко-Сале, ЯНАО)

Повольских Галина Васильевна – эскимосский язык (г. Комсомольск-на-Амуре)

Рачинская Марина Афанасьевна – редактор литературы на языках КМНС, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ (Санкт-Петербург)

**LANGUAGE EXPERTS OF THE THIRD
WRITING COMPETITION
“GOLOS SEVERA”
(VOICE OF THE NORTH) – 2021**

Valenkova Viktoria Vasilievna – assistant professor of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical Institute of Russia, member of the regional branch of RAIPON (Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East) (Saint-Petersburg)

Gashilov, Arkady Ivanovich – Ph.D. in philology, associate professor of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical Institute of Russia (Saint-Petersburg)

Dedyk, Valentina Romanovna – Ph.D. in philology, associate professor of the Department of Languages, Culture and Everyday Life of indigenous Small-numbered Peoples of the North “Kamchatsky Institute for Development of Education” (township of Palana, Kamchatka Region)

Dokuchaeva, Olga Ilekuvna – teacher of native (Nenets) language and literature (town of Tarko-Sale, Yamalo-Nenets Autonomous District)

Zhovnitskaya, Svetlana Nereevna – deputy director of the Taimyr municipal state-owned institution “Informational training center” (Dudinka, Krasnoyarsk Region)

Zaksor, Lyubov Zhorzhevna – Ph.D. in philology, associate professor of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical Institute of Russia (Saint-Petersburg)

Ivanova, Elvira Vasilievna – Ph.D. in philology, associate professor of the Department of Altay Languages, Folklore and Literature of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical Institute of Russia member of the regional branch of RAIPON (Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East) (Saint-Petersburg)

Korobeynikova, Irina Anatolyevna – president of the Tomsk regional non-governmental organization “The Union of Indigenous Peoples of the North of the Tomsk Region” (Tomsk)

Kudryakova, Nina Semyonova – head of the Department of Folklore and Ethnography of the Taimyr House of Folk Culture (Dudinka, Krasnoyarsk Region)

Kusamina, Rimma Alexandrovna – teacher of Selkup (town of Tarko-Sale, Yamalo-Nenets Autonomous District)

Povolskikh, Galina Vasilievna – Eskimo language (Komsomolsk-on-Amur)

Rachinskaya, Marina Afanasievna – editor of literature in the languages of the Indigenous Peoples of the North, member of the regional branch of RAIPON (Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East) (Saint-Petersburg)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

Антонова Антонина Михайловна, методист отдела культурно-массовой работы МБУК «Ловозерский районный национальный культурный центр», с. Ловозеро, Ловозерский район, Мурманская область

Арантеева Анжела Павловна, хантыйский язык (сургутский диалект), студентка Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член молодежного отделения АКМНССи ДВ РФ, Санкт-Петербург

Арбачакова Любовь Никитовна, шорский язык, научный сотрудник Института филологии СО РАН, г. Таштагол, Кемеровская область

Арепьева Зоя Дебубтеевна, нганасанский язык, Центр развития зимних видов спорта, г. Дудинка, Красноярский край

Баксарина Валентина Николаевна, телеутский язык, МКУ «ЦСОН Беловского муниципального района», специалист по социальной работе, с. Челухоево, Беловский район, Кемеровская область – Кузбасс

Бельды Наталья Семёновна, нанайский язык, с. Найхин, Хабаровский край

Берелтуева Дарья Муханаевна, эвенкийский язык, баргузинский диалект, кандидат филологических наук, почётный работник высшего профессионального образования РФ, пенсионер, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

Болина Татьяна Васильевна, эвенкийский язык, ведущий методист по эвенкийской культуре в отделе фольклора и этнографии, КГБУК «Таймырский Дом народного творчества», г. Дудинка, Красноярский край

Вануйто Елена Александровна, ненецкий язык, детский сад «Солнышко», п. Яр-Сале, Ямальский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Веретнова Галина Павловна, эвенкийский язык, студентка Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член молодежного отделения АКМНССи ДВ РФ, Санкт-Петербург

Гайкова Любовь Николаевна, 12 лет, эвенкийский язык, ученица 7 класса МОАУ «Усть-Нюкжинская СОШ», с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область

Гудан Евгений Павлович, ульчский язык, писатель, главный редактор газеты «Амурский маяк», с. Богородское, Ульчский район, Хабаровский край

Егерь Нина Михайловна, хантыйский язык, шурышкарский диалект, преподаватель, ГБПОУ ЯНАО «Ямальский многопрофильный колледж», г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ

Жовницкая Светлана Нереевна, заместитель директора Таймырского муниципального казенного учреждения «Информационный методический центр», г. Дудинка, Красноярский край

Жукова Ольга Юрьевна, вепский язык, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия

Иженбина Наталья Платоновна, селькупский язык, иванкинский диалект, г. Колпашево, Томская область

Казымкина Оксана Наумовна, ненецкий язык, лесной диалект, г. Тарко-Сале, Ямало-Ненецкий автономный округ

Ковранто Эмилия Владимировна, корякский язык, учитель начальных классов и родного языка, МКОУ «Среднепахачинская средняя школа», с. Средние Пахачи, Олюторский район, Камчатский край

Кожевникова Людмила Владимировна, селькупский язык, иванкинский диалект, г. Колпашево, Томской области

Колесова Динара Витальевна, 13 лет, эвенкийский язык, ученица 8 класса МОУ им. Г.М. Василевич, с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия)

Конева Екатерина Петровна, хантыйский язык, шурышкарский диалект, с. Лопхари, Шурышкарский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Коробейникова Ирина Анатольевна, селькупский язык, нарымский диалект, президент Томской региональной общественной организации «Союз КМНС Томской области», г. Томск

Лонгортов Никита Владимирович, хантыйский язык, шурышкарский диалект, с. Овгорт, Шурышкарский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Лонгортова Зинаида Викторовна, хантыйский язык, шурышкарский диалект, г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ

Матюшкин Илья Сергеевич, 14 лет, селькупский язык, тазовский диалект, учащийся 8 класса МОУ «РШИООО им. С.И.Ирикова», с. Ратта, Красноселькупский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Николаева Любовь Анатольевна, 12 лет, эвенкийский язык, ученица 6 класса МОАУ «Усть-Нюкжинская СОШ», с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область

Павлуткина Зоя Анатольевна, селькупский язык, нарымский диалект, г. Томск

Познанская Клавдия Васильевна, селькупский язык, нарымский диалект, г. Томск

Потапова Ирина Михайловна, телеутский язык, с. Челухоево, Беловский район, Кемеровская область – Кузбасс

Прокина Тамара Фёдоровна, селькупский язык, нарымский диалект, с. Парабель, Томская область

Пяк Макар Анатольевич, 16 лет, ненецкий язык, лесной диалект, учащийся 10 класса МБОУ «Школа-интернат среднего общего образования», г. Тарко-Сале, Пуровский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Пяк Маргарита Откалевна, ненецкий язык, корреспондент районной газеты «Северный край», п. Красноселькуп, Красноселькупский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Пяк Михаил Сергеевич, 16 лет, ненецкий язык, лесной диалект, учащийся 9 класса МБОУ «Школа-интернат среднего общего образования», г. Тарко-Сале, Пуровский район, Ямало-Ненецкий автономный округ

Роганина Евгения Иннокентьевна, долганский язык, корреспондент, территориальное отделение ГТРК «Красноярск», г. Дудинка, Красноярский край

Сапельникова Анна Михайловна, саамский язык, педагог дополнительного образования, МБОУ ДО «Центр детского творчества», с. Ловозеро, Ловозерский район, Мурманская область

Сомов Андрей Иванович, селькупский язык, нарымский диалект, председатель Томской городской общественной организации «Пеккораль» («Пегая орда»), г. Томск

Сотникова Валерия Андреевна, 13 лет, вепсский язык, учащаяся 7 класса МОУ «Средняя школа № 43», г. Петрозаводск, Республика Карелия

Сэротэтто Илья Владимирович, ненецкий язык, г. Надым, Ямало-Ненецкий автономный округ

Сязи Антонина Егоровна, хантыйский язык, приуральский диалект, г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ

Тодышев Иван Николаевич, телеутский язык, с. Беково, Беловский район, Кемеровская область – Кузбасс

Тридчикова Татьяна Николаевна, хантыйский язык, шурышкарский диалект, преподаватель, ГБПОУ ЯНАО «Ямальский многопрофильный колледж», г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ

Трифоев Виктор Павлович, вепсский язык, писатель, поэт, Санкт-Петербург

Филкова Анна Станиславовна, 10 лет, телеутский язык, учащаяся 4 класса МБОУ СОШ №12, г. Белово, Кемеровская область – Кузбасс

Шадрина Людмила Денисовна, селькупский язык, нарымский диалект, с. Нарым, Томская область

Юнкер Пётр Петрович, хантыйский язык, сургутский диалект, руководитель молодёжного театра ГБУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Окружной Молодёжный Центр», арт-резиденция Полярис, г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ

Яковлева Олеся Юрьевна, эскимосский язык, воспитатель, Санкт-Петербург

Яптунэ Раиса Пехедомовна, ненецкий язык, ведущий методист по ненецкой культуре, тележурналист гтрк «Таймыр», редактор национальных передач, внештатный корреспондент газеты «Таймыр», Дудинка, Красноярский край

INFORMATION ABOUT AUTHORS AND TRANSLATORS

Antonova, Antonina Mikhailovna, supervisor of the department of cultural work at MPCCI (Municipal publicly funded cultural institution) “National Cultural Center of Lovozersky District”, village of Lovozero, Lovozersky District, Murmansk Region

Aranteeva, Anzhela Pavlovna, Khanty language (Surgut dialect), student of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical University of Russia, member of the youth division of RAIPON (Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East), Saint-Petersburg

Arbachakova, Lyubov Nikitovna, Shor language, research assistant at the Institute of Philology SB RAS (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), city of Tashtagol, Kemerovo Region

Arepyeva, Zoya Debubteevna, Nganasan language, Winter Sports Development Center, city of Dudinka, Krasnoyarsk Region

Baksarina, Valentina Nikolayevna, Teleut language, MPI (Municipal Public Institution) «SSC (Social Security Center) Belovsky Municipal District», social work specialist, village of Chelukhoevo, Belovsky District, the Kemerovo Region – Kuzbass

Beldy, Natalya Semyonovna, Nanay language, village of Naykhin, Khabarovsk Region

Bereltuyeva, Darya Mukhanayevna, Evenki language, Barguzin dialect, Ph.D. in Philology, honorary worker of higher vocational education of the Russian Federation, retired, city of Ulan-Ude, Republic of Buryatia

Bolina, Tatyana Vasilyevna, Evenki language, chief supervisor for Evenki culture of the Folklore and Ethnography Department, RSPIC (Regional State Publicly Funded Institution of Culture) “Taimyr House of Folk Culture”, city of Dudinka, Krasnoyarsk Region

Vanuyto, Elena Alexandrovna, Nenets language, “Solnyshko” day-care center, village of Yar-Sale, Yamalsky District, Yamalo-Nenets Autonomous District

Veretnova, Galina Pavlovna, Evenki language, student of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical University of Russia, member of the youth division of RAIPON (Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East), Saint-Petersburg

Gaykova, Lyubov Nikolayevna, 12 years old, Evenki language, 7th grade student at MEAI (Municipal Educational Autonomous Institution) “Ust-Nyukzha Secondary School”, village of Ust-Nyukzha, Tyndinsky District, Amur Region

Gudan, Evgeniy Pavlovich, Ulch language, writer, editor-in-chief of the newspaper “Amursky Mayak”, village of Bogorodskoye, Ulchsky District, Khabarovsk Region

Yeger, Nina Mikhaylovna, Khanty language, Shuryshkarsky dialect, teacher, SBPEI (State Budget Professional Educational Institution) of the Yamal-Nenets Autonomous District “Yamal Multidisciplinary Vocational Education Institution”, city of Salekhard, Yamal-Nenets Autonomous District

Zhovnitskaya, Svetlana Nereevna, deputy director of the Taimyr municipal state-owned institution “Informational training center”, Dudinka, Krasnoyarsk Region

Zhukova, Olga Yurievna, Veps language, assistant professor of the Baltic-Finnish Philology Department, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Republic of Karelia

Izhenbina, Natalya Platonovna, Selkup language, Ivankinsky dialect, city of Kolpashevo, Tomsk Region

Kazymkina, Oksana Naumovna, Nenets language, Forest dialect, city of Tarko-Sale, Yamal-Nenets Autonomous District

Kovranto, Emilia Vladimirovna, Koryak language, primary school teacher and native language teacher, MSEI (Municipal State-Owned

Educational Institution) “Srednie Pakhachi Secondary School”, village of Srednie Pakhachi, Olyutorsky District, the Kamchatka Region

Kozhevnikova, Lyudmila Vladimirovna, Selkup language, Ivankinsky dialect, city of Kolpashevo, Tomsk Region

Kolesova, Dinara Vitalyevna, 13 years old, Evenki language, 8th year student of G.M.Vasilevich MEI (Municipal Educational Institution), village of Iyengra, Neryungrinsky District, Sakha Republic (Yakutia)

Koneva, Ekaterina Petrovna, Khanty language, Shuryshkarsky dialect, village of Lophari, Shuryshkarsky District, the Yamal-Nenets Autonomous District

Korobeynikova, Irina Anatolyevna, Selkup language, Narym dialect, President of the Tomsk regional non-governmental organization “The Union of Indigenous peoples of the North of the Tomsk Region”, Tomsk

Longortov, Nikitina Vladimirovich, Khanty language, Shuryshkarsky dialect, village of Ovgort, Shuryshkarsky District, Yamal-Nenets Autonomous District

Longortova, Zinaida Viktorovna, Khanty language, Shuryshkarsky dialect, Salekhard, Yamal-Nenets Autonomous District

Matyushkin, Ilya Sergeyeovich, 14 years old, Selkup language, Taz dialect, 8th year student of MEI “S.I.Irikov RBSBGE (Ratta Boarding School of Basic General Education)”, village of Ratta, Krasnoselkupsky District, Yamal-Nenets Autonomous District

Nikolaeva, Lyubov Anatolyevna, 12 years old, the Evenki language, 6th year student of MEAI (Municipal Educational Autonomous Institution), “Ust-Nyukzha Secondary School”, village of Ust-Nyukzha, Tyndinsky District, Amur Region

Pavlutkina, Zoya Anatolyevna, Selkup language, Narym dialect, Tomsk

Poznanskaya, Klavdia Vasiliyevna, Selkup language, Narym dialect, Tomsk

Potapova, Irina Mikhaylovna, Teleut language, village of Chelukhoevo, Belovsky District, Kemerovo Region – Kuzbass

Prokina, Tamara Fyodorovna, Selkup language, Narym dialect, the village of Parabel', Tomsk Region

Pyak, Makar Anatolyevich, 16 years old, Nenets language, Forest dialect, 10th year student of MBEI "Boarding School of Basic General Education", city of Tarko-Sale, Purovsky District, the Yamal-Nenets Autonomous District

Pyak, Margarita Otkalevna, Nenets language, reporter for the district newspaper "Severny Kray", village of Krasnoselkup, Krasnoselkupsky District, Yamal-Nenets Autonomous District

Pyak, Mikhail Sergeyeovich, 16 years old, Nenets language, Forest dialect, 9th year student of MBEI "Boarding School of Basic General Education", city of Tarko-Sale, Purovsky District, Yamal-Nenets Autonomous District

Roganina, Evgenia Innokentiyevna, Dolgan language, reporter, local branch of STRBC (State TV and Radio Broadcasting Company) "Krasnoyarsk", Dudinka, Krasnoyarsk Region

Sapelnikova, Anna Mikhailovna, Saami language, extracurricular education teacher, MBEI EE (Municipal Budgetary Educational Institution of Extracurricular Education) "Children's activity center", village of Lovozero, Lovozersky District, Murmansk Region

Somov, Andrey Ivanovich, Selkup language, Narym dialect, chairman of Tomsk city non-governmental organization "Pekkorol" ("Piebald Horde"), Tomsk

Sotnikova, Valeria Andreevna, 13 years old, Veps language, 7th year student of MEI "Secondary school № 43", Petrozavodsk, Republic of Karelia

Serotetto, Ilya Vladimirovich, Nenets language, city of Nadym, the Yamal-Nenets Autonomous District

Syazi, Antonina Yegorovna, Khanty language, Ural dialect, city of Salekhard, Yamal-Nenets Autonomous District

Todyshev, Ivan Nikolayevich, Teleut language, the village of Bekovo, Belovsky District, the Kemerovo Region – Kuzbass

Tridchikova, Tatyana Nikolayevna, Khanty language, Shuryshkarsky dialect, teacher, SBPEI (State Budget Professional Educational Institution) of the Yamal-Nenets Autonomous District “Yamal Multidisciplinary Vocational Education Institution”, City of Salekhard, Yamal-Nenets Autonomous District

Trifoev, Viktor Pavlovich, Veps language, author, poet, Saint-Petersburg

Filkova, Anna Stanislavovna, 10 years old, Teleut language, 4th year student of MBEI Secondary School №12, city of Belovo, the Kemerovo Region – Kuzbass

Shadrina, Lyudmila Denisovna, Selkup language, Narym dialect, village of Narym, Tomsk Region

Yunker, Pyotr Petrovich, Khanty language, Surgut dialect, director of the youth theater SBI of the Yamal-Nenets Autonomous District “District Youth Center”, art-residence Polyaris, city of Salekhard, Yamal-Nenets Autonomous District

Yakovleva, Olesya Yurievna, Eskimo language, pre-school teacher, Saint-Petersburg

Yaptune, Raisa Pekhedomovna, Nenets language, chief supervisor for Netes culture, TV reporter STRBC (State TV and Radio Broadcasting Company) “Taimyr”, editor of national TV and radio programs, freelance reporter of the newspaper “Taimyr”, Dudinka, Krasnoyarsk Region

ГОЛОС СЕВЕРА

*Сборник произведений участников
Третьего литературного конкурса
«Голос Севера»*

Редактор: *М. А. Рачинская*
Обложка: *Е. Н. Морозов*
Технический редактор: *Г. А. Филичева*
Перевод на английский: *Саймон Паттерсон*

Подписано в печать 14.02.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,0.
Зак. № 012. Тираж 50 экз.

Издание отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина»
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

VOICE OF THE NORTH

*Anthology of works by participants
of the Third literary competition
“Voice of the North”*

Editor: *M. A. Rachinskaya*

Cover: *E. N. Morosov*

Technical editing: *G. A. Filicheva*

English translation: *Simon Patterson*

Signed to print 14.02.2022. Format 70 × 100 ¹/₁₆.
Digital print. Offset paper. Printer's sheets 27,0.
Order № 012. Number of copies 50.

Publication printed
at the B.N. Yeltsin Presidential Library
3 Senatskaya Square, 190000 St. Petersburg

**Литературный конкурс «ГОЛОС СЕВЕРА»
отмечен двумя всероссийскими наградами:**

- 2018 год – лауреат Всероссийского конкурса актуальных национально-культурных проектов «Россия – этнический комфорт»;
- 2021 год – присуждена Всероссийская общественная премия за сохранение языкового многообразия Российской Федерации «Ключевое слово»

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ
Литературного конкурса «Голос Севера»**

1. Литературный конкурс «Голос Севера» проводится Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в целях поиска и выявления авторов, пишущих о жизни, быте, традициях и обычаях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.
2. Литературный конкурс является некоммерческим мероприятием и преследует исключительно творческие и общекультурные цели.
3. Литературный конкурс «Голос Севера», поддерживая цели и задачи Международного десятилетия языков коренных народов мира, организуется среди начинающих авторов, пишущих на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Конкурс проводится в трёх номинациях:

1. «Проза на родном языке»,
2. «Поэзия на родном языке»,
3. «Детское литературное творчество на родном языке».

**IV Литературный конкурс «Голос Севера»
будет объявлен в 2023 году.**

